

Древний Китай простым языком

Эдвард Харпер Паркер

Ancient China Simplified

Edward Harper Parker

The Project Gutenberg eBook of Ancient China Simplified.

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать, дарить или повторно использовать ее на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Древний Китай простым языком

Автор: Эдвард Харпер Паркер

Дата выхода: 1 октября 2004 [eBook #6624]

Последнее обновление: 29 декабря 2020 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Стивом Шульцем, Чарльзом Фрэнксом и командой онлайн-распределенной корректуры

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ДРЕВНИЙ КИТАЙ УПРОЩЕННЫЙ ***

Продюсеры: Стив Шульце, Чарльз Фрэнкс

и команда онлайн-распределенной корректуры.

Изображения страниц любезно предоставлены библиотекой Университета Кейс Вестерн Резерв - Отдел сохранения

ДРЕВНИЙ КИТАЙ ПРОСТЫМ ЯЗЫКОМ

[Иллюстрация: Тренога династии Чоу, дата 812 г. до н. э. В 1565 г. н. э. она была помещена владельцем для сохранности в храм на Серебряном острове (около Чинкианга), где ее можно увидеть и сейчас. Взято (с любезного разрешения автора) из книги д-ра С. В. Бушелла "Китайское искусство", т. I. стр. 82].

ДРЕВНИЙ КИТАЙ ПРОСТЫМ ЯЗЫКОМ

ЭДВАРД ХАРПЕР ПАРКЕР, магистр экономики, (манк.)

ПРОФЕССОР КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА В МАНЧЕСТЕРСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ИМЕНИ ВИКТОРИИ
ЛОНДОН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Однажды Босуэлл заметил доктору Джонсону, что "история Англии настолько странная, что, если бы она не была хорошо подкреплена доказательствами, она вряд ли заслуживала бы доверия". На что Джонсон ответил в своем обычном стиле: "Сэр, если бы она была рассказана так же кратко и с такой же небольшой подготовкой к введению различных событий, как история иудейских царей, она была бы в равной степени подвержена возражениям о неправдоподобности". Далее доктор Джонсон проиллюстрировал то, что он

имел в виду, конкретной ссылкой на уступки парламенту, сделанные Карлом I. "Если бы, - сказал он, - они были рассказаны вкратце, без подробного описания обстоятельств, которые в целом привели к ним, им бы не поверили".

Именно таково положение древней китайской истории, которая, можно сказать, примерно совпадает по времени с историей иудейских царей. Китайские анналы - это просто дневники событий, отдельные факты сваливаются в кучу в порядке датировки, без всякой оглядки на пропорции. Эпохальные вторжения, поражения и уступки территорий лаконично записываются наравне с неосторожностью принца, оплакивающего наложницу, как он оплакивал бы жену, или щедростью императора, отправившего блюдо жертвенного мяса вассальной державе с курьером. С одной стороны, в этом методе есть явное преимущество, поскольку историк редко поддается соблазну навязать свое мнение или комментарии, и нам оставляют четкий путь для формирования собственных суждений по приведенным фактам. С другой стороны, к сожалению, то, что можно назвать философией истории, так и не было воспринято китайским умом: летописцы не беспокоятся о правах и стремлениях масс, о результатах общей политики, которые естественно следуют за увеличением населения, совершенствованием оружия и боеприпасов, примесью иностранной крови к политическому телу и тому подобными вопросами. Если основные события отмечены, то читателю остается дописать детали, опираясь на свое воображение и знание современных событий. Например, предположим, что правление королевы Виктории началось следующим образом: "1837, 5 луна, Календы, Виктория вступила в должность: 9 луна, иды, Наполеон нанес визит: 28-й день, Лондон затоплен; 10-я луна, 29-й день, затмение солнца"; и так далее. В то время и в течение многих лет - возможно, столетий - после этого будет существовать точная общая традиционная или даже письменная информация о том, кем была Виктория; почему Наполеон нанес визит; каким именно образом наводнение повлияло на Англию в целом; из каких мест было лучше всего видно затмение и т. д. С каждым последующим поколением эти подробности становились все менее отчетливыми; на помощь приходили комментаторы, затем комментаторы за комментаторами и дискуссии о том, кто из них заслуживает наибольшего доверия.

В этих условиях самим китайцам достаточно сложно выстроить из столь разнородной массы материала ряд исторических уроков, которые могли бы послужить им руководством в ведении современных дел. В случае с западными людьми эта трудность более чем удваивается странными и негармоничными для нас звуками китайских имен: кроме того, поскольку они односложны и многие из них совершенно одинаковы, когда выражаются нашими буквами, почти невозможно запомнить их и отличить одно от другого. Таким образом, большинство людей, честно пытающихся с помощью переводов освоить основные события древней китайской истории, вскоре бросают книгу в отчаянии; в то время как даже специалисты, желающие сократить свои труды, пользуясь чужими работами, могут прочно усвоить переводы только путем сравнения их с оригиналами: таким образом, действительно невозможно приобрести хоть что-то, приближающееся к точному пониманию китайской древности, не обладая в какой-то степени контролирующей силой знания пиктограмм.

Именно с учетом всех этих трудностей в данной книге была предпринята попытка извлечь принципы из отдельных фактов; по возможности избежать использования китайских имен собственных; вводить их как можно реже и постепенно, если они вообще должны быть использованы; описывать общее направление событий и жизнь народа, а не личные деяния правителей и крупных чиновников; и в целом дать возможность любому, кто умеет читать только по-английски, получить внятное представление о том, чем на самом деле была китайская древность и какие принципы и мотивы, явные или молчаливые, лежали в ее

основе. Именно с этой целью я решился назвать свой скромный труд "Древний Китай в упрощенном виде" и могу лишь выразить надежду, что он действительно будет признан понятным.

ЭДВАРД ХАРПЕР ПАРКЕР.

18, GAMBIER TERRACE, LIVERPOOL, 18 мая 1908 года.

ПОМОЩЬ ДЛЯ ЗАПОМИНАНИЯ

В книге много повторов: одни и те же факты представлены, например, под заголовками "Армия", "Религия", "Конфуций" и "Браки". Это сделано намеренно, и цель состоит в том, чтобы удерживать в памяти впечатления, которые в незнакомом, древнем и непонятном предмете могут исчезнуть после прочтения одного или двух случайных высказываний.

Указатель тщательно составлен, чтобы любая аллюзия или утверждение, смутно сохранившиеся в сознании, могли быть сразу же подтверждены. Заголовки глав, или оглавление, которое само по себе составляет почти пять процентов всего печатного листа, составлено таким образом, что в нем не пропущено ни одной детали, рассматриваемой в основном тексте.

В более ранних главах неотесанные имена собственные сведены к минимуму, но в указателе по именам упоминаются конкретные места и лица, лишь в общих чертах упомянутые на предыдущих страницах. Например, государства Лу и ЧКНГ на страницах 22 и 29: достаточно трудно различать Ц'и, Цинь, Ц'ин и Ц'у в самом начале, не забывая память свежими именами, пока в этом не возникнет острая необходимость.

Девять карт вставлены там, где они могут пригодиться: хороший план - обращаться к карте каждый раз, когда упоминается какое-либо место, если только память не подсказывает, где именно оно находится. После двух-трех таких обращений ситуации с местами лучше укоренятся в сознании.

Главы разбиты на короткие рассуждения и описания, поскольку более длинные разделы могут быть утомительными, когда речь идет о древней истории. А повествование о политическом движении часто прерывается введением нового материала, чтобы придать новизну и стимулировать воображение. Кроме того, все главы и все темы сходятся к одному общему фокусу.

На странице 15 книги "Китай, его дипломатия и т. д." (John Murray, 1901) я признался, насколько утомительной мне самому казалась древняя китайская история и что ее человеческий интерес начинается только с внешних сношений. Однако я еще раз систематически прошел через эту мельницу, и моя цель - представить общие результаты, которые можно получить только ценой кропотливого отбора и восстановления отдельных и часто внешне не связанных между собой записей фактов.

НАЗВАНИЯ ГЛАВНЫХ НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ

ЧОУ: сначала княжество в Южной Шэнь Си и часть Кан Су, подчинявшееся династии Шан; затем сама императорская династия.

Ц'ин: княжество к западу от вышеупомянутого. Когда династия Чжоу перенесла свою столицу на восток, в Хо Нань, Ц'ин стал владеть старым княжеством Чжоу.

Цинь: княжество (та же семья, что и Чоу) в южном Шань-Си (и иногда в Шэнь-Си).

Ц'И: княжество, отделенное Желтой рекой от Цинь и Ен; оно лежало в Северном Шаньтуне и в прибрежной части Чи Ли.

Ц'У: полуварварское княжество с преобладанием на реке Ян-цзы.

У: еще более варварское княжество (правлящая каста из той же семьи, что и Чжоу, но старше Чжоу) на *побережье* Ян-цзы и Шанхая.

Юэх: столь же варварское княжество, занимающее другой *уступ* в районе Ханьчжоу-Нинпо. У и Юэх сначала подчинялись Цю.

Ень: княжество (та же семья, что и Чжоу) на Пекинской равнине, к северу от устья Желтой реки,

ШУХ и ПА: ни в коем случае не китайский и не федеральный; эквивалент центральной и восточной провинции Сз Ч'ван.

CHÊNG: княжество в Хо Нань (та же семья, что и Чоу).

СУНГ: княжество, занимающее четыре угла Хо Нань, Шань Тунг, Ань Хвэй и Кианг Су (династия Шан).

Ч'КН: княжество в Хо Нань, к югу от Сун (семья императора Плуга, 2250 г. до н.э.). Семья императора Плуга, 2250 г. до н. э., предшествовавшая даже династии Хиа).

ВЭЙ: княжество, занимающее углы Хо Нань, Чи Ли и Шань Тунг (семья императоров Чоу).

Ц'АО: княжество на юго-западе Шань-туна; соседство с Лу, Вэй и Сун (та же семья, что и Чжоу).

Ц'АИ: княжество в Хо Нань, к югу от Ч'КН (та же семья, что и Чоу).

ЛУ: княжество на юго-западе Шаньтуна, между Цао и Цай (его основатель был братом основателя Чоу).

НÜ: очень маленькое княжество в Хо Нань, к югу от Чэн (то же неясное восточное происхождение, что и у Цзи),

К'И: мыс Шань-Тунг и германская сфера (родом из династии Хиа); его часто путают с другим княжеством под названием *Ки* (без придыхания), или оно полностью совпадает с ним.

Выше перечислены практически все государства, чье участие в китайском развитии исторически имело большое значение,

ИМЕНА ГЛАВНЫХ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

КОНФУЦИЙ: после 500 г. до н. э. премьер-министр Лу; проследил свое происхождение через вассальную династии Чжоу правящую семью Сун к семье династии Шан.

ЦЗ-Ч'АН: старший современник Конфуция; премьер-министр Чэн; проследил свое происхождение через вассальную правящую семью Чэн до семьи династии Чжоу: дата смерти указывается по-разному.

КВАН-ЦЗЭ: умер между 648 и 643 гг. до н. э., по разным данным; премьер-министр Цзи; вел свое происхождение от того же клана, что и правящая династия Чжоу.

Ен-цзы: умер в 500 г. до н. э.; премьер-министр Цзи; вел свое происхождение от местного клана, очевидно, восточного варвара по происхождению.

Вэй Ян: умер в 338 г. до н. э.; премьер-министр Цинь; был рожденным от наложницы принцем вассального государства Вэй и, таким образом, принадлежал к императорскому клану династии Чжоу.

ШУХ ХИАНГ: юрист и министр Цинь; принадлежал к одной из "великих семей" Цинь; был современником Цз-Ч'аня. ХИАНГ СЮХ: дипломат государства Сун; родословная не установлена,

КИ-ЧАХ: сын, брат и дядя сменявших друг друга варварских царей У, предки которых, однако, были теми же предками, что и ортодоксальные императорские правители династии Чжоу; современник Цз-чаня.

ИМЕНА ТАК НАЗЫВАЕМЫХ "ПЯТИ ПОКРОВИТЕЛЕЙ"

(ТОЛЬКО ДВОЕ ПЕРВЫХ ИЗ ПЯТИ БЫЛИ ТАКОВЫМИ ОФИЦИАЛЬНО; ДВОЕ ПОСЛЕДНИХ БЫЛИ ТАКОВЫМИ ДАЖЕ ОФИЦИАЛЬНО, ХОТЯ НИКОГДА НЕ ВХОДИЛИ В ЧИСЛО ПЯТИ).

1. МАРКВЕССА ЦИ (не из императорского клана Чоу, возможно, "восточно-варварского" происхождения).
2. Маркиза Цинь (императорский клан Чоу).
3. Герцог Сунг (императорское происхождение из династии Шан),
4. "Король" Т'СУ (полуварвар, но с отдаленным имперским китайским легендарным происхождением).
5. Ц'инский граф (полутатарин, по преданию, происходил из далекого царского рода китайцев).
6. "Король" Ву (полуварвар, но из императорского рода Чоу).
7. "Царь" Юэх (варвар, но по легенде происходящий от сверхдалекого имперского китайца).

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I

ОТКРЫТЫЕ СЦЕНЫ

Начало датированной истории - Размеры древнего Китая - Разделение на вотчины - Вотчины соответствуют современным районам *хиен* - Месные лорды и субвассалы - Способ миграции и колонизации - Течение Желтой реки в 842 году до н. э. - Отдаленные вотчины в современных провинциях Шаньтун и Чи Ли - Река, которая впоследствии стала частью Великого канала - Система вод реки Хвай - Европейцы всегда рассматривают Китай с моря внутри - Корея, Япония и Ляотун неизвестны в 842 году до н. э. за исключением, возможно, вассального государства на Пекинской равнине - Ортодоксальные китайцы перенимали

варварские обычаи в Шань-Тунге - Восточные варвары на побережье до Шанхая - Не знали о Южной и Западной Азии - Левый берег Желтой реки был в основном тартарским, Древняя столица в Шань Си Древняя колонизация долин реки Вэй в Шэнь Си - Возможность того, что западные идеи были перенесены татарскими всадниками из Персии и Туркестана - Традиции западных, восточных и южных сношений до 842 г. до н.э. Ранние знания о реке Ян-цзы и ее трех устьях - Исследования древних императоров - Развитие Китая шло тем же нормальным путем, что и развитие Греции или Англии.

ГЛАВА II

СМЕНЯЮЩИЕСЯ СЦЕНЫ

Характер ранних колониальных сатрапов Китая - Восстание западного сатрапа и бегство императора в 842 году до н. э. - Дочь более позднего сатрапа выходит замуж за императора - Тартары вмешиваются в вопросы императорского престолонаследия и убивают императора - Перенос императорской метрополии из Шэнь Си в Хо Нань - Династия Чжоу, начиная с 1122 года до н. э. До своего завоевания вассальный дом Чоу занимал такое же положение по отношению к императорской династии Шан, какое в свою очередь занимали Западные воеводы или князья Цинь по отношению к императорской династии Чоу - династия Шан в 1766 г. до н.э. по тем же причинам вытеснила династию Шан, по тем же причинам вытеснила династию Ся - Никаких событий, представляющих большой интерес, не зафиксировано на ограниченной территории Китая до 771 г. до н. э. - Упадок императорской власти до ее исчезновения в 250 г. до н. э. - Период пяти тиранов или покровителей - Естественное движение в ногу с политическим развитием - Более простая система письменности - Развитие торговли и промышленности - столкновение живых интересов с угасшими стремлениями - С 722 г. до н. э. по 480 г. до н. э. - период перемен, охватываемый историей Конфуция

ГЛАВА III

СЕВЕРНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Государство Цинь в Шань-Си В 771 году до н.э.: его правитель сопровождает императора в его новую столицу Только в 671 году до н.э. Конфуций упоминает Цинь - отделено от Цинь Желтой рекой - важное различие между звуками Цинь и Цинь - важность всей Желтой реки как естественной границы - государство Цинь также занималось буферной деятельностью против татарских вторжений - отдаленное происхождение Цинь - Цинь, Цинь, Основатель Ена увековечен в песне - Полное отсутствие традиций относительно происхождения Ена - Его возможные отношения с Кореей и Японией - Центр политического притяжения навсегда перенесен на север - Тартарские движения в Азии в целом 800-600 гг. до н.э. До н. э. - Никогда не было империи тартаров - Причина для использования свободного слова "тартары" - Расовое деление тогда, вероятно, было таким же, как и сейчас - Попытка классифицировать тартар в определенные группы - Ч'ван неизвестен под любым именем - Ничего вообще не было известно в Китае на севере и западе: *á fortiori* Центральной Азии

ГЛАВА IV

ЮЖНАЯ ДЕРЖАВА

Крах императора привел к беспокойству и на юге - Страна джунглей к югу от реки Хань - Древнее происхождение ее царей - Притязания на равенство - Буферное государство на юге - Правящая каста состояла из образованных китайцев - Расширение империи Ц'у - Аннамские связи - Повторные притязания 704 г. до н. э. - Столица перенесена в Кинг-тоу-фу

близ Ша-ши - Первые завоевания Ц'у в Китае - Пятьсот лет борьбы с Ц'ин за обладание всем Китаем

ГЛАВА V

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАТМЕНИЙ

Насколько правдива история? - Конфуций и затмения - свидетельства, несмотря на уничтожение литературы в 213 году до н. э. - Ретроспективные расчеты затмений и усложнение календарей - затмение 776 года до н. э. - Ошибки в конфуцианской истории из-за соперничества календарей

ГЛАВА VI

АРМИЯ

Военная атрибутика - Десять тысяч и одна тысяча колесниц - Использование боевых колесниц, кожаных или деревянных - Колесницы распределялись в соответствии с рангом - Семьдесят пять человек на одну повозку - Военные колесницы датируются 1800 г. до н.э. - Тартарские домашние повозки - Реки в основном не судоходны на севере - Введение каналов и лодочного движения - Население и армии - Смутные описания - Ранние армии никогда не превышали 75 000 человек - Использование флагов - Использовались как на охоте, так и на войне - Жертвы приносились в жертву барабанам - современный пример этого в 1900 году н.э.

ГЛАВА VII

ПРИБРЕЖНЫЕ ШТАТЫ

Прибрежные государства, владеющие дельтой Ян-цзы - Государство У действительно того же происхождения, что и императорская династия Чжоу - Сравнение с финикийскими колонистами - У побудил Цинь напасть на Ца - Древнее название Кеугу - У попадает в водоворот китайской политики - Конфуций и его презрительное отношение к варварам - Лу, в Южном Шаньтуне, где Конфуций занимал официальные посты - Великобритания и герцог Конфуций - Пять рангов для правителей вассальных государств - Разграбление У столицы Цю в 506 г. до н.э. Вассал У - Юэ - выступает против У - Увьет - родное название Юэ - Кровавые войны между У и Юэ - Исчезновение У в 483 году до н. э. - Юэ всегда было прибрежной державой - Причины стремления Конфуция восстановить старую феодальную систему

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ЗАЩИТНИК КИТАЯ

Первый гегемон или протектор Китая и его собственное вассальное царство Цзи - Пределы Цзи и древнее течение Желтой реки - Отсутствие древних записей - Перемещение столицы в девятом веке до н.э. - Падение императора в 842 году и его влияние на Цзи - Помощь, оказанная Цзи в подавлении татар - Незначительные размеры Цзи - Отмщение за судебное убийство двухвековой давности - Быстрый подъем Цзи и заслуги государственного деятеля-философа Кван-цзы - Правящая каста в Китае - Провозглашение себя защитником Китая 679 г. до н.э. Набеги татар до Желтой реки в Хо Нань - Китайские дурбары и обязанности протектора - Цин и Цу слишком далеки или слишком заняты для ортодоксальных дурбаров - Мало что известно о владениях марионеточного императора - Эсминцы всех центрально-китайских ортодоксальных сталей - Боевые инстинкты всех полукитайских государств - Борьба за жизнь становится все острее во всем Китае

ГЛАВА IX

ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛАННИКОВ

Святость посланников - Соперничество цинского севера и цюйского юга за влияние на ортодоксальный центр - Состояние ЧКНГ (императорского клана) - Состояние Сунг (клана династии Шан) - Семейные жертвоприношения - Примеры обращения с посланниками - Философ Ен-цз: его ирония- Государственный деятель Цз-ч'ан из ЧКНГ- Варварское и бессердечное поведение Цзу по отношению к посланникам- Жажда ценностей среди высших офицеров- Борьба за первенство на мирной конференции- Конфуций манипулирует историей- Ень-и и Конфуций вместе во время покушения на убийство

ГЛАВА X

ВТОРОЙ ЗАЩИТНИК

Смерть первого протектора и его приспешника Кван-цзы, 648-643 гг. до н.э.- Преемственность Цинь и претензии Сун на протекторат - татарское влияние в Цинь - претензии Цзу на гегемонию - нелепое ортодоксальное рыцарство - великое развитие Цинь - многоПравитель, состоящий в браке - Брачные осложнения - Интересная история политических скитаний Второго Протектора - Попытки заменить умершего Кван-цза - Наслаждения жизни в Цинь - Подходящее поведение ортодоксальных принцев по отношению к Страннику - Откровенное отношение Ц'у - Последовательные татарские правители Цинь, и война с Т&н - Второй покровитель получает свой собственный трон в Цине - Кукольный император на дурбаре - Цинь получает уступку территории - Трехсторонняя война между державами - Описание политической ситуации - Китай 2500 лет назад начал двигаться так же, как и сейчас

ГЛАВА XI

РЕЛИГИЯ

И'ю религия, кроме естественной религии - Религия не отделена от административного ритуала - Титулы "король" и "император" - Молитва распространена, но большинство других наших собственных религиозных понятий отсутствует - Местная религия в варварских государствах - Различие между потерей и уничтожением власти - Герцогский сан и маркизы - Различие между жертвоприношениями грантодателей и личными жертвами - Молитва и древний император Шунь, чья могила находится в Ху Нань - болезнь императора Чжоу и письменная молитва брата - предложения пожертвовать собой - послания от мертвых - книга Лао-цзы - жертвоприношения Цинь и покоренных - другие случаи молитвы

ГЛАВА XII

ПОКЛОНЕНИЕ ПРЕДКАМ

Скрижали предков, перевозимые на войну- Святые места, градуированные в соответствии с рангом- Описание святилищ- Частный случай с царем Цю- Пример с императором Первого августа намного позже- Храм Неба, Пекин, Современная японская практика обращения к Небу и предкам - Цинь и Цзи - Жертвенные таблички - Письменные принадлежности - Особый духовный статус Лу - Осквернение гробниц и порка трупов - Разрушение храмов предков - Императорские подарки жертвенного мяса - Пост и очищение - Сложные правила траура. Со-65

ГЛАВА XIII

НАЙДЕНЫ ДРЕВНИЕ ДОКУМЕНТЫ

История Цина и Бамбуковые анналы, обнаруженные после 600 лет погребения - Подтверждение истории Конфуция - Устаревшая и современная письменность - Древние календари - Их доказательство точности дат - Цинский календарь, навязанный Китаю - Рост власти Цина - Положение защитника - Обширные татарские аннексии Цина - Цинский герцог Мух и китайский император Мух - Посмертные имена. Открытие древних книг - Предполагаемые путешествия императора Муха в Тартарию - Возможность того, что герцог Мух совершил эти путешествия - Цин и Цинь принуждают татар к миграции - Тайные вассальные "императоры" - Случаи Аннама и Японии - Цинь против Цина и Цу после смерти второго протектора - Цинь больше никогда не будет протектором - Китайские и татарские советники Цина - Основания для будущей империи Цинь.

ГЛАВА XIV

БОЛЬШЕ О ПРОТЕКТОРАХ

Пять покровителей Китая - более точное определение - Никакой период "периода пяти тиранов" не может быть логически принят как точный - Китайцы никогда не понимают принципы истории в отличие от подробных фактов - Международная ситуация - Фланговые движения - Появление варварского У на китайской арене - Фонетические имена варваров - Государство Вэй - Просвещенный принц, посланный в Китай из У - У быстро приобретает статус покровителя - Конфуций подтасовывает историю - Рискованное положение короля У - Юэ завоевывает У, и выдает себя за протектора - Река Сэ (Большой канал).

ГЛАВА XV

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СВЯЗЬ

Дальнейшие объяснения относительно группировки государств и размера самых маленьких государств - Государственные деятели всех ортодоксальных государств знакомы друг с другом - Никаких диалектных трудностей в древние времена - Записи существуют для всего - Отсутствие каст, но сохранение идеи наследственности - Великий политический экономист Кван-цз-цз-ч'ан, принц-государственный деятель Чэн-Шу-Хян, государственный деятель Цин - Ссылка на Приложение №. г- Государственный деятель Ен-цз из Цинь- Происхождение Конфуция как члена царской семьи Сун- Странствия Конфуция не очень обширны- Конфуций не просто педант, но государственный деятель и юморист- Хян Сун из Сун, изобретатель "гаагских" конференций-Ки-ча, принц-посланник У-К'у-пех-юх, авторитет в Вэй-Цин не имел литераторов-Лао-% из Ц'у-Причины, по которым Конфуций не упоминает его

ГЛАВА XVI

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Древняя земля и земельный налог-Сочетание военной службы с обработкой земли-Студенты должны были изучать *тао* (в его до-лао-цзском смысле)-Следующие торговые классы-Следующие земледельцы-Следующие ремесленники-Очередное деление народа-Ответственность правителей перед Богом-Классификация правителей и правящих чинов-Евнухи и рабы-Кадастровая съемка в государстве Цзу-Резервы для спорта-Кладбища-Сольквартиры Другая система земельной и военной службы в Цю - система Кван-цзы в Цю - помощь бедным - проницательная дипломатия - его господин становится первым покровителем - торговля и ярмарки - "Народ" игнорируется в истории - реформы и

управление Цинь - "великая семья" - дороги, Припасы, пост-этапы - Цинь развивался еще до Кван-цзы - Беспокойство активных умов под игом ритуала.

ГЛАВА XVII

ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

Очень мало упоминаний о древней письменности или образовании - Обожженные кирпичи с надписями, неизвестные в лессовом регионе - Уступка земли с надписью на металле - Девять треножников - Ц'у утверждает их - Примеры письменных грантов и молитв - Доказательство обучения - Письменное общественное уведомление - Вероятное использование дерева - Уговоры на камне - Книги в шестом веке до н.э.-Карты, кадастры и переписи населения - сомнительный случай - закрытое письмо - инденты - военная карта - договоры - древняя теория воспитания несовершеннолетних для работы - изобретение новой письменности 827 г. до н. э. - Патриархальное правление несовместимо с просвещением - унификация письменности, мер, весов и осей-баранов императором Первым Августом - дальнейшее изобретение письменности и первый словарь - возможность использования китайской письменности для целей чтения - китайский язык в настоящее время находится в состоянии потока.

ГЛАВА XVIII

ДОГОВОРЫ И КЛЯТВЫ

Договоры и проклятия - замазывание кровью жертв - споры о старшинстве при заключении договоров - философия Шу Няна - попустительство фальсификации истории Конфуцием - забота китайцев о сохранении свидетельств из первых рук - император, игнорируемый составителями договоров - форма договора, с проклятиями - Меснские владыки и их вассалы - Переговоры и ссылки на инструкции - Первый протекторат Цы в 538 г. - Трудности Цы с У - Шесть семей Цин - Принесение в жертву петухов в качестве подтверждения клятв - Выжимание человеческой крови в качестве подтверждения - Свины для той же цели - Благородное поведение Кван-цзы в соблюдении договора - Конфуций не столь благороден: приведены примеры - Казуистика, подкрепленная пословицей.

ГЛАВА XIX

КОНФУЦИЙ И ЛИТЕРАТУРА

Время жизни Конфуция - тайна его влияния - визит принца У в государство Конфуция - "могущественная" семейная чума в Лу - положение Лу между влиянием Цинь и Цзу - Цзи изучает ритуал в Лу: Ен-цз отправляется туда - очерк истории Лу в ее связи с Конфуцием - каковы были его практические цели?- Авторитеты в поддержку того, что говорят нам "Анналы" Конфуция - Первоначальная концепция естественной религии - Распространение самого раннего патриархального китайского государства - Ни один народ рядом с ними не владел письмом - Путь распространения китайцев - Линии наименьшего сопротивления - Духовный император по сравнению с некоторыми Папами - Духовное положение Лу - Конфуций по происхождению Сун, и поначалу не был влиятельным чиновником в Лу - унижение Лу - интриги Цзи, направленные на противодействие гению Конфуция - путешествия Конфуция и его история - его отредактированные работы.

ГЛАВА XX

ЗАКОН

Первоначальное понятие закона - война и наказание на одном уровне - вторичные наказания - приговор выносится при каждом нарушении - отсутствие различия между законодательной и судебной властью - частные права игнорируются государством - общественное благо - закон природы - первая реформа законодательства для Сотни семей - Др. Перевод кодекса, выполненный Легге- Провозглашение законов императора- Темисты или решения- Капризные случаи: кипячение заживо императором - вмешательство императора в престолонаследие Лу - плащ Цан Вэнь-чуна - варварство законов Цзу - влияние Лу на императора - гравированные законы Циня - законы Цз-цзяня о металле в Чэне - Конфуций не одобряет опубликованные законы - английский судьяВсе правители принимали законы Чжоу - Чтение закона о жертвоприношении - Лаконские древние законы - Командование исходит с севера - Определение императорской власти - Законы Ли К'вэя в государстве Нгвэй (часть старой Цинь) - Прямое влияние на современное право.

ГЛАВА XXI

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Инженерные работы старых императоров - Чудесное вырубленное ущелье над королевствами Тч'анг-Па и Шу (= Сз Ч'ван) - Инженер Ли Пин в Сз Ч'ван: его шлюзы все еще в рабочем состоянии после 2200 лет использования - Китайские представления об источниках ЯнЦз - Страна Лоло и ее независимость - Желтая река и ее превратности - Замена династии Чоу династией Шан - Первые правители У строят канал - Происхождение Большого канала - Объяснение старой речной системы Шан Тунг - Расширение канала императором Первого Августа - Доля Кублай Хана в нем - Старая столица У - Сучжоу и его древние арсеналы - Нет мостов в старых глинах: броды - обстоятельства - ограниченная судоходность северных рек - различные Великие стены - огромные человеческие жертвы - новая метрополия Цин - принудительный труд и евнухи.

ГЛАВА XXII

ГОРОДА И ПОСЕЛКИ

Древние города - просто лачуги - Сул, Столица современной Кореи - Современные города по-прежнему бедны - Стремление к единству приводит к падению Цинь и Китая - Великолепие столицы Цинь - Дворцы Цзу подражали дворцам Лу - Столица У - Современный Сучжоу - Ничего не известно о ранних городах Цинь - Реформы Вэй Яна в Цинь - Предполагаемое население - Великолепные здания в новой метрополии Цинь - Легкость, с которой вассальные государства переносили свои столицы - Незначительные размеры древних княжеств - Стены городов.

ГЛАВА XXIII

РАСПАД КИТАЯ

Крах У, бегство на лодках в Японию - Основания полагать, что правящая каста Японии находилась под влиянием китайских колонистов в V веке до н. э. - Возвышение Юэ и действия в Китае в качестве протектора - Изменения в системе реки Хвай - Последние дни правления династии Чжоу - 403 год до н. э. второй великий поворотный пункт в истории - подрыв государства Цин семьей Тьен или Чэнь - Конфуций потрясен убийством царевича Цин - внезапный подъем Цин после двух веков застоя - реформы Вэй Яна приводят к

завоеванию Китая - ортодоксальный Китай сравнивают с Грецией - период "сражающегося государства".

ГЛАВА XXIV

КОРОЛИ И ВЕЛЬМОЖИ

Титулы императоров династии Чжоу - Слово "король" в современности - Посмертные имена - Титул "император" и слово "императорский" - "Бог" путают с "императором" - Мнение Лао-цзы - Сравнение с Вавилонией, Египтом и т.д. - Ни один феодальный князь не был признан императором как обладающий тем же титулом, что и император - Римские императоры - Пять рангов знати - Личные "герцоги" императора по сравнению с кардиналами - Государство Лу - Государство Цы - Государство Цин - Отсутствие расовой ненависти в Китае - Государство Вэй - Клановость между династиями - Жертвенные права - Государство Чэн: место борьбы для всех - государство Чэн - объяснение термина "герцог" применительно ко всем суверенным князьям.

ГЛАВА XXV

БАССАЛЫ И ИМПЕРАТОР

Вассальные князья династии Чжоу и предыдущих династий - Вассальные князья и их отношения с императорами - Покровители защищают права императора - Жертвоприношения императора богу - Правила и права в отношении пошлин - Весь Китай принадлежит императору - Особые представления о территории императора - Уважение к императорским посланникам - Прямые и косвенные вассалы - Группа вассалов Цзу сравнивается с Македонией - Никогда не подчинялся императорам - Право прохода для армий - Особые комплименты Прямые и косвенные вассалы - Группа вассалов Цзу - Цзу сравнивается с Македонией - Никогда не подчинялся императорам - Право прохода для армий - Особое комплиментарное использование термина "виконт" - Титулы, не наследуемые во время траура - Формы обращения - Соперники-протекторы и их соответствующие подчиненные государства - Дань от государств императору, и подарки императора вассальным государствам - Император принимает *свершившиеся факты* и берет то, что может получить.

ГЛАВА XXVI

ПЕРИОД БОЕВОГО СОСТОЯНИЯ

Period of fighting states—Tsin divided into Han, Ngwei, и Чао - Цинь развивалась в Тартарии и в Сз-Шане - Желание упорядоченного метода в китайской истории - Как государственные деятели каждого вассального государства развивали ресурсы - Военное развитие Цинь сравнивается с Пруссией с 1815 по 1870 год - "Перпендикулярный и горизонтальный" период - Цель сокрушить Цинь - Соперники претендентов на всеобщую империю - Первое появление гуннов или турок -Беспомощное положение Старого Китая - Кровавые битвы в финале завоевательной карьеры Цинь - Миллион обезглавленных - Усиленные кавалерийские бои - Высшие усилия Цинь по завоеванию Китая.

ГЛАВА XXVII

ЧУЖАЯ КРОВЬ

Итоги исторического развития Китая - Общие направления продвижения Китая - Методы китайской колонизации - Родовые претензии полукитайских государств - Цинь и Цзи были еще древнее ортодоксального Китая - Степень чужеродности Цю - Родные слова и музыка

Цю - Особенности Цю - Законы престолонаследия в Цю и Лу - Сравнение - Дальнейшие доказательства чужеродности Цю - Бороды - Титулы, посмертные и другие- Цю признает свою дикость- претензии Цю на Девять Триодов- Цю и обряды Чжоу- постепенная цивилизация- восхищение Конфуция Цю- стиль Конфуция в разговоре о варварах- различие между "битвой" и "сражением"- немецкие различия рангов по сравнению с китайскими- историческая честь "наречения"- неясность показаний и способ проверки доказательств.

ГЛАВА XXVIII

БАРБАРИАНЦЫ

Государство У- Первые китайские князья-эмигранты переняли варварские обычаи- Страна джунглей и У- Способ У делать прически и признание У в варварстве- Федеративный Китай использует У против Цзы- У тот же язык и манеры, что и у Юэ- Родные слова У слова - Незнание У о войне - Ранняя изоляция У - Цзи вступает в брачные отношения с У - Менций возражает ретроспективно - Правящая каста У - Язык У - Законы наследования У - Взгляды принца У на душу - Взгляды Конфуция на призраков - КиБлизость Ки-чаха с ортодоксальными государственными деятелями - Слухи о ранней Японии - Японские и уские обычаи татуировки - Японские традиции связи с У - Опасности этимологических догадок - Сомнения по поводу расовых вопросов в У - Малая ценность японской истории и традиции - Общие выводы.

ГЛАВА XXIX

ЛЮБОПЫТНЫЕ ОБЫЧАИ

Небольшие размеры древнего Китая - Описание древнего ядра и окружающих варваров - Количество иностранного элемента в каждом вассальном государстве - Политика администраций Цинь и Лу - Дикие племена восточного побережья - Сохранение некоторых из них до 970 г. н.э.-Неграмотность Цинь - ее человеческие жертвоприношения - ее турецкая кровь - позднее влияние императоров на Цинь - постепенная цивилизация - Ки-ча о музыке Цинь - Цу относится к Цинь как к варвару еще в 361 году до н. э. - Изоляция Цинь до 326 года до н. э.-Тартарское правило наследования в одно время в Цзине - варварство Иие - его способный король - родное имя - существование грибов как державы - различные ветви расы Иие в Фучоу, У иУ и Иие говорили на одном языке - Правящая каста У - Военная дисциплина в У и Иие - Ни в одном из государств не было человеческих жертвоприношений - Ползучие обычаи - Древнекитайское происхождение правителей - Позднее столица Иие в германской сфере - Ее власть всегда была морской.

ГЛАВА XXX

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Литературные отношения между вассальными государствами - Конфуций положил начало философии - Четырехкратная "Библия" Китая - Оды обычно знали наизусть - Сравнение с президентом Крюгером и его текстами - Цитаты из од и книг позволяют установить даты - Книги в те времена были тяжелым грузом - Люди доверяли памяти - Обряды понимали исключительно правящие классы - Сравнение с Джонсоновскими остротами - Приведенные обстоятельства, история и классика подтверждают друг друга - свидетельства - предок Конфуция сочиняет оды - политическая песня детей Цина - еще одна сохранившаяся ода, посвященная второму покровителю - ранние литературные познания Цзю - общее знание оды и истории - нежелание Цзина - древние документы, единственные сохранившиеся до наших дней - первое определенное представление об отмене феодальной системы - точка опоры 403 г. до н. э.-Завоевания Цинь на севере, юге, востоке и западе -Путешествия императора Первого августа -Даосская философия Лао-цзы становится модной -Ненависть

Цинь к ортодоксальной литературе, в частности к "Одам" и "Книге" -Книга перемен избегает его ненависти -Революционный указ императора Первого августа -Утраченные летописи всех феодальных государств, кроме Цинь -Ученые татары из Цинь -Конфуций тоже пользовался циньскими летописями -Происхождение названия *Ши-ки*, или "Исторические анналы"- Другие свидетельства утраченных историй- Любопытное название Циньских анналов- Циньские стихи- Знание Циньцами истории прошлого- Термин "Весны и Осени"- Лысина ранних китайских анналов.

ГЛАВА XXXI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИТАЙЦЕВ

Откуда пришли китайцы?-Все люди одинакового возраста и происхождения- Записи создают цивилизацию и благородство- Свидетельства древности- Китай и Запад совершенно неизвестны друг другу в древние времена- Тартары - связующее звено- Хотя укрощенные религией, они не сильно изменились сейчас- Торговцы тогда, как и сейчас, но нет сквозных путешественников- Китайцы, вероятно, были в Китае за мириады лет до начала их записей- Тонические особенности всех племен вблизи Китая, кроме татар- Китайцы следовали по линии наименьшего сопротивления- Тартары были отброшены назад, Записи определили направление развития культуры - Южные полукитайцы имеют равные права с ортодоксальными китайцами - Традиции древних императоров на севере, побережье и юге - Предложения о том, как древнейшие китайцы распространяли себя - Никаких намеков на иммиграцию откуда-либо - Старое предположение об иммиграции из Таримской долины и Вавилонии - Предложенный компромисс с западными религиозными взглядами - Творение и природа - Компромисс со сверхъестественным и воображением - Подведение итогов.

ГЛАВА XXXII

КАЛЕНДАРЬ

Китайский календарь - Конфуций и затмения - Провозглашение новолуния - Небесные наблюдения в разных государствах - Китайский год - лунный - солнечный - Трудности с точной длиной луны - Изобретательные приспособления для приведения солнечного и лунного годов, времен года, солнцестояний и равноденствий в гармонию с сельскохозяйственными нуждами - Шестидесятилетний цикл - Различные реформы календаря и различные изменения в месяце, начинающем год - Влияние календарных изменений на день рождения Конфуция, шестидесятилетний цикл - различные реформы календаря и различные изменения в месяце, начинающем год - влияние изменений в календаре на день рождения Конфуция - все свидетельствует в пользу точности китайских записей.

ГЛАВА XXXIII

ИМЕНА

Трудности с именами - обстоятельства - кланы и отдельные семьи - фамилии и личные имена - странные личные наименования - обмен именами между всеми государствами - евнухи и жрецы - правила "именования" людей - Конфуций передает похвалу или порицание, "именуя" людей - принципы, по которым несколько имен применяются к одному человеку - Табу - обстоятельства, Герцог Чоу - виртуальный основатель системы посмертных имен - Умиравший король и посмертный выбор имени - Неблагородные браки в собственном клане - Пресечение кровосмешения в высших кругах - Сложность связанных имен - Влияние имен на политические события, связанные с ними.

ГЛАВА XXXIV

ЕВНУХИ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ, ЕДА

Евнухи и их происхождение- Преступники с отрубленными ногами в качестве сторожей- Безносые преступники для изолированной пикетной службы- Клейменные были сторожами.Евнухи для гарема - "Очищенные люди" - Сравнительная древность Персии и Китая - Евнухи в Цинь - Цзиньские евнухи и Конфуций - Евнухи в У - Использование евнухов - Интриги евнухов в связи с императором Первым Августом - Предполагаемый отец Первого императора - Его дела - Евнух - свидетель убийства императора Второго Августа - Общее использование евнухов в Китае - Человеческие жертвоприношения в Цинь и Цзинь: также в Цинь - сомнения относительно его существования в ортодоксальном Китае - запрет Ханьского императора - отсутствие фруктового вина в древнем Китае - спиртные напитки универсальны - пороки вокруг древнего Китая, а не в нем - случаи сильного пьянства в Цинь и Цу - циньское пьянство - Конфуций и спиртные напитки - пьянство в Цинь - древние китайцы были мясоедами Древние китайцы были мясоедами - Конская плоть и тартары - Конская печень в Пруссии - Анекдот о герцоге Мухе и гиппофаге - Медвежьи лапы как пища - Слоны в Цю - Собаки как пища.

ГЛАВА XXXV

ЗНАНИЯ О ЗАПАДЕ

Путешествия императора Муха на Запад в 984 году до н. э. - Вопрос об уничтоженных государственных анналах - Преувеличенное значение экспедиции, даже если факты правдивы - Отец царя Муха погиб в подобной экспедиции - Открытие Бамбуковых книг 299 года до н. э. в 281 году н. э. - Воображаемые интерпретации экспедиции царя Муха европейскими критиками - Царица Савская - Профессор Шаванн приписывает путешествия герцогу Муху из Ц'ин 650 года до н. э.-Описание первого путешествия - По великой дороге в Лоб Нор - Современные доказательства того, что он добрался до Урумци - Шестьсот дней, или 12 000 миль - Конкретные доказательства расстояния, пройденного за день - Различные татарские происшествия во время путешествия - Влюбленность императора во время второго путешествия - Лиех-цз, даосский философ, о путешествиях императора Му - Аргументы, подтверждающие мнение М. Шаванн считает, что путешествия совершал герцог Му, а не император Му.

ГЛАВА XXXVI

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ

Царство У - название начинается с 585 г. до н.э.-Это год начала японской "истории" -Первый царь и его четыре сына -Принц Ки-ча -Война с Цю и разграбление его столицы -Царь Фу-ч'ай и его войны против Ии -Предложение убежища в Чусане -Суицид Фу-ч'ай -Бегство его семьи через моря в Японию -Китай ничего не знал о Японии, Даже если бы У знал - История уменьшилась до своих истинных пропорций - Следы доисторических людей в Японии - Возможные перемещения первоначальных жителей - Существующие доказательства лучше, чем их отсутствие - К востоку от Нинпо должна быть Япония - Как ранние греки и египетские колонисты - Естественные побуждения к эмиграции - Беженцы из Китая сравниваются с Уиллом Адамом - Естественное желание улучшить родословную - Для правящей касты Японии не стыдно происходить из Китая - Европейские сравнения - Как японцы создали свою историю прошлого - Воображение должно быть отделено от доказательств.

ГЛАВА XXXVII

ЭТИКА

Особые обычаи - формальности сдачи в плен - ряд примеров правил престолонаследия - статус жен.Случаи, когда император сам нарушает правила- Случаи нерегулярного наследования в различных государствах- Военные обычаи- Отрезание левого уха в качестве трофея- Награда за голову- Принципы ориентации на север и юг- Поворот в сторону Мекки- Левые и правые принцы- Современные случаи официальной рассадки- Северная и южная сторона дома- Рыцарские правила о трауре и на юг - Рыцарские правила о трауре - Погребальные миссии - Феодалская тоска Конфуция - Уважение к трауру даже у варваров - Много других причудливых примеров похоронных и траурных правил - Обещания, данные умирающему *non compos*, бесполезны - Менций и дипломаты.

ГЛАВА XXXVIII

ЖЕНЩИНЫ И МОРАЛЬ

Права женщин в древнем Китае - юридические правила и фактические обстоятельства - случаи нарушения женского статуса как в древнем, так и в современном Китае - случаи кровосмешения и незаконных браков даже в ортодоксальных государствах - женщины, вышедшие замуж, не должны возвращаться - многоженатый второй покровитель - обычаи гуннов и турок относительно захвата жен - клановые браки сомнительной законности - правила наследования - нарушения и капризы Ц'у - старшие братья от неполноценных жен - паранимфы, или недоучки жены- Женщины всегда под властью какого-то мужчины- Невежественные отцы- Лекс *Джулия*, введенный в Ие мстительным королем- Злые нравы района Шанхай-Нинпо в древнем Ие- Отсутствие проституции в древнем Китае, за исключением, возможно, Цы- Отсутствие детоубийства- Происхождение и имена.

ГЛАВА XXXIX

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Ортодоксальный Китай в сравнении с ортодоксальной Грецией - Наши устойчивые "традиции" о Вавилонской башне и Таримской долине - У, Ии и древние традиции - "Дань Ии" ничего не говорит о западном происхождении китайцев - Нет древних знаний о Западе и Южном Китае - Река Черноводная и император Му - "Дань Ии" ничего не говорит о предполагаемой западной эмиграции китайцев - Некоторые традиции китайских миграций с юга - Традиции лишения вассалов в Корее, около 1122 г. до н.э.-Знание Китая, определенное Первым Протектором, и посещение его Вторым в седьмом веке до н.э. -Свидетельства ограниченных знаний императора о Китае в 670 г. до н.э. -Иие впервые появляется в 536 г. до н.э. -Цинь никогда не видел моря до 589 г. до н.э.-Незнание Цинь о юге - У, Иие и Цу - все это чисто речные государства Ян-цзы - Цу один знал юг -Незнание Чханна о юге -Цу и ортодоксальный Китай из одного древнего рода -Незнание Цинь о Центральном Китае -Цинь определяет границы Китая для Цу -Древним ядром ортодоксального Китая было "Центральное государство", название, которое все еще используется для обозначения Китая в целом.

ГЛАВА XL

ГРОБНИЦЫ И ОСТАНКИ.

Свидетельства, сохранившиеся в виде гробниц великих исторических личностей - Слоны работали в гробницах У - Королевская гробница Ц'у осквернена - Реликвии 1122 года до н.э. найдены в Лу - Цинь лишен реликвий - Конфуций и реликвии герцога Чжоу - Каждое

поколение китайцев видит и сомневается не в своих древностях - Нет причин для европейского скептицизма - Туземные критики знают гораздо больше, чем мы.

ГЛАВА ХLI

ТАРТАРЫ

С древних времен татары были тесно связаны с китайцами- Как государство Чжоу было вынуждено переселиться, чтобы избежать татар- Предки Чжоу первоначально бежали из Китая к татарам- Последующие отношения семьи Чжоу с татарами- Как Цинь заменил Чжоу в качестве полутатарского или самого западного государства Китая- Тартары в течение многих веков владели северным берегом Желтой реки- Когда-то они распространялись на провинцию Кян Су- Знания Конфуция о татарах- Нападения татар в восьмом и седьмом веках до н. э. Причины возникновения протекторской системы - неспособность императоров противостоять нападениям татар - обширные связи Цзиня с татарами - Второй протектор и его советник - грубое отношение ко Второму протектору со стороны ортодоксальных китайских государств - блеф Цюя - Второй протектор должен был проверять китайские, а не татарские амбиции - татарская примесь Цинь - сравнение с римскими авантюристами - как татары в современное время правили Китаем и Азией.

ГЛАВА ХLII

МУЗЫКА

Музыка в жизни китайцев - жилище Конфуция и древние инструменты в нем - сравнение с "Кольцом" Вагнера - музыканты как развратители простоты - диалекты цинь и цзин - музыка как дополнение к правительству - взгляды Конфуция на музыку - музыка цзу - влияние музыки на ум - награды в виде права играть определенные мелодии - музыка императора Му - музыка в сочетании с прорицаниями - ЛаоЛао-цзы о благожелательности и справедливости - Игра на банджо - Музыка во время жертвоприношения или поклонения - Современное воздержание от музыки - Первый император Август сравнивается с Саулом и его музыкой.

ГЛАВА ХLIII

БОГАТСТВО, СПОРТ И Т.Д.

Древние и современные представления о богатстве - Цинские и Цюйские ценности - Мебель - Циновки и диваны - Чай и вино - Татарские диваны - Инкрустированные слоновой костью диваны - Государственные сокровища - Богатство в лошадях. Шелки и меха в Цине и Цю - Женщины как собственность - Жемчуг и нефрит как переносное имущество - Китайский Крочезус - Бегство морем в Шаньтун - Золото как деньги - Подкуп "металлом" - Железные и золотые рудники в У - Тонкие мечи У - "Деньги" как монеты - Деньги Цю - Вес золотого куска - Повара важных персон - "Мясоеды" означали правящие классы. Шелк универсален - Бедняки носили коноплю - Нет хлопка - Цинский обычай ношения мечей - Нефритовые знаки ранга - Спорт - Эгретские бои - Военные охоты - Лошади на пекинской равнине - Охотничьи колесницы и "вал-ворота" - Ямэнь, *Ямэнь* и турецкие лагеря - Петушиные бои - Поднятие тяжестей - Игры в мяч - Женщины за ткацкими станками - Мало что сказано о семейной жизни - Никаких домашних развлечений - Никаких сжатых ног - Беспомощность людей перед своими хозяевами.

ГЛАВА XLIV

CONFUCIUS

Конфуций - его заслуги - его императорское и герцогское происхождение - переселение его семьи из Сун в Лу - его отец-воин - его причудливые детские капризы - офицер Лу предсказывает его величие - его первые ученики - его назначение управляющим - его визит в Лаос - нет причин упоминать этот визит в истории - ни философ, ни "великий" - Лу в затруднении - беспомощность императора под давлением Цин, Ц'и и Ц'у - Ен-цз видит Конфуция, и обсуждает величие Цинь - Изучение обрядов в Лу - Дата визита Конфуция в Лао-цзы - Борьба великих семей за народные права - Конфуций предлагает услуги Цинь - Изучение обрядов Хиа-Ен-цзы. Зависть Цзы к Конфуцию - Конфуций возвращается в Лу - Его литературные труды - Его официальные посты и его взгляды на закон - Цзы одолевает У - Попытка убийства Цзы разбита дипломатией Конфуция - Договор между Лу и Цзы - Гражданская война в Лу - Конфуций премьер - Успешное управление - Конфуций покидает Лу в отвращении - Его обращение в государстве Вэй - Покидает Вэй, но возвращается к старому другу - подозрительный визит Конфуция к одной даме - уезжает с отвращением через Сун в Цао - посещает Чэн (ошибочно принятый за Цзчэна) и Чэнь - жертва сопернических амбиций - эпизод с маньчжурской дрофой - возвращается в Вэй - арестован; Торжественное обещание нарушено - Подлое поведение - Начинает посещать Цинь - Враг Конфуция раскаивается - Организует возвращение Конфуция в Лу - Впервые посещает Цай - Экскурсия в Цзу - Еще три года в Цай - Т...Конфуций и война - прибывает в Лу после четырнадцати лет странствий - путешествия Конфуция такие же, как у Второго Протектора - утешает себя литературой - популяризирует историю - редактирует "Перемены" и "Оды" - его история - Цо Чван.

ГЛАВА XLV

КОНФУЦИЙ И ЛАО-ЦЗЫ

Историки должны были быть осторожны - уважение к правителям - чувства Конфуция - его недостатки - все на поверхности - его сокрытия - его искусные порицания - святость классов - подлости и неосторожности Конфуция - необходимо делать поправки на время и место - Цз-Ч'ан такой же хороший человек - причины для постоянства конфуцианской системы - причины, по которым Лао-цзы не упоминается - все китайские государственные деятели-философы были, или пытались быть практичными - Первое упоминание о новом даосизме Лао-цзы - Лао-цзы хорошо известен за 400 лет до н.э. До н. э. - Государственные сношения до времени Конфуция - Философия преподавалась из уст в уста - Удешевление книг объясняет распространение знаний - Описание древних книг - Конфуций был молод, когда посетил Лао-цзы - Книга Лао-цзы носит древний характер - Скупость деталей свидетельствует о строгой правдивости - Неизвестность императора - Трудные вопросы фактов - Как Лао-цзы был посещен - Доказательства подлинности - Оригиналы должны быть изучены иностранными критиками.

ГЛАВА XLVI

ОРАКУЛЫ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Консультация с оракулами - Перемены, или Книга диаграмм - Ц'у и Ц'и как наставники Чжоу - Тортоисово предсказание - Консультация с предками - Указ Неба - Спонтанные проявления благосклонности Неба - Астрология - Прогнозирование - Текст Перемен сохранился без изменений - Ц'ин консультируется с оракулами о переносе столицы - Величие Ц'ина предсказано - Оменс - Умер н&Оракулы на поле боя - Пророчества в Цинь, Ц'у и Лу -

Скептицизм Шу Хиана - Цз-ч'ан и предзнаменование борьбы со змеями - Дети поют пророческие песни - "Передача" угрожающего зла - Оракулы черепах в Ц'о и У - Высокий статус прорицателей - "-Передача" зла в Ц'у - Реки как боги - Наши собственные пророчества - Добрая вера и правда.

ГЛАВА XLVII

ПРАВИТЕЛИ И ЛЮДИ

Личный характер войн - игнорирование интересов народа - обстоятельства - сравнение с Золотым руном и виноградником Навуфея - второй защитник мстит за цингу - немощные, увечные и слепые - необдуманная клятва Иефты - божественность царей - Ц'у более тираничен, чем Китай - ответственность китайцев перед Небом - царь не может ошибаться, и слепой - необдуманная клятва Иефти - Божественность царей - Цю более тираничен, чем Китай - Ответственность китайцев перед Небом - Царь не может сделать ничего плохого - Императоры правят под Небом - Небо в доверии правителям - Священная личность царей - Различие между официальной и частной смертью - Двойное рыцарство цинского генерала - Боги и скептицизм Цз-Ч'ана.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ИНДЕКС

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

[За иллюстрацию вазы Вучуань и надписи на ней я обязан доктору С. В. Бушеллу, доктору медицины, из чьей работы "Китайское искусство" (т. I. стр. 82) взяты пластины (любезно предоставленные Канцелярией Его Величества). За фотографию герцога "Пропагандирующего святость" (т.е. Конфуция) я обязан иезуитским отцам Шанхая и отцу Тшепе, который получил ее от его светлости].

1. Тренога династии Чоу, дата 812 г. до н. э. В 1565 г. н. э. она была помещена владельцем для сохранности в храм на Серебряном острове (около Чинкианга), где ее можно увидеть и сейчас.

Взято (с любезного разрешения автора) из книги д-ра С. У. Бушелла "Китайское искусство", т. I. стр. 82. *Фронтиспис*

2. К'унг Линг-и, наследственный Ен-шэнг Кунг, или "Князь, распространяющий святость"; 76-й по происхождению от К'унг К'иу, он же К'унг Чунг-ни, первоначальный философ, 551-479 гг. до н.э.

Этот портрет был подарен "священнику П'нг" (отцу Тшепе, С.Ж.) по случаю его визита осенью прошлого года (7-я луна, 33-й год). *К лицу страница 81*

3. Оригинальная надпись на жертвенном треножнике вместе с (1) транскрипцией современными китайскими иероглифами (справа) и (2) рассказом о ее истории (слева). Взято из книги доктора Бушелла "Китайское искусство".

[Иллюстрация: MAP]

СПИСОК КАРТ

1. Остальные небольшие карты объясняют каждый раздел более подробно.

2. Эта карта призвана дать общее представление о крайне ограниченной территории империи в шестом веке до нашей эры.
3. Как и современный султан, император Чоу был постепенно загнан в угол, окруженный Булгарией, Сервией, Египтом и другими странами, некогда находившимися под его эффективным управлением; и, как и султан, император Чоу оставался духовным главой в течение многих веков после практического расчленения своей империи.
4. До недавнего времени истинный исток Ян-цзы был неизвестен китайцам, а главной верховной водой считалась и до сих пор считается река Минь. Она протекает через богатую страну древнего Шу, которая сейчас является административным центром провинции Шэньчжэнь.
5. Даже сейчас река Ян-цзы является практически единственным крупным путем из Китая в Сэ-Шань, а в древние времена пороги, вероятно, были неподъемными для больших судов.
6. Сухопутные пути в Шэньчжэнь от верховьев рек Вэй и Илань чрезвычайно обрывисты. Только в 200 году до н. э. была предпринята попытка проложить военную дорогу.
7. Древний Китай - это Желтая река. Затем Хань и Хвай. Затем Ян-цзы. И, наконец, притоки Ян-цзы - Сэ Чжэнь. Именно через озера и реки к югу от Ян-цзы Китай наконец-то колонизировал юг.

ГЛАВА I

ОТКРЫТЫЕ СЦЕНЫ

Первой точной датой в истории Китая можно считать 842 год до н. э. В этом году император был вынужден бежать из своей столицы из-за недовольства народа его тираническими методами: он удалился на север в отдаленное поселение на татарской границе, а управление императорскими делами перешло к регентству или дуумвирату.

В то время конфедерация культурных князей под названием Китай - или, если использовать их собственный термин, Центральное царство - сильно отличалась от огромной территории, знакомой нам под этими названиями в наши дни. Вряд ли будет преувеличением сказать, что цивилизованный Китай, даже в тот сравнительно продвинутый период, состоял не более чем из современной провинции Хо Нань. Все за пределами этого плоского и сравнительно безречного региона, населенного "ортодоксами", было более или менее варварским, а та цивилизация, которой он обладал, была полностью делом рук китайских колонистов, авантюристов или получателей вотчин в *partibus infidelium* (так сказать). В вопросы еще более ранней древней истории мы можем углубиться в другой главе, но сейчас мы просто возьмем Китай таким, каким он был, когда начинается определенная хронология.

Третья из великих династий, правивших этим ограниченным Китаем, в 842 году до н. э. уже практически триста лет находилась на императорском троне и, следуя обычаю своих предшественников, разделила все земли под своей властью на вассальных князей, которые, подчиняясь общему императорскому закону и обычаю, или ритуалу, вместе с предписанными им данью и податями, были практически абсолютными в своих собственных владениях. Грубо говоря, можно сказать, что эти мелкие вотчины по размеру соответствовали обнесенному стеной городу и прилегающему к нему району нашего времени, так хорошо известному под названием *хиен*. Около дюжины крупных вотчин были первоначально дарованы кровным родственникам основателя династии в 1122 году до н. э. или после него; но не исключительно, поскольку, по-видимому, было делом чести или

религиозной щепетильности не "отрезать жертвы" от разорившихся или опозоренных царствующих семей, если только сопутствующие обстоятельства не были очень грубыми; так и получилось, что последующие династии напрягали все силы, чтобы сохранить духовную память об угасших или соперничающих домах.

Таким образом, в то время, о котором мы говорим (842 год до н.э.), около десяти из дюжины или около того крупных вассальных принцев принадлежали либо к тому же клану, что и сам император, либо происходили из более отдаленных ветвей этого клана до того, как он занял императорский трон; либо, опять же, были потомками министров и государственных деятелей, которые помогли основателю получить империю; в то время как два или три оставшихся крупных вассала были линейными представителями предыдущих династий или их великих министров, поддерживая честь и жертвы ушедших исторических личностей. Что касается мелких вотчин, которых насчитывалось от тысячи до пятнадцати сотен, то они не играли никакой роли в политической истории, за исключением того, что та или иная из них могла на мгновение выдвинуться в качестве пешки в игре амбиций, которую вели крупные вассалы. Номинально император был прямым сюзереном всех вассалов, больших и малых; но на практике крупные вассальные князья, похоже, были теми, кого в норманнской феодальной системе называли "местными лордами"; то есть каждый из них был окружен своей группой мелких владетельных лордов, которые, в свою очередь, естественно, держались за защиту того могущественного магната, который был наиболее доступен в случае необходимости; таким образом, вассальных правителей могло быть неопределенно много, и существует некоторая неясность относительно их количества.

Как древнейшие цивилизации Запада концентрировались по берегам Евфрата и Нила, так и древнейшая китайская цивилизация сосредоточена на южном берегу Желтой реки. Конфигурация земли, показанная на современной карте, помогает нам понять, как трудолюбивые земледельцы и ткачи, обнаружив, что плоская и так называемая *лессовая* территория слишком тесна для их постоянно растущего числа, создавали колонии везде, где только можно, и везде, где речные системы давали им легкий доступ; на лодках и плотках или, что кажется более вероятным, из-за скудных упоминаний о путешествиях на лодках, просто следуя по низким уровням, которые искали потоки, и обрабатывая по пути такие пастбища, которые они находили на берегах реки. Когда говорят, что самые ранние из известных нам китайцев придерживались русла Желтой реки, следует помнить, что "река" (как они ее называют) поворачивала резко на север в точке провинции Хо Нань, расположенной очень далеко к западу от ее нынешнего северного течения, возле города, обозначенного на современных картах как Чжун-тан, в широтах 35 градусов с.ш, 114 градусов восточной долготы или около того; кроме того, его течение дальше на север пролегало значительно западнее нынешнего Большого канала, захватывая то русло реки Вэй, то русло реки Чанг, в зависимости от того, рассматриваем ли мы его до или после 602 года до н. э.; но всегда впадало в залив недалеко от современного Тяньсина. Поэтому нас не должно удивлять, что Завоеватель или Утвердитель династии передал верному советнику чужеземного происхождения и двум его самым надежным родственникам три дальних фьефа, которые командовали по обе стороны устья Желтой реки, в то время недалеко от современного Тяньцина. Каналов в те времена не было, и река, которая протекает мимо места рождения Конфуция и сейчас служит питанием для Большого канала, тогда свободно текла на юго-восток к озерам в провинции Кيانг-Су к северу от Нанкина. Следует заметить, что в провинции Хо Нань берет начало целая сеть притоков, которые направляются в восточном направлении к сложной системе реки Хвай. Река Хвай, имеющая большую историю в истории развития Китая, совсем недавно на несколько лет перешла во владение Желтой реки, и с тех пор Большой канал и озера между ними настолько затруднили ее естественное

течение, что можно сказать, что у нее вообще нет естественной дельты; она рассеяна в дедале солончаков, оросительных каналов и болот: Поэтому сейчас для нас не так очевидно, почему в описываемый нами период, когда еще не было Большого канала, вся береговая линия была недоступна для китайской колонизации из долины Желтой реки: это было возможно только в двух направлениях - во-первых, на юг, по многочисленным ответвлениям реки Хань, которая сейчас, как и тогда, соединяется с Ян-цзы-Кян в Ханькоу; и во-вторых, на юго-восток, по столь же многочисленным ответвлениям реки Хвай, которая впадает в море в широте 34° северной широты. В те бездорожные времена не было возможности легко эмигрировать на запад или юго-запад, поскольку ни одна река не указывала потенциальным колонистам очевидный путь.

Привыкшим рассматривать Китай как одно огромное однородное целое, легко доступное нам с моря, нам нелегко понять исторические линии экспансии без этих предварительных объяснений. Корея и Япония были совершенно неизвестны даже по названию, и даже Ляо Тун, или "К востоку от реки Ляо", который тогда населяли корейские племена, если и был известен по традиции, то, конечно, только в связи с отдаленной китайской колонией, или вассальным государством, владевшим Пекинской равниной: с другой стороны, само это вассальное государство (если у него вообще были свои записи) в течение трех веков до 842 года до н.э. не имело никаких политических отношений с федеративными китайскими князьями, и ничего не известно ни о его внутренних делах, ни о его непосредственных отношениях (если таковые были) с маньчжурами и корейцами. Все побережье Шань-Тунга находилось в руках различных племен "восточных варваров". Правда, ряд китайских вассальных правителей владели мелкими вотчинами к югу и востоку от двух высокоцивилизованных княжеств, уже описанных как владения на нижней Желтой реке; но первоначально ортодоксальные правители этих мелких колоний, как ясно сказано, частично следовали варварским обычаям, даже несмотря на свое собственное императорское клановое происхождение, и отдавали дань этим двум большим вассалам как *mesne lords*, а не напрямую императору. К югу от них, опять же, находилась группа восточных варваров Хвай, владевшая долиной Нижней Хвай, и различные совершенно неизвестные племена восточных варваров, занимавшие болотистые солончаки и береговые впадины на побережье Кианг Су вплоть до устья реки Ян-цз.

Как мы увидим, столетие или два спустя после 842 г. до н.э. мощные полукитайские государства начали заявлять о себе против федеративных ортодоксальных китайских князей, лежащих к северу от них; но, когда впервые открывается эта история, Центральный Китай ничего не знал ни о какой части обширного региона, лежащего к югу от Ян-цзы; ничего о том, что мы сейчас называем Иинь Нань и Шэ Ч'ван, не говоря уже об индийских и тибетских владениях, лежащих за ними; *Fortiori* ничего о Формозе, Хайнане, Кочинском Китае, Тонкине, Бирме, Сиаме или различных торговых колониях индусов, продвигавшихся от островов Южного моря на север вдоль индо-китайского побережья; ничего о Цайдаме, Таримской долине, пустыне, персидской цивилизации, Туркестане, Кашгарии, Тартарии или Сибири.

Совершенно ясно, что весь левый берег Желтой реки находился во владении различных турецких и татаро-тибетских племен. Единственным исключением является то, что юго-западный угол провинции Шань-Си, в частности территория, заключенная между Желтой рекой и рекой Ф&н (которая, протекая с севера, пересекает провинцию Шань-Си и впадает в Желтую реку около 35°30' северной широты, 110°30' восточной долготы), был колонизирован. 110 градусов 30' в.д.) была колонизирована ветвью императорской семьи, вполне способной противостоять татарам; фактически, долина этой реки вплоть до северной части Пьинг-ян-фу была в полумифические времена (2300 г. до н.э.) императорской

резиденцией. Заметим, что река Вэй соединяется с Желтой рекой на ее правом берегу, как раз напротив того места, где эта последняя, текущая с севера, изгибается на восток, а сама Вэй течет с запада. Эта долина Вэй (включая субдолины ее северобережных притоков) в 842 году до н. э. была колонизирована древней китайской семьей - не императорского происхождения, если говорить о царствующем доме, - которая, переняв татарские или, возможно, тартаро-тибетские манеры, на протяжении многих поколений сумела приобрести преобладающее влияние в этом регионе. Если предположить, что - что вовсе не является невероятным - всадники-кочевники, бесспорно владевшие всем пространством пустыни и Тартара, в какое-либо время, вследствие своих набегов в направлении от Китая на запад, принесли в Китай какие-либо новые идеи, новые торговые объекты или новые религиозные представления, Эти новинки должны были почти обязательно проникнуть через это полукитайское полуварварское государство, владевшее долиной Вэй, или через других своих родственников-татар, периодически совершавших набеги на оседлых китайских земледельцев дальше на восток, вдоль линии нынешней Великой стены и северных частей провинций Шань-Си и Чи-Ли.

В более удобном месте и главе мы упомянем конкретные традиции, касающиеся предполагаемых путешествий китайского императора в Туркестан около 990 года до н. э.; предполагаемых миссий Тонкина к еще более раннему китайскому императору или регенту; и предполагаемой колонизации Кореи обиженным китайским дворянином - все три события произошли на несколько столетий раньше начального периода датированной истории, о котором мы сейчас специально говорим. В настоящее время мы игнорируем их, поскольку, даже если они были правдой, эти события не оказали и не оказывают никакого конкретного или определенного влияния на излагаемый здесь вопрос о политическом развитии Китая. Кажется несомненным, что в течение многих веков до 842 г. до н. э. правящие и литературные китайцы знали о существовании, по крайней мере, нижнего Ян-цзы и трех его устьев (Шанхайское и Ханьжоуское устья давно перестали существовать): они также, кажется, смутно слышали о "движущихся песках" за большой северной излучиной Желтой реки в Тартарской области. Не исключено даже, что упорные предания о том, что два их очень древних императора были похоронены к югу от Ян-цзы - один возле современного прибрежного договорного порта Нинпо, другой возле современного речного договорного порта Чанг-ша - могут быть правдой; ведь нет ничего более вероятного, чем то, что они оба встретили свою смерть во время исследования притоков таинственного Ян-цзы Кианг, лежащего к югу от них; ведь отец авантюрного императора, который, как предполагается, исследовал Тартарию в гг до н.э.С., несомненно, погиб при попытке исследовать область Ханькоу, как будет объяснено в дальнейшем.

Однако все это - вопрос второстепенный. Главное, на чем мы хотим настоять в качестве вступления, пытаюсь дать нашим читателям внятное представление о раннем развитии Китая, - это то, что начало Китая было похоже на начало любой другой великой нации, как, например, начало Греции; Сначала они были сосредоточены вокруг чрезвычайно маленькой области, которая, постепенно расширяясь, выбрасывала свои щупальца и ветви и привела к окончательному включению таинственного Дуная, мрачной русской равнины, Оловянных островов, Ультима Туле и атлантических берегов в одну довольно гармоничную греко-римскую цивилизацию. Или же ее можно сравнить с развитием мелких англосаксонских поселений, королевств и субкоролевств, и их постепенным политическим поглощением окружающих кельтов. В любом случае можно сказать, что в этом нет ничего поразительно нового; все шло своим чередом.

ГЛАВА II

СМЕНЯЮЩИЕСЯ СЦЕНЫ

Теперь, когда мы увидели, как китайский народ, пользуясь материальным и моральным ростом, естественно вытекающим из оседлого промышленного существования, и прежде всего исключительным владением письменностью, постепенно навязал себя в качестве правителей окружавшим его невежественным племенам, давайте посмотрим, к каким семьям принадлежали эти китайские эмигранты-авантюристы или колониальные сатрапы. Начнем с полутатарской державы в долине реки Вэй, которой через шестьсот лет суждено было завоевать весь Китай, каким мы его знаем сегодня, - правящая каста претендовала на происхождение от древнейших (и, конечно, отчасти мифологических) императоров Китая; но за тысячу лет до 842 года до н. э. эта отдаленная ветвь китайской расы стала рассеянной и почти затерялась среди тартар. Однако за поколение или два до начала нашего исследования один из этих принцев служил правящей в то время императорской династии в качестве стража западной границы, заводчика лошадей для столичных конюшен и, возможно, даже проводника по случаю императорских экспедиций в Тартарскую область. Преемник императора, изгнанного из своей столицы в 842 году до н. э., примерно двадцать лет спустя нанял этого западного сатрапа, чтобы наказать татарских кочевников, восстание которых отчасти привело к бегству императора. Потерпев несколько бедствий, проводники этой серии экспедиций наконец-то добились успеха, и в 815 году до н. э. титул "Начальника Западных земель" был официально присвоен правителю этого западного государства, который в 777 году до н. э. удостоился чести видеть одну из своих дочерей замужем за самим императором. Этот политический шаг со стороны императора был неразумным, так как косвенно привел к тому, что татары, часто воевавшие с Варденом, вмешались в распри по поводу императорского престолонаследия, в которые, естественно, татары считали себя вправе вмешиваться в интересах своего народа. В итоге в 771 году до н. э. император был убит татарами в битве, и только благодаря военной помощи полутатарского начальника Марша императорская династия была спасена. В результате столица императора была навсегда перенесена на восток из непосредственной близости от места, которое мы называем Си-нгань-фу в провинции Шэнь Си, в непосредственную близость к Хо-нан-фу в современной провинции Хо Нань; а в награду за свои услуги Начальник получил почти всю первоначальную императорскую вотчину к западу от излучины Желтой реки и по обе стороны долины Вэй. Это произошло в 771 году до нашей эры, и это действительно один из великих поворотных моментов в китайской истории, равный почти одновременному основанию Рима и постепенной замене римского центра греческим в развитии и цивилизации Дальнего Запада. Однако новая столица не была новым городом. Вскоре после того, как в 1122 году до н. э. императорская династия завладела Китаем, он был обследован, и часть регалий была перевезена туда; это было сделано с целью сделать его если не единственной, то, по крайней мере, одной из столиц.

Поскольку китайские имена звучат непривычно для нашего западного слуха и поэтому в этих вводных главах будут использоваться лишь скупое и постепенно, соответственно, становится трудно адекватно объяснить исторические явления, стараясь по возможности избегать использования таких непонятных имен: поэтому будет хорошо подытожить ситуацию и даже немного повторить, чтобы читатель мог усвоить основные моменты без усталости и отталкивания. Царствующая династия Чжоу в 1122 году до н. э. заручилась поддержкой тысячи или более китайских вассальных князей и, другими словами, "завоевала" Китай по приглашению, точно так же и по тем же общим причинам, что и Вильгельм III, который согласился на завоевание Британских островов; то есть потому, что народ был недоволен

своим законным правителем и его домом. Но до этого завоевания вассальные князья Чжоу занимали практически ту же территорию и находились в тех же отношениях с императорской династией, впоследствии изгнанной ими в 1122 году, что и вардены Марша, когда императорский дом Чжоу в свою очередь бежал на восток в 771 году до нашей эры. Таким образом, в то время, когда в 771 году до н. э. династия Шан, изгнанная князьями Чжоу в 1122 году, за аналогичное неправильное управление изгнала династию Хиа в 1766 году до н. э. Таким образом, в то время, когда в 771 году до н. э. "Садовники полей" (чей настоящий территориальный титул был "Князья Цинь") практически ввели в действие императорскую власть, две старомодные династии Шан и Чжоу уже патриархально правили почти ровно тысячу лет, и в пределах сравнительно узкой территории, описанной в нашей первой главе, не происходило ничего ни очень удивительного, ни очень определенного.

С этого 771 года до н. э. и на протяжении еще пятисот лет вплоть до 250 года до н. э, когда угасла династия Чжоу, правление феодальных императоров Китая было почти чисто номинальным, и за исключением тех случаев, когда тот или иной могущественный вассал использовал моральную и даже иногда военную мощь столичного округа, когда это соответствовало его целям, императорский правитель осуществлял свои полномочия главным образом в вопросах формы и ритуала; ведь при всех трех патриархальных династиях именно на форме и ритуале всегда основывалась идея правления. Конечно, другие могущественные сатрапы - особенно более отдаленные, не носящие императорского родового имени и более или менее окрашенные варварскими обычаями - узнав, насколько беспомощным и бессильным человеком стал император, не теряли времени, чтобы обратить новую ситуацию в свою пользу: именно с этого момента начинается "период тиранов", или период "пяти диктаторов", как его небрежно называют китайские историки: то есть период, когда каждый сатрап, имевший на то полномочия, брал на себя руководство сатрапским корпусом в целом и выдавал, что он восстанавливает императорский престиж, представляет величие императора, исполняет веления разума, заставляет других вассалов исполнять свой долг, поддерживает легитимные жертвы и т. д. Иными словами, население Китая выросло настолько, как за счет мирного размножения, так и за счет незаметного поглощения родственных рас, что требовалось больше пространства для локтя, больше свободы от оков ритуала, рангов и феодальных каст, больше независимости, больше свободы использовать местные или изменившиеся традиции. Кроме того, искусство письма, хотя все еще неуклюжее, дорогое и ограниченное в своих высших и литературных аспектах правящими классами, недавно упростилось и усовершенствовалось; торговля солью, железом, рыбой, шелком, зерном и ростовщичество распространились из одного государства в другое и получили развитие; хотя сухопутные дороги были плохими или вовсе отсутствовали, существовало большое количество странствующих торговцев скотом и провизией для армии. Одним словом, за тысячу лет патриархального правления, непосредственно предшествовавших критическому периоду между 842 г. до н. э. и 771 г. до н. э., материальная цивилизация достигла больших успехов. Голоса защитников и проповедников древних патриархальных добродетелей звучали как плач людей в пустыне существенного процветания и мужественных амбиций. Таким образом, политические и природные силы в сочетании друг с другом подготовили почву для радикальных перемен, и именно этот период зарождающейся революции (722-480 гг.) рассматривается в истории Конфуция, первой истории Китая - пусть и скудной - которая имеет дело с конкретными человеческими фактами, а не "бьет в воздух" (как говорят китайцы) проповедями и ритуальными увещеваниями.

ГЛАВА III

СЕВЕРНЫЕ ДЕРЖАВЫ

Мы уже упоминали о княжеской семье из того же клана, что и император Чоу, которая обосновалась в южной части современной провинции Шань-Си и служила своего рода буфером для императорских владений, отгораживая их от племен татар и турок на севере. Эта семья была конфискована новой династией Чжоу в 1106 году до н.э. вместо чрезвычайно древнего княжеского дома, который правил здесь со времен первых императоров (2300 год до н.э.), но который сопротивлялся завоеваниям Чжоу и был истреблен. Ничего определенного не известно о том, что происходило в этом княжестве после уступки 1106 года до н.э. и до событий 771 года до н.э., когда правящий князь, узнав о катастрофе своего родственника-императора, отправился встречать беглого преемника этого монарха и сопровождал его на восток, в его новую столицу. Эта метрополия, как мы уже объясняли, была выделена примерно за 340 лет до этого и продолжала оставаться одним из главных духовных и политических центров в императорском домене, но по какой-то причине до 771 года до н.э. она никогда не была официально объявлена столицей, или, во всяком случае, столицей. Конфуций в своей истории совсем не упоминает мелкое полутатарское государство, о котором мы сейчас говорим, до 671 года до н.э., и все, что мы знаем о его делах в течение этого столетия, это то, что большую часть времени занимали соперничающие группировки, семейные интриги и мелкие аннексии за счет различных татарских племен и небольших, но древних китайских княжеств. Однако следует повторить, что, несмотря на соседей-татар, долина реки Фен была резиденцией нескольких древнейших полумифических императоров Китая - возможно, даже династий, - и, похоже, татарам никогда не удавалось вытеснить китайцев из Южного Шань-Си. Официальное название региона после захвата Чжоу в 1106 году до н.э. было государством Цинь, и оно было примерно отделено на западе от своего менее цивилизованного коллеги Цинь Желтой рекой, на правом берегу которой Цинь все еще имел несколько городов. Европейцам особенно трудно осознать резкое различие в звучании этих двух названий, тем более что на Западе мы не имеем никакого представления о влиянии тона на слог. Однако можно объяснить, что сонантный начальный и ровный тон в одном случае, противопоставленный сурдовому начальному и масштабному тону в другом, подразумевает для китайского ума различие, столь же четкое во всех диалектах, как европейское различие во всех языках между двумя государствами Пруссия и Россия, или между двумя народами шведы и швейцарцы: В этом полностью виновато несовершенство нашего западного алфавита, а вовсе не несовершенство произносимых звуков или идеограмм.

Желтая река, текущая с севера на юг, не только грубо отделяла друг от друга эти два тартаро-китайских буферных государства на северо-западе, но та же Желтая река, текущая на восток, и ее приток, река Вэй, также образовывали грубую границу между двумя государствами Цинь и Цинь (вместе) на севере, и бесчисленными мелкими, но древними китайскими княжествами, окружавшими императорский домен на юге. Эти княжества или поселения были разбросаны по верховьям рек Хань и Хвай, и их судьба, если они нуждались в расширении, явно вела их дальше на юг, вдоль всех этих верховьев, к Ян-цзы Кианг. Но, более того, Желтая река, протекая таким образом на восток несколько сотен миль, повернула резко на север в долгом направлении. 1140 Е., как уже объяснялось, и далее на северо-восток образовала вторую грубую границу между Цинь и почти всеми остальными ортодоксальными китайскими государствами. Главная задача Цинь заключалась в том, чтобы вовлечь в свою административную систему всех татарских налетчиков, которые осмеливались проникать на юг до Желтой реки.

Но было и третье северное государство, занятое сдерживанием татарских племен и развитием собственной цивилизации, основанной, разумеется, в основном на китайских принципах, но модифицированной в соответствии с местными требованиями. Это было государство Цзи, заключенное между Желтой рекой на западе и морем на востоке, но простиравшееся гораздо дальше на север, чем границы современной провинции Шаньтун, если, конечно, устье Желтой реки, близ современного Тяньцина, не является ее северной границей; но мыс или полуостров, как и все побережье, все еще находился в руках "варварских" племен (теперь уже давно цивилизованных и ассимилированных), от которых за многие века не осталось никаких отдельных следов. Сейчас мы не можем судить, были ли эти "варвары" некультурными, близкими родственниками ортодоксальных китайцев, или отдаленными родственниками, или совсем чужаками. Когда в 1122 году княжество Чоу получило приглашение завоевать и управлять Китаем, один малоизвестный политический деятель из этих восточных краев предоставил свои услуги в качестве советника и организатора в распоряжение нового императора Чоу, в обмен на эту важную помощь он получил вотчину Цзи. Этот человек, хотя и малоизвестный, вел свою родословную с тех времен (2300 г. до н. э.), когда его предки получили вотчины от древнейших императоров. С того времени до 1122 года до н.э. и далее до событий 771 года до н.э. не сохранилось ничего, кроме факта уступки Чжоу; но после убийства императора татаро-тибетцами государство Цинь также начало становиться беспокойным, и седьмой век до н.э. открывается знаменательным заявлением, что "Цинь, Цинь и Цинь теперь начинают быть сильными государствами". Из всех трех государств только Цинь носил императорское клановое имя Чжоу - *Ки*.

[Иллюстрация: Карта.

1. В 2200 году до нашей эры Желтая река была разделена в том месте, где начинается наша карта, и основные воды были проведены в реку Чанг, которая, таким образом, образовала с ней одну реку. Но второстепенный рукав был проведен на восток к рекам Тха и Ци (ныне, в 1908 году, Желтая река).

2. В 602 году до н. э. эта второстепенная ветвь внезапно повернула на север, прошла по линии современного (1908 г.) Большого канала и соединилась с главной ветвью, т. е. рекой Чанг.

3. Показаны столицы Цинь и Лу. Желтая река отделяла Цинь от Цзи, но татары преследовали всю разделительную линию].

К северу от Желтой реки, где она впадала в море в районе современного договорного порта Тяньцин, находилось еще одно большое вассальное государство под названием Йен, которое основатели династии Чжоу передали одному очень знатному кровному родственнику и верному стороннику: Этот благородный князь был увековечен в красивых выражениях из-за строгой справедливости его решений, вынесенных под сенью яблони: в те времена было принято переводить в народную песню главные события времени, и не исключено, что эта литература саг была единственной популярной записью прошлого, пока, как уже говорилось, после 827 года до н.э.С., письменность упростилась и стала более распространенной, а не ограничивалась торжественными манифестами и заповедями, отлитыми или высеченными на бронзе или камне.

"О, дровосек, пощади это дерево,
Не трогай ни одной ветки,
Мудрость его живет сейчас".

Слова, необычайно похожие на слова нашей известной песни, известны каждому китайскому школьнику, и вместе с сотнями, даже тысячами других подобных песен, которые ежедневно цитировались в качестве прецедентов государственными деятелями того первобытного периода в их политическом общении друг с другом, были впоследствии обрезаны, очищены и собраны Конфуцием, пока, наконец, не получили классический ранг в "Книге од" или "Классике поэзии", содержащей лишь десятую часть старых "од" в том виде, в котором они передавались из уст в уста.

О ранних временах Йена известно еще меньше, чем о Цинь, Цинь и Цзи; нет даже смутной традиции, которая позволила бы предположить, кто правил им или что это было за место до того, как туда был послан принц Чжоу; все, что известно, это то, что это был очень маленький, бедный и слабый регион, вклинившийся между Цинь и Цзи, и подвергавшийся северу нападениям дикарей и корейцев (*т.е. племен, впоследствии перечисленных как часть Кореи, когда название Кореи стало известным*). *т.е. племен, которые впоследствии были перечислены как часть Кореи, когда название Кореи стало известным*). Этот загадочный регион упоминается здесь только в связи с его выдающимся происхождением, чтобы показать, что китайским земледельцам с самых ранних времен, по-видимому, удалось удержать основную массу татар на левом берегу Желтой реки на всем пути от Пустыни до моря; потому что позднее (350 г. до н. э.) Ен действительно стал частью Китая. до н. э.) Йен действительно стал могущественным государством; и, наконец, потому что если какие-то очень ранние представления о Корее и Японских островах вообще когда-либо смутно проникали в Китай, то, должно быть, через это государство Йен, которое было сопредельным с Ляо Тунгом и Маньчжурией. Важно помнить, что обширная территория между Великой стеной и Желтой рекой тогда почти полностью лежала за пределами древнего Китая, и только когда Цинь, Цинь, Цай и Йен были вынуждены искать защиты от татарских набегов не у императора, центр политического притяжения был раз и навсегда перенесен из центра Китая на север.

Мы ничего не знаем о точных причинах, которые привели к необычной активности татар на заре китайской истории: при отсутствии у татар письменности, кажется невозможным, что мы когда-нибудь сможем это узнать. Тем более мы не можем с пользой для дела рассуждать о том, насколько движения на китайской границе в 800-600 гг. до н. э. могут быть связаны с аналогичными волнениями на персидской и греческой границах, о которых, опять же, мы не знаем ничего толкового или конкретного. Несомненно, что китайцы не имели представления ни о татарской империи, ни о целостной монархии под энергичным владычеством великого военного гения, пока не прошло по крайней мере пять веков после того, как татары убили китайского императора в битве, о которой идет речь (771 г. до н. э.). Даже неясно, каковы были основные расовые различия кочевых скоплений, вольно называемых нами "татарами", по той простой причине, что двусмысленная китайская терминология не позволяет нам подобрать более конкретное слово. Тем не менее, китайцы все же проводят определенные различия; И поскольку то, что осталось от аборигенов на севере, юге, востоке и западе Китая, указывает на вероятность того, что они в основном занимали те же места, что и 3000 лет назад (за исключением случаев, когда конкретные факты указывают на противоположный вывод), Мы можем справедливо предположить, что распределение тогда было таким же, как и сейчас - начиная с востока, (1) японцы, (2) корейцы, (3) тунгусы, (4) монголо-турки, (5) турки, (6) турки-тибетцы и монголо-тибетцы (или монголо-туркоидные тибетцы), (7) тибетцы. Китайцы используют четыре термина для выражения этих относительных величин, которые можно назвать X, Y, Z и A. Термин "X", чистый и простой, ни при каких обстоятельствах не относится ни к кому, кроме тибетцев (о которых в это время у китайцев не было никаких сведений, кроме имен); но "X + Y" также относится к племенам в

тибетских регионах. Термин "Западный Y", по-видимому, означает тибетско-татарский, а термин "Северный Y" - монголоидно-тунгусский. Есть и третий термин "Y", "Dog Y", который, очевидно, означает татар, а не тибетцев какого-либо рода. Термин "Z" никогда не относится к тибетцам, чистым или смешанным, но "Y + Z" свободно относится к туркам, монголам и тунгусам. Термины "красный Z", "белый Z" и "северный Z", похоже, обозначают турок; и более того, эти цветовые различия - возможно, одежды или головного убора - сохраняются до самых современных времен, и всегда в связи с турками или монголо-турками. Четвертый термин "A" не встречается ранее третьего века до Рождества Христова и относится ко всем татарам, корейцам и т.д., но не к тибетцам: поэтому его не нужно обсуждать в настоящее время. Современная провинция Сз Ч'ван была абсолютно неизвестна даже по названию; но несколько веков спустя, как мы вскоре увидим, она оказалась государством значительных размеров, с довольно небольшой собственной имперской историей: вероятно, именно с этим неизвестным государством большинство тибетцев пытались сделать выводы, если они вообще пытались сделать их с Китаем.

Как бы то ни было, мы хотим прояснить, что в первый великий переломный момент подлинной китайской истории весь северный и западный Китай находился в руках совершенно неизвестных держав, которые полностью закрыли собой Срединное царство; которые вообще проявляли себя только в виде эпизодических набегов; и которые, если у них и были какие-либо прямые или косвенные знания об Индии, Тибете, Туркестане, Сибири, Персии и т. д, держали их строго при себе и в любом случае были неспособны передать их в письменном виде пограничному китайскому населению четырех перечисленных выше буферных государств.

ГЛАВА IV

ЮЖНАЯ ДЕРЖАВА

Но крах императорской власти в 771 году до н.э. привел к беспокойству на юге, а также на севере, северо-западе и северо-востоке: за исключением нескольких китайских авантюристов и колонистов, они были населены исключительно кочевыми татарами и, возможно, некоторыми тибетцами, лишенными постоянных мест жительства, городов и поселков, не знающими земледелия, сельского хозяйства и письма и кочующими от пастбища к пастбищу со своими стадами и отарами, находя возбуждение и развлечение главным образом в периодических набегах на своих более оседлых южных и западных соседей.

Единственной страной к югу от федеративных китайских князей в провинции Хо Нань (как мы ее теперь называем) были "Джунгли" или "Заросли" - термин, который расплывчато обозначал нижние воды системы реки Хань, так же как у нас "Низины" или "Нидерланды" обозначали и до сих пор обозначают окраинные районы английской и немецкой общин. "Джунгли" по-прежнему являются элегантным литературным названием для Ху Пе, так же как "Цин", "Цинь" и "Цай" для Шен Си, Шан Си и Шан Тунг. Король джунглей, как и начальник Западных маршей, вел свое происхождение от тех же древних монархов, чья кровь текла в жилах императорского дома Чоу; более того, предки этого короля джунглей служили основателям династии Чоу в 1150 году до нашей эры, пока они еще колебались, принимать ли имперский призыв: поэтому в более поздние времена (530 г. до н.э.) царь стал обижаться, что его семья не получила от основателя династии Чжоу подарков, символизирующих равенство рождения, как это сделали дома Цинь и Лу (Южный Шань Тун). Если какие-либо племена к югу, юго-востоку или юго-западу от этих туманных Джунглей, административный центр которых поначалу находился в радиусе ста миль от современного договорного порта

Ичэн, были каким-либо образом известны Центральному Китаю или были затронуты ортодоксальной китайской цивилизацией, то это произошло и должно было произойти исключительно через это царство Джунглей, причем косвенным или вторичным образом. Джунгли были таким же буфером на юге, как Цинь на северо-западе, Цинь на севере и Цай на северо-востоке. Основная масса населения была в некотором смысле не китайской, то есть, вероятно, представляла собой смесь многочисленных нецивилизованных горных племен (все они говорили на односложных и тонических диалектах, как китайцы), которые все еще сохранились в каждой из провинций к югу от Ян-цзы Кианг; но правящая каста, чей административный центр находился к северу от этих племен, хотя и пострадала от грубости их варварского окружения, явно была более или менее ортодоксальной китайской по происхождению и симпатиям, и даже в этот ранний период (771 г. до н. э.) обладала значительной численностью. до н. э.), обладали значительной культурой, знанием китайской письменности и общей способностью к оседлому хозяйственному существованию. Еще в 880 г. до н. э. было зафиксировано, что король Джунглей управлял или примирял население между реками Хань и Ян-цзы; но, хотя он и присвоил себе на время титул "императора" или "короля" в своих собственных владениях, он признал себя варваром и отказался от какой-либо доли в почетной системе титулов, прижизненных или посмертных, которые были в моде в Китае, оставив за своими преемниками право отстаивать более высокие права, когда они почувствуют себя достаточно сильными. Подобно восточному Карлу Великому, он разделил свою империю между тремя сыновьями; и эта империя, которая постепенно распространилась по всему течению Ян-цзы вплоть до ее устьев, возможно, включала в одно из своих трех подразделений по крайней мере часть аннамской расы, о чем будет рассказано подробнее далее.

Первый действительно исторический царь, вновь присвоивший себе верховный титул в 704 году до н. э., воспользовался слабостью императора, чтобы распространить свои завоевания не только на юг, но и на север от реки Хань, нападая на мелкие китайские княжества и смело требуя от императора признания равенства в титуле. "Я варвар, - заявил он, - и воспользуюсь раздорами среди федеральных князей, чтобы самому изучить китайские пути". Император проявил некоторое раздражение по поводу такого заявления о равенстве, но король в ответ сослался на услуги, оказанные его предком (королем) примерно за пятьсот лет до этого предку императора, виртуальному основателю династии Чжоу. В 689 году до н.э. следующий царь перенес свою столицу с прежнего места, расположенного над ущельями Ичэн, на центральное место, известное сейчас как Кинг-Тоу-Фу, прямо над договорным портом Ша-Ши: Это место исторически продолжает использовать старое слово Чжун (*Царь*), и было на протяжении всей нынешней маньчжурской династии (1644-1908) военной резиденцией татарского генерала с гарнизоном Знамени; то есть гарнизоном привилегированных татарских солдат, живущих в поселениях и освобожденных от обычных законов, или, по крайней мере, от их применения. Только в 684 году до н. э. государство Джунглей впервые упоминается в истории Конфуция: тогда игнорировать его существование было просто невозможно, поскольку впервые в летописи Китая китайские федеральные князья между рекой Хань и самыми западными верховьями реки Хвай были намеренно аннексированы этими джунглевými "варварами". История последующих 450 лет с этой даты состоит в основном из запутанного повествования о том, как Цинь, Цинь, Цзи и Джунгли боролись сначала за гегемонию, а затем за обладание всем Китаем, Джунгли теперь назывались Цу.

ГЛАВА V

СВИДЕТЕЛЬСТВА ЗАТМЕНИЙ

Показав, как можно короче и доходчивее, как зародыши китайского развития были посеяны на заре настоящей истории, перейдем к рассмотрению того, насколько эта история, дошедшая до нас, содержит в себе свидетельства собственной истинности. В свое время мы вернемся к описанию войн и амбиций, но, поскольку столь непонятная тема, как ранняя китайская цивилизация, для большинства западных читателей приемлема лишь в небольших, разнообразных и приправленных сахаром дозах, мы пока изменим предлагаемую пищу и скажем несколько слов о затмениях.

Конфуций, чья лысая летопись "Весны и осени", расширенная тремя отдельными комментаторами (один из которых - его младший современник), является действительно главным авторитетом для периода 722-468 гг. до н. э., родился на 20-й день после затмения солнца, произошедшего в 10-м месяце 552 г. до н. э., или 27-го числа 8-й луны, как принято считать сегодня (для 1908 г. это означает 22 сентября). Сам Конфуций записывает тридцать семь затмений солнца между 720 и 481 годами, причем 709, 601 и 549 годы были полными. Конечно, поскольку Конфуций в первую очередь записывал затмения, наблюдая их из своего собственного мелкого вассального государства Лу в провинции Шаньтун (широта 35' 40' с.ш., долгота 117" в.д.), любой, кто попытается определить эти затмения и сопоставить их с юлианскими или григорианскими датами, должен при проведении необходимых расчетов иметь в виду этот важный факт. Так получилось, что почти треть из тридцати семи затмений Конфуция зафиксированы как произошедшие между двумя полными затмениями 601 и 549 годов. В связи с этим я обратился к любезному сотруднику Королевской обсерватории, который любезно предоставил мне следующий сравнительный список:...

ДАТА КОНФУЦИЯ. ЮЛИАНСКАЯ ДАТА ОППОЛЬЦЕРА.

601 г. до н. э., 7-я луна --600 г., 20 сентября.

" 599, 4-я " --598, 5 марта.

" 592, 6-е " --591, 17 апреля.

" 575, 6-й " --574, 9 мая.

" 574, 12-й " --573, 22 октября.

" 559, 2-й " --558, 14 января.

" 558, 8-й " --557, 29 июня.

" 553, 10-й " --552, 31 августа.

" 552, 9-й "

" 552, 10-й " --551, 20 августа.

" 550, 2-й " --549, 5 января.

" 549, 7-й " --548, 19 апреля.

Следует заметить, что здесь нет даты Оппольцера для сравнения с первым из двух затмений 552 года; это потому, что я не заметил, что в "Веснах и Осенях" были записаны два столь близких друг к другу затмения, и поэтому не включил их в список, отправленный в обсерваторию; но за исключением полного затмения 601 года, все остальные затмения, в том что касается дней луны и месяца, так же согласуются друг с другом, как современные китайские даты с европейскими (юлианскими). Что касается года, то даты Оппольцера - это "астрономические" даты, то есть астрономический год-х совпадает с годом (х + 1) до н. э.; или, другими словами, год рождения Христа, для определенной астрономической точности, интерполирован между 1 годом до н. э. и 1 годом н. э. То есть затмения солнца, записанные

2400 лет назад Конфуцием на основе записей и летописей, сохранившихся в архивах его родного государства еще в 700 году до н.э., почти без исключения оказываются справедливыми, почти без исключения оказываются достаточно точными, с равномерной "ошибкой" примерно в один месяц, несмотря на то, что императором Первым Августом были предприняты попытки уничтожить всю историческую литературу в 213 году до н. э. Так было с десятком затмений, но для специалистов остается еще два десятка, не говоря уже о кометах и других небесных явлениях. На основании этих побочных свидетельств, пусть и несовершенных, мы вправе предположить, что три расширенные версии истории Конфуция заслуживают доверия или, по крайней мере, написаны с наилучшими побуждениями.

Как наши математики без труда предсказывают или ретроспектируют затмения с точностью до минуты, так и древний цикл "шестидесяти", который китайцы с незапамятных времен использовали для вычисления или отсчета дней и лет, позволяет им, да и нам самим, безошибочно вычислить любой нужный день. Так, предположим, что 1 января 1908 года - это 37-й день вечного цикла из шестидесяти дней; тогда, если китайские историки утверждают, что затмение произошло в первый день новолуния, с которого начался 9-й китайский месяц года, соответствующий в основном нашему 800 году до нашей эры, и что 1-й день луны был также 37-м днем шестидесятидневного вечного цикла, все, что нам нужно сделать, - это взять примерно шесть циклов для каждого года, шесть тысяч циклов для каждой тысячи лет, допуская при этом два дополнительных цикла каждый третий год для интеркалярных лун, а затем разобраться с долями или балансом дней. Если наши расчеты не позволяют точно свести два 37-х циклических дня, то, разумеется, мы должны обратиться к вопросу о том, как и когда были изменены китайские календари, который будет рассмотрен в одной из последующих глав. Следует помнить, что никогда не может быть и речи о том, чтобы в баланс ошибок был вовлечен целый год; ведь у китайцев, как и у нас, один год, как бы он ни был изменен, всегда означает тот промежуток времени, как бы нерегулярно ни исчислялся каждый его конец, в течение которого произошли два солнцестояния и два равноденствия; Вольтер в статье "Китай" своего Универсального словаря отмечает, что "из 32 древних китайских затмений 28 были определены западными математиками"; а М. Эдуард Шаванн, посвятивший много времени и труда разгадке тайн китайского календаря, без колебаний утверждает, что затмение солнца, записанное в "Книге од" (в редакции Конфуция) как произошедшее в 28-й циклический день начала обеих лун в 776 году до н.э. (т.е. в 775 году), точно совпадает с днем (29 августа). Это затмение, разумеется, не зафиксировано в "Веснах и Осенях", которые начинаются с 722 года до н.э.

Династия Чжоу, пришедшая к власти в 1122 году, во второй раз перенесла год на месяц назад, потому что календарь стал путаться. То есть они сделали так, что вместо февраля или еще более древнего марта год начинался с января, но некоторые вассалы либо использовали свои собственные расчеты, либо продолжали те, что были переданы двумя династиями, предшествовавшими Чжоу: поэтому в конфуцианских историях, как и в расширенных, часто встречаются расхождения из-за того, что события, очевидно скопированные из записей одного вассального государства, были сообщены историку второго вассального государства без принятия мер для корректировки различных новых годов.

ГЛАВА VI

АРМИЯ

Поскольку борьба за первенство, которую мы собираемся описать, включала в себя кровопролитные сражения, продолжавшиеся почти непрерывно в течение пяти веков, будет

интересно узнать, из чего состояла атрибутика военных действий в те дни. Оказывается, среди китайских федеральных князей, которые, как мы видели, занимали в основном только равнинные территории на правом берегу Желтой реки, неизменно использовались боевые колесницы, что тем более примечательно, что после завоевания в 220 году до н. э. Китая первым августейшим императором Цинь и вплоть до наших дней боевые колесницы почти ни разу не упоминались, по крайней мере, в качестве серьезных боевых единиц. В истинно феодальные времена предполагалось, что только император обладает силой в 10 000 колесниц, и даже сейчас "государство в 10 000 колесниц" является дипломатическим выражением "великой державы", "державы первого ранга" или "империи". Ни один вассал не имел права на более чем 1000 боевых колесниц. В 632 году до н. э., когда Цинь нанесла большое поражение своему главному сопернику Цю, у прежней державы было 700 боевых колесниц. В 589 году до н. э. та же страна, имея в своем составе 800 колесниц, совершила поход через Желтую реку и разгромила государство Цзи, своего соперника на востоке. Снова в 632 году Цинь предложила императору 100 колесниц, только что захваченных у Цю, а в 613 году отправила 800 колесниц на помощь свергнутому императору. Лучшие из них были сделаны из кожи, и мы можем предположить, что деревянным было очень трудно безопасно передвигаться по пересеченной местности, поскольку в знаменитом мирном договоре 589 года до н. э. между двумя соперничающими государствами Цинь и Ц'и, победитель, лежащий на западе, поставил условие, что "ваши вспаханные борозды в будущем будут идти на восток и запад, а не на север и юг", что означает, что "в будущем на пути наших колесниц не должно быть систематических препятствий".

Одной из особенностей многих вассальных государств был рост крупных семейств, чья частная власть была очень склонна сдерживать желания правящего герцога, графа или барона. Так, в 537 году, когда царь Цю замыслил вероломное нападение на Цинь, его предупредили, что "по приказу правителя Цинь есть много магнатов, каждый из которых может выставить в поле 100 боевых колесниц". Использование колесниц в войне было настолько само собой разумеющимся, что в 572 году, когда соперничающие великие державы Цю и Цинь боролись за сюзеренитет над одним из чисто китайских княжеств в современной провинции Хо Нань, считалось весьма примечательным фактом, что это княжество, встав на сторону Цю, не взяло с собой ни одной колесницы в войска, направленные против Цинь. В 541 году беженец князь Цю, искавший убежища в Цине, привел с собой всего пять колесниц, на что правитель, устыдившись такой бедности хозяина, сразу же назначил ему доход, достаточный для содержания 100 человек. Случилось так, что в это же время в Цинь прибыл принц-беженец из Цинь, который привез с собой 1000 телег, все тяжело нагруженные. В другой раз принц (не правитель) соседнего государства, посетив правителя другого государства, привез с собой в качестве подарков восьмиконную колесницу для правящего принца, шестиконную - для премьера, четырехконную - для очень уважаемого министра в свите и двухконную повозку для второстепенного члена миссии.

Помимо тяжелых военных колесниц, были и более удобные и легкие транспортные средства: в одном случае о двух генералах говорят с иронией, потому что они отправились на фронт, играя на банджо, в легкой повозке, в то время как их коллега из другого государства - того самого, которому они помогали, - ехал в военной колеснице. Эти колесницы, по-видимому, подразумевали, для целей военной организации, численность в 75 человек каждая и четыре лошади; то есть три тяжеловооруженных человека или кюрасира в самой колеснице и 72 пеших солдата. По крайней мере, в случае с Цинь, войском в 37 500 человек, которое в 613 году смело отправилось на триста или более английских миль в восточную экспедицию, это описано именно так. С другой стороны, тридцать лет спустя о небольшом отряде Цинь говорится, что к каждой колеснице было прикреплено 125 человек, а к колесницам

императора - по 100 человек. В 627 году произошла знаменитая битва между соперничающими державами Цин и Цинь, в которой первая была полностью разгромлена; "ни один человек, ни одно колесо из всей армии не вернулись назад". Упоминается, что военные колесницы использовались, по крайней мере, еще в 1797 году до н. э. пострадавшими от татар предками династии Чжоу, почти за 700 лет до того, как они сами пришли к императорской власти. Территория к северу от реки Вэй, заселенная ими, представляет собой желтый *лесс*, глубоко изборозженный этим потоком и его притоками: нет никаких видимых причин предполагать, что гигантские повозки, используемые татарами и по сей день, имели какую-либо историческую связь с быстрыми боевыми колесницами китайцев.

О перевозке войск на лодках в любой из вышеупомянутых стран к северу от реки Ян-цзы говорится мало, если вообще говорится. Ни одна из рек Шэнь Си не судоходна, даже сейчас, на значительном протяжении, а Желтая река сама по себе имеет строгие ограничения. Позднее, когда владения царя Цзу вдоль морского побережья, охватывающие дельту Ян-цзы, восстали против его сюзеренитета и начали (как мы расскажем в дальнейшем) принимать активное участие в делах ортодоксального Китая, лодки и гигантские каналы были введены доселе совершенно неизвестными или полностью забытыми береговыми державами; Возможно, именно благодаря этому новшеству боевые колесницы внезапно вышли из употребления, и даже на севере Китая лодочные экспедиции стали правилом, как это, несомненно, и произошло после III века до н. э.С.

Некоторое представление об ограниченности населения очень древнего Китая можно получить, рассмотрев самые древние расчеты армии. Предполагалось, что у императора было шесть бригад, у крупных вассалов - три, у мелких - две, а у мелких - одна; но из-за того, что о *Ши*, или полке в 2500 человек, и *Куне*, или бригаде в 12 500 человек, говорят попеременно, сами китайские комментаторы не могут оценить, как обстояли дела на самом деле после падения императора в 771 году: Но хотя в гораздо более поздние времена огромные армии, насчитывающие до полумиллиона человек с каждой стороны, упорно боролись за господство, в тот период, о котором мы говорим, нет оснований полагать, что какое-либо государство, и в первую очередь императорский резерв, когда-либо выводило в поле более 1000 колесниц или, скажем, 75 000 человек в одной экспедиции.

Флаги, похоже, использовались так же, как и на Западе. Основатель династии Чоу отправился на завоевание Китая, неся или имея при себе желтый топор в левой и белый флаг в правой руке. В 660 году один из мелких федеральных князей был разбит за то, что вовремя не опустил свой штандарт; почти столетие спустя этот прецедент был приведен другому федеральному князю, когда на него было оказано сильное давление, в результате чего подвластный офицер "свернул штандарт своего господина и вложил его в ножны". В 645 году "кавалеров под флагом правителя", под которым подразумевалась его телохранителей, окружил враг.

В V веке до н. э., когда приморские провинции, отделившись от сюзеренитета Цзу, отстаивали свое равенство с ортодоксальными китайскими князьями, а две соперничающие армии "варваров" боролись за Шанхай, один царский отпрыск возмутился, увидев, что враг наступает "с флагом, захваченным в последней битве у его собственного отца-полководца". Флаги использовались не только для обозначения передвижения войск во время сражения, но и во время больших охот или сражений, которые устраивались в мирное время не только ради спорта, но и для того, чтобы подготовить солдат к военной жизни.

За победу над татарами в 623 году император подарил правителю Цинь металлический барабан; похоже, что приносить жертву полковому барабану перед боем было очень древним обычаем, который сохранился до наших дней. В 1900 году, во время "боксерских" волнений, генерал (ныне вице-король) Йиан Ши-к'ай, как сообщается, принес в жертву своему барабану несколько осужденных преступников, прежде чем отправиться в поход.

[Иллюстрация: Холмистый округ, разделяющий долину Вэй и долину Хань.

1. Си-нгань-фу находится в месте слияния рек Кинг и Вэй. Обведенные кресты обозначают самую древнюю и самую новую столицы Цинь; все остальные столицы Цинь находятся где-то между реками Царь и Вэй.

2. С 643 г. до н. э. по 385 г. до н. э. Цинь занимал территорию между Желтой рекой и рекой Лох, отнятую у Цинь и вновь утраченную Цинь в эти даты].

ГЛАВА VII

ПРИБРЕЖНЫЕ ШТАТЫ

Прежде чем перейти к категорическому описанию системы гегемонии или протектора, при которой самое могущественное государство на время проводило дурбары "в лагере" и теоретически поддерживало теневые права императора, мы должны сначала представить два прибрежных государства дельты Ян-цзы, В древности Ян-цзы называлась просто *Кианг* ("река"), так же как Желтая река называлась просто *Хо* (тоже "река"). В те времена Великая река имела три устья - самое северное, очень похожее на нынешнее, за исключением того, что плоские притоки тогда не выходили так далеко в море, и в любом случае были в практических целях неизвестны ортодоксальному Китаю и полностью находились в руках "восточных варваров"; южное течение, которое разветвлялось около современного договорного порта Уху в провинции Аньвэй и впадало в море в Ханьчжоу или совсем рядом с ним; и среднее течение, которое практически представляло собой объединенные русла ручья Сухоу и реки Вусунг в Шанхае. До прихода к власти династии Чоу в 1122 году до н.э. дед будущего основателя в юности проявил такие необыкновенные таланты, что по семейному уговору два его старших брата добровольно отказались от своих прав и сослались на территорию Джунглей, впоследствии прокладывая себе путь на восток к побережью и полностью или частично перенимая грубый уклад варварских племен, которыми они надеялись управлять. Мы сможем лучше понять это, если представим, как действовали финикийские и греческие купцы, последовательно колонизируя Марсель, Кадис и даже часть Британии. Кроме сомнительных генеалогий и списков правителей, об этой колонии ничего не слышно вплоть до 585 года до н. э. - то есть через 800 лет после первоначального поселения. Один из недовольных Цю, как это было принято среди соперничающих государств тех времен, предложил свои услуги ненавистному Цину, который в то время вел отчаянную войну с Цю: он предложил своему новому хозяину отправить его с миссией к царю У (так называлось и до сих пор называется в литературных целях царство, включающее Шанхай, Сучжоу и Нанкин), чтобы побудить его присоединиться к нападению на Цю. "Он научил их пользоваться стрелами и колесницами", из чего можно сделать вывод, что копия и лодки до этого времени были обычным военным снаряжением прибрежной державы. Его столица находилась примерно на полпути между Сучжоу и Нанкином, на новой (британской) железнодорожной линии; китайские гости шестого века до нашей эры описывают ее как "убогое место, с низко построенными домами, узкими улицами, вульгарным дворцом и толпами лодок и тачек". Туземное слово, обозначавшее страну, было что-то вроде "Кеугу", которое китайцы (как они до сих пор делают с иностранными словами, например, "*Инг*" - "Англия") быстро превратили в удобное односложное "Нгу", или "Ву". Полуварварский король

был в восторге от открывшейся ему возможности на равных сотрудничать с ортодоксальными китайскими князьями и сбросить своего бывшего тиранического сюзерена. Он присоединил к себе ряд соседних варварских государств, до сих пор, как и он сам, принадлежавших Цю; нанес визиты ко двору императора, ко двору Цю и к мелкому, но высококультурному двору Лу (в Южном Шаньтуне), чтобы "изучить обряды"; и с увлечением бросился в водоворот межгосударственных политических интриг. Конфуций в своей истории почти не упоминает о нем как о цивилизованном существе до 561 года, когда умер король; и поскольку его заслуги перед Китаем (то есть перед ортодоксальным Цинь против неортодоксального Цзу) не могли быть проигнорированы, историк-философ снисходит до того, чтобы сказать: "Виконт У умер в этом году". Следует пояснить, что столица Лу славилась своей ученостью с тех пор, как основатель династии Чжоу отправил туда в качестве сатрапа герцога Чжоу, своего родного брата (1122 г. до н.э.). Конфуций, конечно, писал ретроспективно, ведь сам он родился только в 551 году и написал свою историю "Весны и осени" лишь спустя полвека после этой даты. Старая столица Лу - К'у-фу на реке Шэ (оба города до сих пор так называются) - является официальной штаб-квартирой князей Конфуция, семьдесят шестого по счету мудреца, имеющего в данный момент прямые полуофициальные отношения с представителем Великобритании в Вэй-хай-вэе. Следует также пояснить, что все принцы-вассалы были герцогами, маркизами, графами, виконтами или баронами, в зависимости от размера их государств, отличия их кланов или родов и длины их родословных; Но император несколько пренебрежительно присваивал варварским "королям", таким как Цзу и Ву, лишь учтивый титул "виконт", подобно тому как мы неопределенно говорим "Его Высочество Хедив" или (до прошлого года) "Его Высочество Амир", чтобы обозначить неравенство с настоящими коронованными или суверенными главами.

История войн между У и Цю чрезвычайно интересна, тем более что есть некоторые основания полагать, что по крайней мере часть японской цивилизации была впоследствии привнесена с восточного побережья Китая, когда правящая каста У в дни своего упадка была вынуждена "бежать на лодках на восток, к островам, расположенным к востоку от побережья". Но к этому эпизоду мы вернемся позже. В 506 году столица Цю была занята победоносной армией У при обстоятельствах, полных драматических подробностей. Но теперь, в разгар успеха, настал черед У страдать от амбиций вассала. К югу от У, со столицей в современном Шао-Хин, недалеко от Нинпо, царствовал варварский царь Ииэ (это искаженное односложное слово, предположительно представляющее собой диссиллированное туземное слово, похожее на Увьет); этот царь когда-то был вассалом Цзу, но после завоеваний У добровольно или по местному принуждению перешел на сторону У. Цзу сделал ему авансы, и в конце концов он был вынужден объявить войну в качестве союзника Цзу. В нашей европейской истории нет ничего более интересного, чем подробный, полный личных происшествий рассказ об ожесточенных схватках между Ву и Ии. Угасание У произошло в 483 году, после того как это государство сыграло весьма значительную роль в федеральных делах, о чем мы еще будем иметь случай рассказать в соответствующих местах. В свою очередь, Йиэх, населенный расой, предположительно имеющей этнологическую связь с аннамцами Вьетнама или "Южным Йиэхом", стал великой державой в Китае, а в 468 году даже перенес свою столицу на побережье или рядом с ним, недалеко от немецкой колонии Киао Чоу в Шань Тунге. Но его господство успешно утверждалось только на побережье; по словам историков: "Иие никогда не мог эффективно управлять территорией, включающей в себя области Ян-цз-Кианг и реку Хвай".

Именно во время этой борьбы с варварами, когда объединенный Китай, избежав татар, казалось, рисковал попасть в лапы южных пиратов, Конфуций расцвел, и именно в связи с

историческими событиями, описанными выше - (1) провиденциальное избавление Китая от татар, (2) крах императорского дома Чжоу, (3) гегемония или система Протектора, (4) триумф силы над обрядом (право и обряд у Конфуция едины) и (5) желательность скорейшего возвращения к старым добрым феодальным устоям - он оставил свое собственное развращенное и неблагодарное княжество, начал свое странствующее учение в других ортодоксальных государствах, составил предостерегающую историю, полную уроков для будущего руководства, и основал то, что мы несколько неточно называем "религией" для политического руководства человечеством.

ГЛАВА VIII

ПЕРВЫЙ ЗАЩИТНИК КИТАЯ

Первым из так называемых пяти гегемонов или владык-покровителей федеративной Китайской империи (после распада императорской власти и, как следствие, ее неспособности защитить вассальные государства от набегов татар и других варваров) был владыка Цзи, столица которого находилась в мощном и богатом городе Линь-цзы (широта 37°, долгота 118°30'; на современных картах он по-прежнему называется так), в провинции Шаньтун. В те времена ни Желтая река, ни Большой канал не касались Шань-Тунга, и Линь-цзы, очевидно, был расположен по отношению к местным рекам, впадающим на севере в залив "Печели", чтобы в полной мере использовать политические преимущества соляной, горнодобывающей и рыболовной промышленности. Здесь необходимо сказать несколько слов о родословной этого Протектора: мы видели, что его предок, тринадцать поколений назад, вдохновил своими советами и мужеством основателя императорской династии Чжоу в 1122 году до нашей эры. Далее он отдал новому императору в жены свою дочь, служил ему премьером и, наконец, в награду за свои заслуги был пожалован в маркизы Цзи, экономическое состояние дальневосточного княжества которого он за несколько лет своей энергией правителя значительно улучшил, в частности, в отношении соляной и рыбной промышленности, а также общей торговли. Желтая река, протекавшая в то время по руслу реки Чанг, и море, соответственно, были западной и восточной границами этого государства, которое на севере охватывало солончаки, находящиеся сейчас под управлением специального комиссара Тенцина, а на юге простиралось до военного гарнизона маньчжурского генерала-татарина в Цин-Ту-Фу. Конечно, позже, в течение пятисотлетнего периода смуты, часто происходили расширения и уступки территорий, как в этих расплывчатых пределах, так и за их пределами, обычно за счет Лу и других небольших ортодоксальных государств. За Желтой рекой, чье течение на север, как уже говорилось, лежало значительно западнее нынешнего русла, находилось обширное государство Цинь; а к югу располагался высокоритуальный и литературный Веймар Китая, невоинственное княжество Лу, которому в будущие времена суждено было прославиться благодаря Конфуцию.

Почти ничего не сохранилось такого, что могло бы пролить свет на международное развитие этих дальневосточных районов. Но в 894 году до н. э. правящий князь Цзи был заживо сварен по приказу императора за какие-то политические преступления, и его преемник после этого перенес свою столицу, только для того, чтобы его сын вернулся на старое место тридцать пять лет спустя. Императорское бегство 842 года, естественно, вызвало некоторое смятение даже в далеком Цай, и в 827 году следующий император, вступая на престол, приказал царствующему маркизу Цай помочь в наказании западных татар. Когда внук этого последнего императора был изгнан из своих старых наследственных владений в 771 году, и ими завладел полутатарский правитель Цинь, как уже рассказывалось, Цинь оставался настолько незначительной военной державой, что даже через два поколения после этого

события, в 706 году, он был вынужден обратиться за помощью против набегов северных татар к одному из небольших китайских княжеств в провинции Хо Нань. (Грубо говоря, "северные татары" - это маньчжуро-монголы, а "западные татары" - монголо-тюрки). В 690 году князь, сестра которого вышла замуж за соседнего правителя Лу, совершил вооруженное нападение в качестве мести потомку советника, который посоветовал императору сварить его предка заживо в 894 году: его власть была теперь настолько значительной, что император поручил ему действовать властно в деле о спорном наследовании небольшого китайского княжества. Это произошло в 688 году до н. э., и это был первый случай, когда вассал выступал в качестве диктатора или защитника от имени императора; правда, только в особом или изолированном случае. Два года спустя этот принц Цзи был убит, и споры между его сыновьями о престолонаследии закончились с приходом на трон одного из великих персонажей китайской истории, который был достаточно великодушен и политичен, чтобы взять в качестве своего советника и премьера еще более великого персонажа, который почти соперничал с самим Конфуцием в славе автора, государственного деятеля, благодетеля Китая и моралиста.

Этот человек, который, как и большинство китайцев того времени, носил множество имен, наиболее известен как философ Кван-цзы, а его основные труды сохранились, по крайней мере частично, до наших дней. На самом деле он был дальним отпрыском царствующей императорской семьи Чоу и носил ее родовое имя *Ки*. Здесь будет полезно отметить, что большинство выдающихся людей во всех федеративных государствах, по-видимому, принадлежали к узкому аристократическому кругу, членам которого были присущи ремесло управления, знание письма и наследственное право занимать должности; в то же время ни в одну эпоху не существовало ничего похожего на касту священников или военных, и власть, похоже, всегда была доступна самым скромным, если только претендент был способен заявить о себе.

Новый правитель Цзи официально провозгласил себя Протектором в 679 году до н. э., что является одной из фиксированных дат в китайской истории, относительно которой нет никаких сомнений. Вскоре он оказался втянут в войну с татарами, которые совершали набеги как на государство к северу от него на Пекинской равнине, так и на небольшое государство к югу от Желтой реки, которое его предшественник специально защищал в 688 году. Это было государство Вэй (императорский клан), через столицу которого или рядом с ней, недалеко от современного Вэй-хуэй-фу, протекала на север Желтая река.

Эти сменявшие друг друга Протекторы Китая впоследствии осуществляли свое преобладающее влияние в общем смысле следующим образом: Когда им казалось, или когда какое-либо ортодоксальное вассальное государство жаловалось им, что совершается несправедливость, будь то в вопросах долга перед императором, права наследования, законности рождения, великого преступления или неумеренных амбиций, признанный Протектор созывал дурбар, обычно где-нибудь на территории центральной области, или собственно Китая, как было определено ранее, и советовался с князьями, своими коллегами, о том, какой курс следует выбрать. Различают "дурбары в полном облачении" и "военные дурбары"; этикет в обоих случаях был очень минимальным, а внешнее поведение, по крайней мере, изысканно учтивым, хотя предательство было далеко не редким, а договоры никогда не длились долго без нарушений. Но вернемся к первому протектору. К концу своего сорокатрехлетнего правления маркиз Цинь стал заносчивым, тщеславным и развратным, настолько, что его западный сосед, могущественное государство Цинь, отказалось присутствовать на дурбарах. Из других великих держав Цинь (к западу от Цинь) был слишком далек, чтобы принимать активное участие в этих парламентах; Цу был слишком занят

распространением цивилизации среди варварских государств или племен к югу от Ян-цзы. Император к этому времени был уже практически *неживым королем*, и, что любопытно, о том, что происходило в его владениях после того, как западная половина их отошла к Ц'иню в 771 году, известно меньше, чем о том, что происходило на территориях трех его угрожающих вассалов на севере, северо-западе и северо-востоке и его полуцивилизованного сатрапа на юге. Дело в том, что все четыре восходящие державы теперь внимательно следили друг за другом и вели глубокую политическую игру вокруг своей добычи. Этой добычей была восточная половина первоначальных владений императора (западная половина теперь, с 771 года до н. э., принадлежала Цинь) и дюжина или около того чисто китайских, высококультурных вассальных государств, составляющих остальную часть современной провинции Хо Нань, а также небольшие части или клинья современных Чи Ли, Шань Тунг, Ань Хвэй и Кианг Су. От первого до последнего ни одно из этих ритуальных и литературных государств не проявляло реальной борьбы; едва ли найдется хоть одна запись о действительно сокрушительной победе, одержанной кем-либо из них. Боевые инстинкты всецело принадлежали новым китайцам, то есть китайским авантюристам, набившим руку на поколениях борьбы с варварами - татарами, тунгусами, аннамцами, шанами и прочими - и подкрепившим себя свежей варварской кровью. Дело в том, что население Китая чрезвычайно увеличилось, борьба за жизнь и пропитание обострилась, старая патриархальная тяга к ритуалам исчезла, народ начал выступать против землевладельцев, землевладельцы посягали на власть правящих князей, и Китай оказался в бедственном положении.

ГЛАВА IX

ПОЛОЖЕНИЕ ПОСЛАННИКОВ

В древнем Китае существовало неизменное правило, согласно которому с посланниками обращались вежливо, а их персоны считались священными, будь то при дворе, в дурбаре или в пути через третье государство. Во время войн шестого века до нашей эры между Цинь на севере и Цю на юге, когда эти две державы были соперничающими претендентами на протекторат оригинальной и ортодоксальной группы княжеств, лежащих между ними, и попеременно навязывали свою волю важному и дипломатичному второстепенному китайскому государству ЧКНГ (все еще название территории в Хо Нань), было представлено множество иллюстраций этого признанного правила. Главная причина превращения старых китайских княжеств в поле боя заключалась в том, что Цю было почти невозможно удобно добраться до любой из трех великих северных держав, и столь же трудно Цин, Цинь и Цай достичь Цю, не пройдя через одно или несколько китайских государств, в основном носящих имя императорского клана, и для прохода армии необходимо было просить разрешения, если только указанное китайское государство не находилось под господством (например, Цинь или Цю). Это было как Германия и Италия со Швейцарией между ними, или Германия и Испания с Францией между ними. Другим важным древнекитайским государством была Сун, лежавшая к востоку от Чанг. Оба эти государства принадлежали к высшей касте: граф ЧКНГ был близким родственником императора Чжоу, а герцог Сунг - представителем или религиозным наследником остатков династии Шан, изгнанной семьей Чжоу в I 122 году до н. э., но великодушно возвращенной "для того, чтобы семейные жертвы не были полностью прерваны" вместе с потерей императорской власти. В 595 году до н. э. Сун зашел так далеко, что предал смерти посланника Цю, что, естественно, вызвало гнев восходящей южной державы. Цю, в свою очередь, арестовал цинского посланника на пути к Сун и тщетно пытался заставить его предать свое доверие. В 582 г. Цинь в порыве гнева задержал посланника ЧКНГ и в конце концов предал его смерти за дерзость, проявленную им в

официальном визите в Цинь после кокетства с соперником Цинь Цю. Все эти нестандартные случаи сурово порицаются историками. В 562 г. Цюй одержал верх над Цинем, предав смерти посланника Чханна после того, как тот заключил с Цинем договор. Конфуций присоединяется, разумеется, задним числом, к хору всеобщего порицания. В 560 году Цю попытался разыграть посланника Цинь - трюк, который по своей тщетности сильно напоминает аналогичные мелкие унижения, которым Китай до недавнего времени подвергал при каждом удобном случае аккредитованных при нем иностранных чиновников. Цинский посланник, несколько обезображенный, был не менее знаменитым человеком, чем прославленный философ Ен-цз, уважаемый знакомый Конфуция (хотя, конечно, намного старше его) и второй после Кван-цза среди великих административных государственных деятелей Цин. Полуварварский царь Цы вместе со своими угодливыми придворными придумал небольшую схему, как унижить северного посланника, указав ему на маленькую дверь, предназначенную для входа в присутствие, такую, какие в свое время великие сеньоры предоставляли христианским послам в Турции. Ен-цз, конечно же, сразу понял, что это презренное оскорбление, и сказал: "У моего господина были свои причины выбрать для этой миссии столь недостойного человека, как я; но если бы он послал меня с миссией на собачий двор, я должен был бы подчиниться приказу и войти через собачьи ворота; однако так случилось, что я здесь с миссией к царю Цю, и, конечно, я ожидаю, что войду через ворота, соответствующие статусу этого правителя". Еще один розыгрыш попытался повернуть глупый король: было устроено "эстрадное развлечение", в котором одна из сцен представляла голодного несчастного, которого зачем-то терзали. Естественно, все спрашивали: "Что это такое?". Ответ был таким: "Цайский человек, уличенный в воровстве". Ен-цз сказал: "Я понимаю, что лучшие фрукты привозят из Цю, и они говорят, что мы, северяне, не можем приблизиться к качеству их персиков. Мы тоже честные простаки и не выглядим естественно на эстраде в роли воров. Настоящий жулик, как и настоящий персик, - это южная особенность. Я, правда, видел плутов на сцене, но ни один из них не был похож на цыганского человека; поэтому я спросил: "В чем дело?" Царь рассмеялся и, по крайней мере на время, отказался от вольностей с Ен-цзом.

В 545 г., когда Цын в данный момент преобладал над политическими действиями Чанг, правитель Чанг настоял на том, чтобы лично приехать, чтобы выразить свое почтение: это произошло после большой мирной конференции, состоявшейся в Сунге, на которой Цын и Цы договорились о *порядке действий* для своих соответствующих подчиненных или союзных вассалов. Помощи ждать было неоткуда, и граф, соответственно, отправился в путь. Присутствовавший при этом министр был Цз-Ч'ан - действительно очень великое имя в китайской истории; он был юристом, государственным деятелем, "демократическим консерватором", скептиком и философом, о смерти которого глубоко сожалели как жители Цинь, так и его друг или корреспондент Конфуций из государства Лу. Китайские дипломаты тогда, как и сейчас, пользовались самыми окольными путями, чтобы высказать мораль или деликатно намекнуть на что-то. Прибыв на окраину столицы, вместо того, чтобы построить обычные даи для формальностей и жертвоприношений, Цз-Ч'ан выстроил для размещения своей миссии убогую хижину, сказав: "Алтари строятся великими государствами, когда они посещают малые, как символ предоставленных благ и в качестве увещевания продолжать добродетельные пути". Четыре года спустя Цу отправил в Чанг миссию угрожающего размера, якобы для завершения бракосочетания, о котором договорились Цу и Чанг. Цз-Ч'ан настоял на том, чтобы луки и стрелы, которые везли с собой сопровождающие, были оставлены за стенами города, добавив: "Наше бедное государство слишком мало, чтобы выдержать все почести такого эскорта; воздвигните за стеной свой алтарь-даи для жертвоприношений предков, и мы будем там ожидать ваших повелений о браке".

В 538 году, когда Цю впервые проводила дурбар в качестве признанного протектора, находясь, однако, во враждебных отношениях со своим бывшим вассалом У, царь Цю совершил грубое преступление, схватив правителя мелкого государства, присутствовавшего на дурбаре, за то, что тот женился (будучи сам восточным варваром по происхождению) на принцессе У. На следующий год, когда два очень выдающихся государственных деятеля с территории его светского врага Цинь прибыли с политической миссией, царь Цзю посоветовался со своим премьером о целесообразности кастрировать одного для евнуха гарема, и отрубить ноги другому для носильщика дверей. "Ваше величество, конечно, может это сделать, - был ответ, - но как насчет последствий?" Это был случай, упомянутый в главе VI, когда царю напомнили, сколько в Цине было больших частных семей, способных содержать по сотне колесниц.

Похоже, что посланники, по крайней мере в Лу, были наследственными в некоторых семьях, так же как и в других семьях сменялись поколения министров. На посланника Лу в Цинь, который вез с собой очень ценный пояс, усыпанный драгоценными камнями, очень сильно давил один из жадных цинских министров, который хотел заполучить этот пояс. Посланнику предложили дать взамен немного шелка, но он сказал, что даже ради спасения жизни не отдаст пояс. Цинский магнат решил, что так будет лучше; но примечательно, как много случаев подобной жадности зафиксировано, и все они указывают на сравнительное отсутствие коммерческого обмена или стандартов стоимости между феодальными государствами.

Похоже, что Цю полностью заслужил обвинения Ен-цзя в предательстве и мошенничестве. На большой мирной конференции, состоявшейся в 546 году в столице Сун, эскорт Цю был замечен в кирасах под одеждой. Один из величайших цинских государственных деятелей Шу Хян (личный друг Ен-цзя, Конфуция и Цз-чжана) сумел дипломатично сдержать растущее негодование других держав и присутствующих представителей, отмахнувшись от неуклюжей выходки на том основании, что таким вероломством Цю просто повредила своей репутации в федерации к явной выгоде Циня: Циню не пристало продолжать борьбу с Цю именно сейчас. Затем на той же мирной конференции возник спор о старшинстве, то есть о том, кто первым имеет право мазать губы жертвенной кровью - Цинь или Цю: и здесь Шу Хян тактично уступил и своим примирительным поведением добился того, что федеральные принцы подписали своего рода соглашение о разоружении. Это один из многочисленных случаев, когда Конфуций как летописец пытается *исказать* истинные факты в интересах ортодоксии.

Даже более цивилизованное государство Цзи попыталось совершить акт грубого вероломства, когда в 500 году до н. э. правитель Лу в сопровождении Конфуция в качестве министра отправился выразить свое почтение. Но Конфуций был столь же зорким, как Ень-цзы и Цз-чжань, его друзья, соседи и коллеги: он сразу же разглядел угрожающий вид варварских "танцев" (представленных здесь, опять же, как "эстрадное развлечение") и своим твердым поведением не только спас личность своего принца, но и пристыдил правителя Цзи, заставив его отречься и отречься от своих угодливых собратьев-шутов. Ен-цз действительно присутствовал в то время, помогая своему маркизу, но нигде не утверждается, что именно он был ответственен за этот позорный маневр. В результате Тси была вынуждена вернуть Лу несколько городов и районов, несправедливо аннексированных за несколько лет до этого, а Лу пообещала помогать Тси в ее войнах.

[Иллюстрация: КАРТА

1. Река Сз по-прежнему начинается у Сз-шуй (крест в круге; означает "река Сз") и протекает мимо города Конфуция, К'ии-фу, впадая в Канал двумя рукавами. Но во времена Конфуция то,

что сейчас является каналом, продолжало оставаться рекой Сз, вплоть до ее слияния с Хвай. Река И по-прежнему начинается от И-шуй (также крест в круге; означает "Река И"), проходит И-тоу и соединяется с Сз (ныне Канал) у нижнего креста в круге. Шейка (пунктир) амбушюра Хвай больше не существует, а озеро Хун-цзе теперь рассеивается на озера и каналы. Флоты У, плавая по рекам Хвай, Шз и И, могли подойти к Лу и угрожать Цзи.

2. Во времена Конфуция Желтая река повернула на север недалеко от стыка императорской территории с Чэн: она прошла через Вэй и там разделилась. Ее главный рукав, пройдя по части русла реки Вэй, покинул его и занял русло реки Чанг. До 602 года до н. э. второстепенная ветвь проходила по более восточной пунктирной линии (нынешняя Желтая река, когда-то река Ци); но после 602 года до н. э. она пересекла Хинг, последовала за Вэй и заняла линию нынешнего канала. Хинг был тартарским государством, которое оспаривали Ци и Цинь: в конце концов он пал на Цинь.

3. Столицы Цай, Вэй, Цао, Чэн, Сун, Чэн, Цай (три) отмечены обведенными крестами. К'иифу, столица Лу, отмечена маленьким кружком. В 278 г. до н. э. столица Цю была перенесена на восток в Чэн. В 241 г. до н. э. под давлением Цинь столицу Цзу пришлось перенести к двойному черному кресту на южном берегу Хвай].

ГЛАВА X

ВТОРОЙ ЗАЩИТНИК

Теперь мы должны вернуться немного назад. Первый из так называемых Пяти тиранов, или Пяти последовательных защитников ортодоксального Китая, умер в 643 году, его философ и друг Кван-цзы покинул эту жизнь немного раньше него. Их общая слава заключается в том, что "они спасли Китай от превращения в татарскую провинцию", и даже Конфуций признает истинность этого факта - важнейший фактор, позволяющий понять движущие силы китайской политики. В этих условиях герцог Сун, который, как мы видели, имел особые моральные претензии на лидерство, поскольку был прямым представителем династии Шан, погибшей в 1122 году до н. э., сразу же выдвинул претензии на гегемонию. Однако он изрядно подпортил свою репутацию, совершив серьезное ритуальное преступление - "войну с трауром Ци", то есть вовлечение союзников в военные действия с собственной страной покойного покровителя, в то время как его тело лежало непогребенным, а его сыновья все еще спорили о престолонаследии. Однако татары пришли на помощь и заключили договор с Ци - это лишь один из бесчисленных примеров, показывающих, как северные китайские князья тех ранних времен поддерживали постоянную политическую связь с конными кочевниками. Ортодоксальный герцог Сун, облаченный своими недолгими полномочиями протектора, имел дерзость "послать за" правителем Цю, чтобы тот присутствовал на его первом дурбаре. (Следует помнить, что "король" в его собственных владениях был всего лишь "виконтом" в ортодоксальном пэрстве правящих князей). В результате король бесцеремонно взял своего потенциального защитника под стражу во время дурбара и выдвинул претензии на то, чтобы самому стать защитником. Во время военных действий, связанных с этим политическим маневром, герцог Сунг совершил самый нелепый рыцарский ритуал, одобренный, правда, литературными педантами всех последующих эпох, но губительный для его собственного мирского дела. Армия Цу переправлялась через сложный брод, и советники герцога рекомендовали быстро атаковать. "Неблагородно, - сказал герцог, - использовать в своих интересах даже врага, попавшего в беду". "Но, - сказал его первый советник, - война есть война, и ее единственная цель - наказать врага как можно суровее и быстрее, чтобы одержать верх и утвердить то, за что вы сражаетесь".

Тем временем важные события происходили в маркизате Цинь, который в течение тридцатипятилетней гегемонии Цы занимался расширением своей территории во всех направлениях, борьбой с Цинь и присоединением граничащих с ним татарских племен. В период своего наибольшего развития Цинь практически охватывал все междуречье Желтой реки на юге, востоке и севере, но, хотя, вероятно, половину его населения составляли татары, он никогда не переставал быть "ортодоксальным" в административном отношении. Энергичный, но развратный правитель Цинь женился на татарке в дополнение к своей более законной супруге (дочери покойного протектора, маркиза Цай); вернее, он взял двух жен, одна из которых была сестрой другой, но младшая сестра не принесла ему детей. До этого он уже женился на двух сестрах из совсем другого татарского племени, и каждая из его предыдущих жен принесла ему сына. Последняя пара его татарских возлюбленных настолько прочно завладела его привязанностью, что мать, будучи старшей сестрой из них, побудила его назначить наследником собственного сына, за исключением трех старших братьев, которые под разными ничтожными предложениями были отправлены на защиту северных границ от более враждебных татар. Все осложнялось тем, что законная или первая супруга маркиза, принцесса Ц'и, помимо сына, подарила ему еще и дочь, которая вышла замуж за могущественного правителя Ц'ина на западе. Таким образом, Цин и Цинь не только были наполовину тартарами по происхождению и симпатиям, но в этот период трое из четырех возможных наследников Цинь были фактически сыновьями тартарских женщин. Законный наследник, чья мать была цинского происхождения и который сам был человеком очень высокого характера, покончил с этим вопросом, насколько его это касалось, совершив покорное самоубийство; трое сыновей от матерей-татарок наследовали трон один за другим, но в обратном порядке их возраста. История странствий старшего брата, который вступил на престол только в возрасте шестидесяти двух лет, - один из самых интересных и романтических эпизодов во всей истории Китая; даже с учетом незнакомых имен и фамилий она могла бы стать основой романтического романа, настолько наглядно и естественно изображены некоторые сцены. Сначала он душой и сердцем окунулся в татарскую жизнь, присоединился к суровым всадникам в их междоусобных войнах, женился на татарке и отдал ее сестру своему самому верному приспешнику; затем, узнав о смерти цзиньского премьера Кван-цза, поклялся, что отправится в Цинь и попытается выступить вместо него в качестве политического советника. Гостеприимно принятый маркизом Цзи, он был представлен очаровательной и благоразумной царевне Цзи, которая в течение пяти лет оказывала столь удручающее влияние на его мужественность, честолубие и воинственный пыл, что его пришлось тайком вывозить из веселящейся царицы в пьяном виде его тесть-татарин и его главный китайский приспешник и шурин. Затем он начал серию визитов в мелкие ортодоксальные суды, которые отделяли Цай от Цу. Некоторые из них были грубы и пренебрежительны к этому несчастному принцу, попавшему в беду; но Сун был исключением, поскольку амбиции Суна, как уже говорилось выше, были грубо подавлены Цю, и теперь Сун хотел сделать предложение Цину вместо него и примирить принца, который, скорее всего, не взойдет на трон Цина. В 637 году принц прибыл ко двору Цинь, правитель которого совсем недавно начал принимать формальный и официальный статус "цивилизованного" федерального принца. Тем временем пришло известие о смерти его брата (младшей сестры его собственной матери); этот младший брат укрылся в Цинь во время правления своего младшего брата (рожденного от последней татарской фаворитки) и после смерти этого брата был очень щедро поддержан правителем Цинь, чтобы в свою очередь занять трон, при условии, однако, что Цинь уступит Цинь всю территорию на правом берегу Желтой реки, т.е. Но новый правитель Цинь был убежден своими придворными отказаться от этой унижительной сделки, в результате чего Цинь объявил войну Циню, а неверный правитель Цинь некоторое время был военнопленным в Цинь; но, вернув себе трон

благодаря влиянию своей сводной сестры, жены правителя Цинь, он умер в упряжке в 637 году до н.э. До н. э. Юный сын покойного правителя не пользовался популярностью, и теперь Цин сыграл важную роль в том, чтобы принять беженца обратно из Цю и с триумфом привести его после девятнадцати лет скитаний, полных приключений, к своему родовому трону; его соперник и племянник был убит.

Весь ортодоксальный Китай, казалось, чувствовал теперь, что этот интересный странник, после всех его опытов войны, путешествий, татар, китайцев, варваров и политики, был подходящим человеком для того, чтобы стать защитником. Но сначала Цинь должен был победить Цю в решающей битве; война между Цинь и Цю возникла из-за попытки Чанг (одного из ортодоксальных китайских государств, которые были нелюбезны со странником) перетянуть на себя преобладающую власть Цю, чтобы оградить себя от наказания со стороны Цинь за прошлое грубое поведение. Император послал своего собственного сына, чтобы тот присвоил ему статус "моего дяди", что практически является еще одним способом сказать родственнику "защитник", и в 632 году был проведен большой дурбар, в котором принял участие сам император. Цинский правитель, созвавший дурбар и даже "повелевший присутствовать" императору, был руководящим духом собрания во всех отношениях, кроме номинального и ритуального аспекта; Тем не менее, он был достаточно благоразумен и осторожен, чтобы соблюсти все внешние знаки почтения и создать впечатление, что он просто выступает в качестве рупора марионеточного императора; он даже пошел на то, чтобы покорно предложить императору некоторых пленников Ц'у, а император, в свою очередь, "милостиво уступил" Цину императорские владения к северу от Желтой реки. Так Цинь и Цинь по очереди подрезали крылья Самодержцу Всех Китаев, так его называли.

В течение нескольких беспокойных лет между смертью первого настоящего протектора в 643 году и официальным назначением императором второго в 632 году Цю и Сун, как мы уже видели, пытались отстаивать свои сопернические притязания. Трехсторонняя война также продолжалась некоторое время между Цинь и Цю, предметом спора были некоторые территории, которых Цинь лишил Лу; кроме того, война шла между Цинь и Цинь, Цинь и Цинь, Цинь и Цю, причем последнее государство всегда старалось заручиться помощью Цинь, когда это было возможно. От первого до последнего, в период, охватываемый историей Конфуция, никогда не было серьезной войны между татарином Цин и варваром Цю; скорее, они были естественными союзниками против ортодоксального Китая, на промежуточную территорию которого они оба научились смотреть с жадностью.

Ситуация слишком запутанная, учитывая безлюдность странных названий и отсутствие определенных границ, которые менялись в результате кампаний каждого года, чтобы можно было дать полное или даже приблизительно внятное объяснение каждого шага. Но следующие основные черты неоспоримы: Цин, Цинь, Цай и Цю были растущими, прогрессивными и агрессивными государствами, все они были сильно окрашены иностранной кровью, которая, естественно, усваивалась тем охотнее, чем больше было могущество, богатство и культура ассимилирующего ортодоксального ядра. Имперский домен представлял собой потухший политический вулкан, время от времени извергающий угрожающий, иногда ядовитый, но никогда не смертельно удушливый дым, всегда без огня. "Хиа", то есть федерация князей, принадлежащих к чисто хиаскому, или (как мы теперь говорим) "китайскому", роду, были, очевидно, невоинственны пропорционально отсутствию иностранной крови в их жилах; но все они были одинаково *русскими*, и все они были мастерами в казуистической дипломатии. Торговля, сельское хозяйство, литература и даже право были теперь весьма активны, и (как мы постепенно увидим в этих коротких главах)

Китай, несомненно, начал двигаться, как, после 2500 лет второго "ритуального" сна, он снова движется сейчас, в начале двадцатого века нашей эры.

ГЛАВА XI

РЕЛИГИЯ

На протяжении всех этих пяти веков борьбы, между бегством императора с переносом метрополии в 771 году до н. э. и полным уничтожением феодальной системы первым августейшим императором Цинь в 221 году до н. э., чрезвычайно интересно отметить, что религия в нашем западном понимании не только не существовала во всем Китае, но даже не была понята как абстрактное понятие; отдельно, то есть от правительства, общественного права, семейного права и сословного ритуала. В языке не было слова "религия"; понятие церкви или храма, обслуживаемого кастой священников, не входило в сознание людей. Часто говорилось о преступлениях против "богов" или "духов", но, с другой стороны, слишком большая вера в их силу считалась суеверием. "Грех" был мыслим только в смысле нарушения общих законов природы, символизируемых и конкретизируемых императорскими повелениями; прямыми или делегированными вассальным принцам; в обоих случаях как представителям, верховным или местным, Неба или Императора Свыше, чьим Сыном образно считался династический центральный правитель на данный момент. Ни один вассальный принц никогда не осмеливался называть себя "Сыном Неба", хотя почти все варварские вассалы называли себя "королем" (единственный другой титул, который принимали монархи Чжоу) в своих собственных владениях. "На небе может быть только одно солнце, на земле - только один император", - такова была максима, и со времен завоевания Чжоу в 1122 году до н. э. слово "король" заменяло более древнее "император", которое в далекие времена, очевидно, не отличалось в сознании людей от Бога или "Императора на небесах".

Молитва была достаточно распространена, как мы часто увидим, а жертвоприношение было повсеместным; фактически, кровь жертвы была почти неотделима от торжественных церемоний или записей любого рода. Но такие понятия, как совесть, страх Божий, смертный грех, покаяние, отпущение грехов, милостыня, самоистязание, благотворительность, одежда и пепел, благочестие, хвала и прославление, - словом, то, что иудеи, христиане, мусульмане и даже буддисты по очереди считают религиозным долгом, вообще не имели четко определенного существования. Есть некоторые следы местных или варварских богов у полутюркского народа Цин, прежде чем он был возведен в статус полного феодального вассала; а также у полуанамского народа Цу (с его зависимыми территориями Ву и Йиэх); но у собственно ортодоксальных китайцев тех времен никогда не было религии в том виде, в каком мы ее сейчас представляем, какие бы представления ни были у их далеких предков.

Несмотря на это, умы правящих классов, по крайней мере, были под властью семейных и родовых чувств, и, если не было храмов или жрецов для общественного поклонения, неизменно существовали святилища, посвященные предкам, с соответствующими обрядами, должным образом исполняемыми профессиональными клерками или чтецами. Всякий раз, когда правитель любого рода предпринимал какую-либо важную экспедицию или выполнял возможные обязанности, он сначала обращался к оракулам, чтобы узнать волю Небес, а затем сообщал об этом *манам* своих предков, которых также уведомляли о любой великой победе, политических переменах или удаче. Существует различие (которое нелегко усвоить) между потерей государства и потерей династии; в последнем случае население остается сравнительно незатронутым, и только царствующая семья прерывает жертвоприношения богам места и урожая. Так, в 567 г., когда один из мелких вассалов

(которых правитель Лу был *mesne lord*) сокрушил другого, объясняется, что духи не будут духовно вкушать жертвы (т.е. принимать поклонение) того, кто не принадлежит к той же фамилии, и что в данном случае уничтожающим государство был только двоюродный брат через сестер: "когда страна "потеряна", это означает, что чужая фамилия наследует власть; но, когда чужая фамилия становится духовным наследником, мы говорим "уничтожена"". В девятой главе мы видели, как династия Шан потеряла империю, но была жертвенно сохранена в Сун. Похоже, что с самых отдаленных времен существовало нежное нежелание полностью "отрезать все жертвоприношения", вероятно, из чувства, что возмездие в подобной форме может в будущем постигнуть безжалостного осудителя других. Есть и другая причина: почти все правящие семьи происходили от одних и тех же далеких полумифических императоров, или от их министров, или от их жен низшего происхождения. Так, хотя тело последнего тиранического монарха династии Шан, о котором шла речь выше, было пронзено насквозь торжествующим монархом Чжоу, брат этого монарха (действуя как регент от имени сына и наследника) передал княжество Сун старшему сводному брату тирана от неполнородной жены, "чтобы династические жертвы не были прерваны"; И до самого последнего времени князь Сун был единственным правящим сатрапом при династии Чжоу, который постоянно пользовался полным титулом "князь". Его сосед, маркиз Вэй (императорский род), правда, получил титул "герцог" в 770 году до н. э. за заслуги в связи с бегством императора; но от титула, похоже, молчаливо отказались, и на дурбарах его всегда называли "маркизом". О самом тиране Шан сказано: "Таким образом, в 1122 году до н.э. он потерял все в один день, даже не оставив потомства". Конечно, его старший брат не мог быть его духовным наследником. В 597 году до н.э., когда Цю в борьбе с Цинем за обладание Чанг, получил в свою власть правящего графа Чанг, последний обратился к своим императорским предкам (первый граф, в 806 году, был сыном императора, бежавшего из своей столицы на север в 842 году), и сказал: "Позвольте мне продолжить их жертвоприношения". Подобных примеров можно привести не менее десятка: жертвоприношения предкам, похоже, относятся скорее к потомкам, в то время как жертвоприношения богам земли и зерна связаны скорее с правами феодала.

Молитва упоминается с самых ранних времен. Например, Шунь, активный монарх-пахарь (не наследственный), предшествовавший трем династиям - Хиа (2205-1767), Шан (1766-1123) и Чжоу (1122-249), молился на определенной горе в центре современной провинции Ху Нань, где до сих пор находится его могила (факт, указывающий на возможность того, что ортодоксальные китайцы проложили свой путь на север с юго-запада). Когда завоеватель Чжоу, посмертно названный Боевым королем, заболел, его брат, герцог Чжоу (впоследствии регент сына Боевого короля), помолился Небу о выздоровлении брата и предложил себя в качестве замены; секретарю было приказано зафиксировать это предложение в письменном виде, и этот торжественный документ был надежно заперт. Тот же человек, став регентом, снова предложил себя Небу за своего больного племянника, отрезав себе ногти и бросив их в реку в знак готовности отдать собственное тело. Император К'анг-хи из нынешней маньчжурской династии, возможно, подражая герцогу Чоу, вознес себя к Небу вместо своей больной монгольской бабушки. Очень любопытный случай молитвы произошел в связи с наследованием цинского престола; следует помнить, что законный наследник покончил жизнь самоубийством, а два других сводных брата (и в течение нескольких месяцев один из сыновей этого брата) правили до того, как второй Протектор закрепил свои наследственные права. Призрак самоубийцы явился к брату-узурпатору и сказал: "Я молился Императору (Богу), который скоро передаст Цинь в руки Цина, чтобы Цинь совершил причитающиеся мне жертвоприношения". Ответ призрака гласил: "Но духи будут есть жертвоприношения, только если они происходят из одной семьи". Призрак сказал: "Очень хорошо; тогда я снова буду молиться. . . . Бог говорит, что мой сводный брат будет свергнут в битве при Хань" (перевал,

где философ Лао-цзы, как предполагается, написал свою книгу 150 лет спустя). В 645 году правитель Цинь действительно был захвачен в бою своим шурином из Цинь, который действительно собирался принести жертву Высшему Императору как преемник Цинь; но его отговорила его ортодоксальная жена (принцесса Цинь, дочь принцессы Цинь, как объясняется на странице 51).

В 575 году Цинь записал, как "вызывал духов и просил о победе". Чуть позже один из цинских генералов, потерпев поражение, издал общий приказ, чтобы скрыть свою слабость: чтобы обмануть врага, он предложил, чтобы армия, помимо всего прочего, с большим размахом молилась о победе. Существует множество других аналогичных примеров несомненной молитвы. Гораздо позже, в 210 году до н. э., когда царь (как он был) Цинь завоевал весь Китай и впервые в истории стал называться августейшим императором (нынешний титул), он обратился к своим прорицателям по поводу неприятного сна, который ему приснился. Ему посоветовали молиться и поклоняться (или приносить жертвы, так как это практически одно и то же) с особым усердием, если он хочет привести все к благоприятному исходу: и это монарх, который был погружен в философию Лао-цзы.

ГЛАВА XII

ПОКЛОНЕНИЕ ПРЕДКАМ

Мы только что видели, что, когда начинался военный поход, об этом событии с жертвоприношением извещали предков того, кого это касалось в первую очередь: также было принято возить в бой на специальной колеснице табличку последнего предка, вынесенную из родового зала, чтобы под его эгидой, так сказать, тактика сражения была успешной. Залы предков различались в зависимости от ранга: только у императора было семь святилищ, у вассальных правителей - пять, у министров первого ранга - три; у придворных или министров второго ранга - только два; то есть в этих последних случаях не поклонялись никому, кроме деда живого подданного. Из этого можно сделать вывод, что простой народ не мог претендовать ни на какую святыню, кроме, пожалуй, домашнего алтаря, который можно увидеть и сейчас на улицах Кантона. В 645 году до н. э. в храм первоклассного священнослужителя ударила молния, и комментатор замечает: "Таким образом, мы видим, что все, начиная с императора и заканчивая придворными, имели родовые святыни", - утверждение, доказывающее, что уже в начале христианской эры подобные вопросы необходимо было разъяснять широкой публике. Святыни располагались следующим образом: -слева (при входе) находилась святыня отца живого человека, справа - его деда, над ними, слева и справа, - прадеда и прапрадеда, напротив, в центре, - основателя, чья табличка или чучело никогда не перемещались; Но по мере смерти каждого живого человека его преемник, разумеется, рассматривал его в свете отца, и, поскольку пять - это максимум, который допускался, одна табличка должна была быть удалена после каждой смерти, и ее помещали в более общий родовой зал, принадлежащий клану или роду, а не конкретной семье: Поэтому именно табличку или чучело прапрадеда обычно брали с собой на войну. Только у императора было две особые часовни за пределами пяти святилищ, в каждой из которых хранились четные (слева) и нечетные (справа) имена тех, кто стоял выше по служебной лестнице, чем прапрадед и прапрапрадед соответственно. Царь Ц'у, умерший в 560 году до н. э., сказал на смертном одре: "Теперь я занимаю свое место в храме предков, чтобы принимать жертвы весной и осенью каждого года". В 597 году, после великой победы над Цинь, царю Цю посоветовали воздвигнуть трофей над собранными трупами врагов; но, будучи, по-видимому, человеком довольно высокомерным, он, немного поразмыслив, сказал: "Нет! Я просто воздвигну там храм своим предкам, поблагодарив их за успех". После

смерти в 210 году до н. э. императора Первого Августа возникла дискуссия о том, какие почести следует воздавать его храмовой святыне: было объяснено, что "в течение тысячи лет без каких-либо изменений действует правило: семь святынь для Сына Неба, пять - для вассальных принцев и три - для министров". В 253 году, после завоевания ограниченной территории жалкого императора Чжоу, тот же завоеватель Цинь "лично изложил дело перед императором Над в жертвоприношении в пригороде", что означает, что он принял на себя управление миром как наместник Бога. Храм Неба (за Южными воротами Пекина), занятый в 1900 году британскими войсками, практически является местом "жертвоприношения на окраине" древних времен. Только в 221 году до н. э. царь Цинь, ставший после этого императором Первого августа, официально присоединил к себе всю империю: "благодаря святыням в храме предков" или "благодаря духовной помощи святынь моих предков Поднебесная (т. е. империя) теперь впервые заселена". Эти выражения сохранялись из династии в династию и действительно были вновь использованы, но уже вчера, в различных воззваниях к Небу и своим предкам, сделанных японским *Тэнси*, или микадо, то есть "Сыном Неба", или Тьен-цз древних китайцев, от которого полностью или частично был заимствован японский синтоистский ритуал.

В 572 году до н. э., вступая в должность цинского правителя после различных нерегулярных перерывов в преемственности, он говорит: "Благодаря сверхъестественной помощи моих предков и вашей помощи, мои господа, я теперь могу совершать цинские жертвоприношения". В 548 году несчастный правитель Цинь, ставший жертвой дворцовой интриги, умолял евнуха, которому было поручено убить его, хотя бы "дать мне разрешение покончить с собой в зале моих предков". Деревянная скрижаль, изображающая предка, определяется как "то, на чем покоится дух", а храм - "то место, где обитает духовное сознание предков". Каждая скрижаль помещалась на свой алтарь: скрижаль была квадратной, с отверстием в центре, "чтобы оставить свободный доступ со всех четырех сторон". Императорская была двенадцати дюймов, а вассальные принцы - одного фута (то есть десяти дюймов) в длину, и, несомненно, надпись была нанесена лаком (до того как письмо на шелке стало общепринятым, а волосная кисть и чернила вошли в обиход около 200 года до н. э.). Правители Лу, будучи прямыми потомками герцога Чоу, брата первого императора династии Чоу (1122 г. до н.э.), имели особые привилегии в жертвоприношениях, такие как право использовать императорскую музыку всех прошлых династий; право приносить жертвы отцу герцога Чжоу и основателю; право на императорские обряды, на жертвоприношения в пригородах и так далее; кроме того, они хранили некоторые древние символические предметы, подаренные первыми императорами Чжоу и упомянутые на странице 22.

Конечно, никакое наказание не могло быть духовнее, чем разрушение храмов предков: так, в двух случаях, в частности, в 575 году до н. э., когда первоклассный министр предательски бежал из своей страны, его князь, маркиз Лу, в качестве особого акта милости просто "разрушил храм предков, но не прервал жертвоприношения". Второй случай также произошел в Лу в 550 году: вэйский друг, с которым Конфуций жил семьдесят лет спустя, странствуя по Вэй, задним числом высказал свое ритуальное мнение по этому делу - доказательство солидарности в симпатиях, существовавших между государственными деятелями ортодоксальных княжеств. Во время кровопролитных войн между полуварварскими южными государствами У и Цю, столица последнего была взята штурмом в 506 году, родовой храм Цю был полностью разрушен, а отрекшиеся министры Цю, сопровождавшие войска У, даже выпороли труп предыдущего царя Цю, своего бывшего господина, на которого они имели зуб. Подобное глумление над мертвыми (в случаях, когда виновные правители нарушали законы природы и неба) практиковалось даже в императорском Китае; так (см. с. 57) основатель династии, овладев дворцом последнего

императора Шан, намеренно выпустил несколько стрел в тело императора-самоубийцы. Обезглавливание трупов и осквернение гробниц великих преступников часто практиковалось существующим маньчжурским правительством, критикуя которое, мы не должны забывать об обращении с телом Кромвеля во время Реставрации. В 285 году до н. э., когда столица Цзи была захвачена союзными царскими державами, объединившимися тогда против Цзи, храм предков был сожжен. В 249 году до н. э. Цы уничтожил государство Лу, "которое таким образом стало свидетелем прекращения жертвоприношений своих предков".

В течение всего этого беспокойного периода часто встречаются случаи, когда император посылает вассальным князьям подарки в виде мяса, используемого в жертвоприношениях предков; это было задумано как особый знак почета, что-то сродни "орденам" или наградам, раздаваемым в Европе. Так, в 671 году новый царь Цю, только что убивший своего предшественника, который впервые подал дурной пример, присоединив мелкие ортодоксальные китайские княжества, получил от императора этот комплимент в виде жертвенного мяса, а также мягкий намек "нападать на варваров, таких как Ии, но всегда оставлять в покое китайских князей". Ц'и, Лу, Ц'ин и Ии в разных случаях между этой датой и IV веком до н. э. получали подобные подношения, обычно, очевидно, скорее умиловительные, чем покровительственные. В 472 году варварский король Ииэ даже был назначен покровителем вместе с мясным подарком; это произошло после полного уничтожения У, когда он шел на север, чтобы угрожать Северному Китаю. Подарки мяса, принесенного в жертву в частной семье, до сих пор в моде между друзьями в Китае.

Прежде чем приступить к торжественному жертвоприношению любого рода, необходимо было провести пост и очищение. Так, царь Цу в 690 году до н. э. сделал это, прежде чем объявить предкам о предполагаемой войне; а посланник, отправившийся из Цу в Лу в 618 году, сообщил об этом своим особым предкам, которые могли быть (как и многие высшие офицеры) представителями правящей касты, а могли и не быть. В другом случае правитель Лу был убит во время очищения в вольере, посвященном богу земли, перед тем как принести жертву *манам* человека, который когда-то спас ему жизнь. Практически все это сохранилось и в современном китайском обиходе.

Любопытное различие упоминается в связи с официальными траурными известиями в высокоритуальном государстве Лу. Если покойный принадлежал к совершенно другой фамилии, маркиз Лу оплакивал его за пределами своей столицы, обращаясь к родному месту покойного или месту смерти; если к той же фамилии, то в храме предков: если покойный был потомком того же основателя, то в храме основателя; если из той же семейной ветви, то в отцовском храме. Все эти уточнения, естественно, утомительны и непонятны для нас, западных людей; но только сопоставив конкретные факты, мы можем прийти к какому-либо общему принципу или правилу.

[Иллюстрация: КАРТА

1. Отмечены пять столиц Цзу в порядке возрастания даты. В 504 г. до н. э. царю пришлось навсегда покинуть Ян-цзы, чтобы спастись от нападений У. В 278 г. до н. э. Цин захватил № 4, после чего древняя столица Чха (№ 5, уже аннексированная Цу) стала столицей Цу (см. карты, показывающие положение Чин). Теперь Цю была державой на реке Хвай, а не на реке Хань и Ян-цзы. Шу и Па - это современный Сз Ч'ван, оба недоступны из системы Хань. Система Хань на севере была отделена от системы Вэй и страны Цинь общим водоразделом.

2. У, по-видимому, была единственной державой, кроме Цзу, обладавшей какими-либо знаниями о реке Ян-цзы, и У изначально была частью или вассалом Цзу. 3. Па поддерживали отношения с Цзу еще в 600 г. до н. э. Позже принцессы Па выходили замуж за царей Цзу].

ГЛАВА XIII

НАЙДЕНЫ ДРЕВНИЕ ДОКУМЕНТЫ

Правление маркиза Цинь (628-635), второго из Пяти покровителей, длилось всего восемь лет, и за это время не произошло ничего, что соответствовало бы его живописной фигуре в истории, когда он был еще простым странником. Но очень интересно отметить, что Бамбуковые анналы или книги, то есть история Цина от 784 года до н.э., а также, кстати, история Китая за 1500 лет до этой даты, являются одним из подтверждений точности истории Конфуция от 722 года до н.э., которой мы располагаем в настоящее время, и удовлетворительно знать, что самый старый из этих трех комментариев, который обычно называют Цо Чван, или "Комментарий Цо Кью-мина", младшего современника Конфуция и официального историографа при дворе Лу, является самым точным, а также самым интересным из трех. Эти Бамбуковые книги были обнаружены только в 281 году н.э., после того как они были похоронены в гробнице с 299 года до н.э. Иероглиф, которым они были написаны на кусочках бамбука, уже настолько устарел, что потребовалась продолжительная работа антикваров, чтобы свести его к текущему письму того времени, или, другими словами, сегодняшнего дня. Еще один интересный факт: в то время как династия Чоу, а следовательно, и Конфуций из Лу (государство которого было тесно связано кровными узами с семьей Чоу), ввели новый календарь, по которому год начинался на один (Шан) или два (Хиа) месяца раньше, чем раньше, Цин продолжал считать (см. стр. 27) год по системе династии Хиа: Иными словами, интеркалярные луны, или массовые доли времени, периодически вводимые для приведения солнечного и лунного годов в соответствие, за тысячелетие так накопились (примерно шестьдесят дней в 360 000, или, скажем, три полусекунды в день), что династия Чжоу сочла необходимым называть одиннадцатую луну Хиа первой, а первую луну Хиа третьей в году. Аналогичное различие наблюдается и в наше время, когда русский год (еще несколько лет назад на двенадцать дней позже нашего) был объявлен на тринадцать дней позже; и когда мы сами в 1900 году (и в трех четвертях всех последующих лет, составляющих чистую сотню) опускаем интеркалярный день 29 февраля, который в противном случае наступает каждый четвертый год из четных чисел, кратных четырем. Таким образом, сами расхождения в датах Бамбуковых книг (где поздние редакторы, пытаясь подогнать все даты под более поздние календари, случайно оставили без изменений дату Цинь) и в датах расширенной истории Конфуция, указанные и объясненные самими китайскими комментаторами, являются одновременно и гарантией факта, и добросовестной записью этого факта.

Но сосед и шурином цинского маркиза (сам на три части турок), граф Цин, правивший с 659 по 621 год до н. э. и за это время спокойно заложивший основы могущественного государства, которому суждено было в будущем завоевать весь Китай, сам был выдающимся человеком; и есть некоторые основания полагать, что даже в этот период он обладал собственным особым календарем, как это, несомненно, сделали его преемники 400 лет спустя, когда навязали Китаю свое летоисчисление. Мы уже видели (стр. 52), какое сильное влияние он оказал на полутатарских братьев Цин, поочередно приводивших их на цинский престол. Он пригласил несколько знатных людей из соседних мелких, но очень древних китайских княжеств поселиться в его столице в качестве советников; он был слишком далеко, чтобы присутствовать на дурбарах, проводимых Первым Протектором, но он послал одного из этих китайских советников в качестве своего представителя, Он сам обычно считается одним из

Пяти Протекторов; Но, хотя он, безусловно, был очень влиятельным и по этой причине, безусловно, был одним из Пяти Тиранов, или Пяти Главенствующих Держав, несомненно, что ему никогда не удавалось получить официальную санкцию Императора действовать в качестве такового над ортодоксальными княжествами, и он никогда не председательствовал на дурбаре китайских федеральных князей. Долгие и кровопролитные войны с его соседом Цином были главной особенностью его правления, насколько это касалось ортодоксального Китая; но его главная слава заключается в его великих татарских завоеваниях и в его огромных расширениях на запад. Эти расширения, однако, не следует преувеличивать, и нет оснований полагать, что они когда-либо достигали дальше Ква-Чоу и Тун-Хванга (долгота 95°, широта 40°), двух очень древних мест, которые все еще фигурируют под этими названиями на самых современных картах Китая, и от которых отходят дороги (недавно исследованные майором Брюсом) в Туркестан и Лоб-Нор соответственно.

Большинство императоров и принцев-вассалов упоминаются в истории под посмертными именами, то есть именами, присвоенными им после смерти, чтобы кратко выразить этим именем основные черты (хорошие или плохие) личного характера покойного; точно так же, как в Европе мы официально или неофициально называем Людовика Ле Биенайме, Альберта Доброго или Карла Толстого. Посмертное имя этого графа было "Герцог Му" (независимо от того, был ли он герцогом, маркизом, графом, виконтом или бароном при жизни, после смерти правителя было принято говорить "герцог"), а посмертное имя императора, умершего в 947 году до н.э. "Царь Му"; ведь, как уже говорилось, династия Сынов Неба Чжоу называлась "Царь", а не "Император", хотя их верховное положение было таким же полностью императорским, как и у предыдущих династических монархов, и фактически они были "Императорами", как мы теперь понимаем это слово в Европе. В то же время, когда были раскопаны "Бамбуковые анналы", были найдены копии некоторых старых "классиков" или "Священного писания", а также доселе неизвестная книга под названием "История Сына Неба Му", написанная, разумеется, тем же древним шрифтом. Предполагалось, что этот Сын Неба (этот термин применялся ко всем императорам Китая, независимо от того, называли ли они себя императором, королем или августейшим императором) путешествовал далеко на запад и имел беседы с иностранным принцем, который, как и его страна, был переписан как *Сиванму*. Более подробно эта тема будет затронута в другой главе, а пока полезно сказать, что, по мнению одного очень ученого синолога, все доказательства ясно указывают на то, что эта экспедиция была предпринята герцогом Мух из Цинь, установленным, как он был в старом уделе императоров, потерянным татарами (как мы объяснили) в 771 году, и в то же время императором, причастным к предкам герцога Мух. В пользу такого взгляда на дело говорит тот факт, что в 664 году до н. э. Цин и Цинь по неизвестной причине вынудили татар Ква Чжоу переселиться в Китай, о чем впоследствии упоминал один из татарских вождей (во время посещения китайского дурбара в 559 году до н. э.) как об общеизвестном историческом факте. Несомненно, полукитайские государства, такие как Цу, У, Юэ и Шу (последнее - это современная провинция Шэньчжэнь, история которой была открыта лишь много позже времен Конфуция), называли себя "королями", "императорами" и "сыновьями Неба" в своей собственной стране (так же, как это всегда делал даннический король Аннама, пока французы не установили над ним протекторат; и как это делали данники-японцы до того, как они официально объявили об этом Китаю в седьмом веке нашей эры); и многие другие.D.); и есть много признаков того, что Цин сделал или, по крайней мере, мог бы сделать и хотел сделать то же самое. Поэтому, когда была обнаружена история о Мухе, литературные манипуляторы - даже если они не верили в то, что она непременно должна относиться к императору Муху - вполне могли искренне сомневаться, относится ли эта история к Ц'ину или к императору; или вполне могли решить включить ее в ортодоксальную историю, как усиливающий фактор в поддержку теории единого и неделимого

императорского достоинства; точно так же, как в седьмом и восьмом веках н.э, японские манипуляторы своей традиционной историей включили сотни, не говоря уже о тысячах, китайских исторических фактов и речей, и вложили их в свои исторические эпизоды и в уста своих императоров, ради чести и славы Дай Ниппон (Великой Японии).

После смерти второго протектора в 628 году до н. э. между Цинь и Цинь, с одной стороны, и между Цинь и Цу - с другой, шла непрерывная борьба. Тем временем у Цинь была своя работа по удержанию татар на правом берегу Желтой реки в ее нижнем течении и по защите от их нападений ортодоксальных китайских государств Лу, Сун, Вэй и т. д. Но Цинь никогда больше после этой даты не предъявляла официальных претензий на роль протектора, хотя в 610 году она возглавила коалицию князей против одного из членов, нарушившего ее, и таким образом практически выступила в роли протектора.

В дополнение к китайскому советнику в распоряжении Ц'ин, в 626 году царь (или царь) татар предоставил князю Муху очень способного татарского советника цинского происхождения, то есть его предки в прошлые времена переселились в Тартар, хотя сам он все еще "говорил на цинском диалекте" и, должно быть, обладал значительными литературными способностями, поскольку был писателем. Теперь Цинь был не только федеральным китайским государством, но и верховным сюзереном над всеми тартарскими княжествами в пределах досягаемости; кроме того, он был хорошо обеспечен советниками для обоих видов работ. Все это важно с точки зрения предвысокого авторитета Цинь, когда 400 лет спустя пришло время полностью отменить тщательно выверенную феодальную систему.

ГЛАВА XIV

БОЛЬШЕ О ПРОТЕКТОРАХ

Пять тиранов, или покровителей, обычно считаются пятью упомянутыми нами личностями, а именно: маркиз Цинь (679-643), при котором великий экономист, государственный деятель и философ Кван-цз поднял эту дальневосточную часть Китая до неслыханного доселе уровня материального процветания; маркиз Цинь (632-628 гг.), романтический принц, скорее турок, чем китаец, который был первым вассальным принцем, открыто относившимся к императору как к марионетке; герцог Сунг (умер в 637 г.), представитель императорской династии Шан, изгнанной семьей Чжоу в 1122 г., чье нелепое рыцарство, однако, не смогло обеспечить ему действенную поддержку других китайских принцев; граф Цин (умер в 621 г.), который, как мы видим, спокойно создавал великое татарское владение и ассимилировал его с китайским укладом на западе; и царь Ц'у (умер в 591 г.), который, помимо того, что занял место среди признанных федеральных князей и присоединил к себе бесчисленные мелкие китайские княжества в бассейнах рек Хань и Хвай, в течение нескольких поколений спокойно расширял свои владения за счет того, что мы сейчас называем провинциями Сз Ч'ван, Кьянг Си, Ху Кванг - возможно, даже Юнь Нань и Квей Чоу; Конечно, Кианг Су и Чех Кианг, и, возможно, в некоторой степени прибрежные районы современных Фух Киен и Два Кванга; Но нельзя слишком часто повторять, что если что-то существенное было известно о бассейне Ян-цзы, то только Ц'у (в его двойном характере независимой местной империи и китайского федерального принца) знал или мог знать об этом; точно так же, если что-то конкретное было известно о Дальнем Западе, Туркестане, Таримской долине и пустыне, то только Ц'ин (в его двойном характере независимой татарской империи и китайского федерального принца) знал или мог знать о них что-то. Цинь и Цинь также были тартарскими державами, по крайней мере в том смысле, что они знали, как оградить известных им тартар и как заключить с ними дружественные союзы, пользуясь, с одной стороны, тартарской мужественностью, а с другой - верностью ортодоксальной китайской культуре. Так что, за

исключением педантичного герцога Сунга, которого после года-другого кратковременного сияния погубил похотливый король Цю, все номинальные пять покровителей Китая были либо полуварварскими правителями, либо прошли через горнило варварских испытаний. Наконец, претензии и заслуги Сун, Цу и Цин с точки зрения протектора были настолько неопределенными, что для целей данной работы мы признаем только двух - Первого протектора (Цин) и, после борьбы, Второго протектора (Цин): самое большее - третьего, Ц'у.

Но хотя китайские историки и ограничивают период Пяти Протекторов менее чем столетием, фактом является то, что Цю и Цинь продолжали упорно бороться за гегемонию, или практическое преобладание, еще как минимум 200 лет; кроме того, Цинь, Цю и Сун никогда не были официально назначены императором в качестве Протекторов, и они никогда не были приняты в качестве таковых китайскими федеральными князьями в той постоянной и определенной форме, в какой были приняты Цю и Цинь. Более того, варварские государства У и Юэ, каждое из которых в свою очередь очень эффективно выполняло функции протектора, никогда не включались в серию "Пять великих держав". Дело в том, что китайцы никогда не постигали идею принципов в истории: их летописи - это просто дневники событий; и если однажды летописец назвал какой-то определенный "период", они продолжают использовать его, невзирая на его несоответствие фактам, противоречащим логическому принятию этого периода.

Ситуация была такова: Цинь и Цинь вечно враждовали из-за небольших китайских государств, которые лежали между ними, особенно из-за государства Чэн, которое, хотя и было небольшим, но принадлежало к недавнему императорскому роду и, кроме того, было хорошо снабжено мозгами. Цинь и Цинь постоянно враждовали по поводу старых владений Цинь на западном берегу Желтой реки, которая протекает между ними с севера на юг, и по поводу их соперничества в претензиях на влияние на различные кочевые племена татар, живущие по обоим берегам, Цинь и Цинь часто вступали в споры по поводу Лу, Вэй и других ортодоксальных государств, расположенных в долине Нижней Желтой реки, идущей с запада на восток и северо-восток; Также они спорили о восточных варварских государствах, населявших все побережье, и о мелких китайских государствах, которые выродились и чьи нравы напоминали варварские. Таким образом, Цинь и Цю, а также в некоторой степени Цай и Цю, имели постоянную тенденцию к союзу против флангов Цинь, и поэтому политика Цинь как "среднего человека" всегда заключалась в том, чтобы препятствовать связям между Цинь и Цю, а также между Цай и Цю. В 580 году Цинь придумал, как разыграть подобную фланговую игру против Цю: Были открыты переговоры с У, которое является совершенно варварским государством и начинает появляться в истории только в этот период; все короли носят явно фонетические варварские имена, которые абсолютно ничего не значат (кроме передачи звука) в китайском языке; У был обучен военному искусству, как мы видели, (стр. 34) предателем из Цу, который бежал в Цинь и поступил к нему на службу; И царь Ву вскоре сделал все настолько неудобным для Ц'у, что тот, в свою очередь, попытался всеми способами преградить путь между Цинем и Ву. В течение одного поколения У был настолько цивилизован, что один из королевских принцев был отправлен в обход китайских государств в качестве специального посла, которому под удобным плащом поиска цивилизации, ритуалов и музыки было поручено приобрести политические и стратегические знания. Этот принц произвел столь благоприятное впечатление на ортодоксальных государственных деятелей Цы, Лу, Цинь и Вэй (правящая семья этого государства, как и Сун, до восстания в 1106 г. до н.э. и Желтая река протекала через него на север), что везде его принимали с почтением, как равного: Его гробница все еще существует, примерно в десяти милях от договорного порта Чинкианг, и надпись на ней, сделанная древними иероглифами, была написана самим Конфуцием, который, хотя и был восьмилетним мальчиком, когда принц У

посетил Лу в 544 году, вполне мог видеть принца во плоти в другом месте, поскольку тот жил, чтобы предотвратить войну с Цю в 485 году; т.е. он прожил в течение шести лет. Известно также, что он посетил Цинь с шпионской миссией в 515 году до н. э. Первоначальное происхождение первых добровольно варварских принцев У от того же деда, что и императоры Чжоу, давало достаточно оснований для полного признания ортодоксами принца У как равного себе, особенно когда его манеры смягчались обрядами и музыкой. Это было похоже на то, как восточного принца чествуют и инвестируют в Европу, пока он должен соответствовать общепринятой одежде и манерам "общества".

Подобно тому, как У тихо подчинялось Цзу, пока не появилась возможность восстать, еще более варварское государство Юэ, лежащее к юго-востоку от У и подчиненное ему как своему месному владыке, охотно воспользовалось возможностью напасть на У, когда этого потребовал общий сюзерен, Цзу. Войны У и Юэ почти полностью морские, а о последнем государстве вообще не сообщается, что оно использовало боевые колесницы. У приняло китайскую колесницу так же быстро, как и китайскую цивилизацию, покинутую первыми принцами-колонистами в 1200 году до н.э.; но, конечно, эти колесницы предназначались для войны только в Китае, на плоских китайских равнинах; они были совершенно непрактичны в горных странах, за исключением основных маршрутов, и бесполезны (как показывает майор Брюс) в регионах, изрезанных оврагами; даже сейчас никто никогда не видел двухколесного транспортного средства в районе Шанхая-Нинпо. Поэтому всегда следует помнить, что У, несмотря на варварское население, был колонией, созданной предками основателя династии Чжоу, которые добровольно отправились на заработки в джунгли, то есть в туманное неизвестное владение, позже названное Цзу, частью которого были все прибрежные районы, насколько их можно было подчинить. Это дало царям У, хотя и варварам, повод претендовать на равенство и даже старшинство над Цинь, первый чжоуский принц которого был младшим по происхождению по отношению к большинству других вассалов императорского клана-фамилии. В 502 году войска У даже угрожали северному государству Цинь и утвердили в Китае в целом кратковременную власть сродни власти протектора. Цзи вынужден был откупиться, женившись на принцессе крови наследника У - поступок, который два века спустя вызвал отвращение философа Менция. Великий цзиский государственный деятель и писатель Ень-цзы, о котором мы уже не раз упоминали, умер в 500 году, а ранее в том же году Конфуций стал главным советником Лу, которое благодаря искусству Конфуция как дипломата едва не получило протекторат. Именно из-за страха перед этим в том году была предпринята попытка убийства принца Лу, о чем рассказывается в главе IX. Чтобы понять, как У удалось добраться до Лу и Цзи, следует вспомнить, что река Шз, которая до сих пор течет с востока на запад мимо места рождения Конфуция, а сейчас просто питает Большой канал, тогда текла на юго-восток по линии нынешнего канала и впадала в реку Хвай у Сюй-чжоу. Более того, временами между Шз и Желтой рекой существовало лодочное сообщение, хотя точный канал сейчас неизвестен. Следовательно, флотам У не составляло труда плыть на север сначала по морю, а затем вверх по рекам Хвай и Сз. Кроме того, в 485 году король У начал то, что мы сейчас называем Великим каналом, соединив в начале реку Ян-цзы с рекой Хвай, а затем проведя канал за Хвай к государству Сун, которое в то время оспаривало с Лу владение территорией на восточном берегу реки Сз, в то время как Цзу продвигала свои аннексии до западного берега той же реки. Всего между Сз и Хваем было двенадцать мелких ортодоксальных государств. В 482 году всемогущий царь У провел настоящий дурбар в качестве протектора в местечке на территории современной провинции Хо Нань, к северу от Желтой реки, как она протекает сейчас, но в то время на значительном расстоянии к юго-востоку от нее. Это одна из самых знаменитых встреч в истории Китая, отчасти потому, что У успешно утвердил свое политическое превосходство над Цинем; отчасти потому, что Конфуций из стыда

подтасовывает истинные факты (как мы видели, он сделал, когда Цюй аналогичным образом захватил первенство над Цинем); и частично благодаря проницательной дипломатии царя У, который узнал от гонца, что царь Итье идет на его столицу, и перед которым стояла сложная двойная задача - выполнить "блеф" и отступить, не показав слабых рук ни одной из сторон и не потеряв свою армию, оказавшуюся между двумя врагами.

В 473 году, после долгих и отчаянных боев, У был, однако, наконец уничтожен Йие, и это государство было единогласно признано его покровителем, *Vae victis!* Столица Юэ была быстро перенесена из района современного Шао-Хин (к западу от Нинпо) далеко на север, туда, где сейчас находится практически немецкая колония Киао Чоу; но, хотя Ииэ и была очень сильной морской державой, ей так и не удалось установить какое-либо реальное влияние на суше в долине Хвай. Во время своего короткого протектората она решила вопрос с рекой Сз, заставив Сун передать Лу земли на восточном берегу реки Сз.

ГЛАВА XV

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СВЯЗЬ

Какова бы ни была причина отсутствия подробностей о межгосударственных перемещениях до 842 года до н. э., несомненно, что со времени бегства императора на восток в 771 году между государствами в пределах узкой территории, которой, как мы видели, была ограничена федеративная китайская империя, царила максимальная активность. История Конфуция, охватывающая 250-летний период после 722 года, состоит в основном из сообщений о том, что такой-то князь посетил такую-то страну, или вернулся из нее, или заключил с ней договор, или заключил с ней брак. "Общество" в политическом смысле состояло из четырех великих держав, Цинь, Цинь, Цзи и Цу, окружавших чисто китайский анклав; и бесчисленных мелких китайских государств, в основном знатного и древнего рода, всего полдюжины из которых были сколько-нибудь значительными, которые составляли данный анклав и были окружены Цинь, Цинь, Цзи и Цу на западе, севере, востоке и юге. Второстепенные по размерам и военной мощи государства, такие как Лу, Чанг и Вэй, хотя и имели своих ортодоксальных, а в некоторых случаях и варварских подвластных, сами были если не вассалами, то, во всяком случае, находились под преобладающим влиянием одной или другой из четырех великих держав. Так, Лу сначала почти всегда была служанкой Цы, но позже попала под влияние Цинь, Цю и У; Чэн всегда кокетничала между Цинь и Цю, но не из любви к ним, а чтобы защитить свою независимость; и так далее с остальными. Если мы спросим, что в те времена означало действительно маленькое государство, то ответ будет таков: современный обнесенный стеной город с округой в несколько сотен квадратных миль, лежащей вокруг него, был (и обычно остается) эквивалентом древнего княжества; доказательством этого служит тот факт, что одно из литературных обозначений того, что мы сейчас называем "районным магистратом", по-прежнему "городской маркиз". Другим доказательством является то, что в древности "ваш штат" был признанным способом сказать "ваш столичный город", а "мой бедный город" был вежливым способом сказать "наша страна"; оба выражения до сих пор используются в элегантной дипломатической речи.

Учитывая это, а также то, что приезжающий в гости герцог всегда брал с собой "присутствующего министра", неудивительно, что видные китайские государственные деятели из ортодоксальных государств были личными друзьями или, по крайней мере, корреспондентами и знакомыми, которые имели возможность часто сравнивать политические заметки. По сей день в древнем центральном регионе, описанном в первой главе, не существует серьезных диалектных различий, и нет никаких оснований полагать, что государственные деятели и ученые, которые так часто встречались в конклаве, испытывали

какие-либо трудности в том, чтобы быть понятыми друг другом. Диалекты", о которых мы так много слышим в наше время (которые, тем не менее, все являются чисто китайскими, за исключением различия в слогах, так же как "sœur", "suore" и "corazon", "coração" отличаются от "cor"), все принадлежат южным побережьям, которые были практически неизвестны императорскому Китаю во времена Конфуция. Китайское слово, которое мы переводим как "мандарин", также означает "общественный" или "общий", а "мандаринский диалект" на самом деле означает "текущую" или "общую речь", такую, на которой говорят и говорили без серьезных изменений по всему анклаву; а также в тех частях Цинь, Цинь, Цай и Цу, которые непосредственно граничат с анклавом, в силу их близости. Наконец, Шен Си, Шан Си, Шан Тунг и Ху Кванг в официальной переписке высокого класса по-прежнему называются Цин, Цинь, Цай и Цу; то же самое касается и всех других географических названий. Китай никогда не терял связи с древностью.

Почти для каждой вещи есть записи: единственная трудность - отделить в массе перепутанных *данных* то, что имеет отношение к делу, от того, что к нему не относится.

Необходимо учитывать и другой момент. Хотя у китайцев никогда не было кастовой системы в индуистском смысле, есть, как мы уже говорили, все основания полагать, что правящие и образованные классы почти все были дворянами, в том смысле, что все они были потомками по линии или по ветви, будь то через жену первого класса или через наложницу, либо правящей династической семьи, либо какой-то предыдущей императорской династической семьи. Одни семьи по обычаю предназначались для наследственных министров, другие - для наследственных посланников, третьи - для наследственных солдат; не по строгому правилу, конечно, но потому, что древняя социальная идея благоприятствовала передаче должности, или земли, или торговли, или ремесла от отца к сыну. Это, действительно, было частью экономической философии прославленного Кван-цзы. Так поколение за поколением государственные деятели и ученые поддерживали устойчивую связь друг с другом, точно так же как наши современные ученые первого ранга, каждый из которых является звеном, образуют непрерывную интимную цепь от Ньютона до лорда Кельвина, за пределами которой простой обыватель оказывается сравнительно незнаком с *арканами* внутри.

Кван-цзы, государственный деятель-философ Цзы и в некотором смысле основатель китайской экономической науки, сам был отпрыском императорского клана Чоу; каждый писатель по политической экономии после 643 года до н. э. цитирует его труды, точно так же как каждый европейский философский писатель цитирует Бэкона. Целая плеяда блестящих государственных деятелей и писателей через столетие после Кван-цзы пролила свет на эпоху Конфуция (550-480), и почти все они были личными друзьями либо Конфуция, либо друг друга, либо обоих. Так, Цз-Ч'ан из Чханна, старший после Конфуция, но любимый и восхищаемый им, был сыном царствующего герцога и принцем герцогской семьи Чханна, которая опять же происходила от сына императора, бежавшего в 842 году до н.э.

Если бы Цз-чань писал труды по философии и политике, возможно, он стал бы величайшим человеком Китая вместо Конфуция; ведь он, как и Конфуций, который, вероятно, многое у него скопировал, основывал свои идеи правления исключительно на "подобающем поведении" или "естественных приличиях"; кроме того, он был великим юристом, полностью свободным от суеверий и лицемерия; добрым, справедливым и внимательным правителем; искусным дипломатом; смелым, оригинальным государственным деятелем, экономистом и администратором. Анекдоты и высказывания о Цз-чане столь же многочисленны и практичны, как и рассказы о Юлии Цезаре или Марке Аврелии.

Другим великим столпом государства, которого восхвалял Конфуций, был Шу Хян из Цинь, чья репутация как своего рода китайского Цицерона не намного ниже, чем у Цз-чжана. Он принадлежал к одной из великих частных семей Цинь, о которых в Цзу говорили, что "любой из них может вывести в поле 100 боевых колесниц". Ничто не может быть более интересным, чем интервью и письма (см. Приложение № 1) между этими двумя друзьями и их коллегами из Цинь, Цзу, Лу и Сун.

Ень-цзы из Цзи почти вровень с Кван-цзы как администратор, философ, экономист, автор и государственный деятель. О нем хорошо отзывается и Конфуций, хотя мнение самого Ень-цза о заслугах Конфуция было отнюдь не столь высоким. Этим двум людям приходилось "спарринговать" друг с другом за спиной своих правителей, как это делали Бисмарк и Горчаков. Беседа Ен-цза с Шу Хяном, когда они обсуждают пороки своих князей, почти так же забавна, как сцена "скороговорки" в пантомиме, своего рода бай-плей, который происходит во время опускания занавеса для подготовки к следующему официальному акту (см. Приложение № 2).

[Иллюстрация: К'унг Линг-и, наследственный *Ен-шенг Кунг*, или "Распространяющий святость герцог"; 76-й по происхождению от К'унг К'иу, он же К'унг Чунг-ни, изначальный философ, 551-479 гг. до н.э.

Этот портрет был подарен "священнику П'энгу" (отцу Тшепе, С.Ж.) по случаю его визита прошлой осенью (7-я луна, 33-й год)].

Сам Конфуций происходил по прямой линии из герцогского рода Сун; но Сун, как и другие государства, был проклят недугом "большой семьи", и один из его предков, вызвав враждебность вельможи, погиб в дворцовой интриге, в результате чего семья Конфуция, отчаявшись в справедливости, переселилась в Лу. Когда мы читаем об обширных странствиях Конфуция (о которых более подробно рассказывается в одной из последующих глав), дело приобретает совсем иной оттенок, чем принято считать, особенно если вспомнить, какую ограниченную территорию он в действительности охватил. Он никогда не доходил до Цинь, хотя часть Цинь касалась границы Лу, и сомнительно, что он когда-либо был в 300 милях от своего дома в Лу; правда, он посетил окраину Цу, но следует помнить, что место, которое он посетил, находилось только в современной провинции Хо Нан и было одним из недавних завоеваний Цу, относящимся к системе реки Хвай. Как мы уже объясняли в прошлой главе, политика Цю была направлена на развитие на восток до реки Сз, то есть до современного Большого канала. Очевидно, что Конфуций не был простым педантом; мы видели, как в 500 году, когда он впервые обрел высокую политическую власть, он проявил выдающиеся стратегические и дипломатические способности, разгромив коварные планы правителя Цы, который стремился захватить территорию Лу и страшно боялся, что Лу через благосклонность У получит гегемонию или протекторат. Он даже умел юморить: когда варварский царь У потребовал "красивую шляпу", Конфуций презрительно заметил, что роскошь отделки шляпы привлекает этого невежественного монарха больше, чем эмблема ранга, отличающая одну шляпу от другой.

В Сун был один выдающийся государственный деятель - Хян Сух, чья слава связана со своего рода Гаагской конференцией по разоружению или миру, которую он успешно организовал в 546 году до н. э. (см. Приложение № 3). В 558 году он был послан с брачной миссией в Лу. Ки-ча из У, умерший в зрелом возрасте 90 лет, имел полное право быть царем этой страны, но он неоднократно отказывался от своих притязаний в пользу братьев. К'у-пех-юх из Вэй упоминается в "Книге обрядов" и во многих других произведениях. У него Конфуций останавливался в двух случаях длительного пребывания в Вэй: это тот человек, который

упоминается в главе XII и который высказал свое авторитетное "ритуальное" мнение о предателях. Похоже, что Цинь так и не произвел на свет литературного государственного деятеля на своей собственной почве. В течение этого 500-летнего периода изолированного развития, а также в более поздний период завоевания в III веке до н. э. все ее государственные деятели были заимствованы из Цинь или из какого-либо ортодоксального государства собственно Китая; в военном гении, однако, Цинь не было равных, и ее огромным *баталиям* будет посвящена отдельная глава. Литературная репутация Цинь была высока уже в сравнительно ранний период, и даже сейчас "Элегии Цинь" включают в себя некоторые из лучших китайских стихов и *колокольных строк*; но во времена Конфуция ни один человек из Цинь, за исключением, возможно, Лао-цзы, не имел никакой репутации вообще; а Лао-цзы, будучи простым хранителем архива, не наделенным никакими влиятельными должностями, естественно, не имел возможности выйти из стадии куколки. Более того, императорская династия, которой служил Лао-цзы, вообще не имела никакого политического влияния: как иронично говорили в то время, "лучшие гражданские - цари, но все они служат другим государствам" (имеется в виду, что правление царей было слишком капризным, чтобы привлечь таланты). Поэтому, помимо того, что Конфуций сомневался в мудрости новаторской философии Лао-цзы, у Конфуция не было повода упоминать уединенного, самодостаточного старика в своей политической истории, или, скорее, в лысой летописи царских перемещений.

ГЛАВА XVI

ЗЕМЛЯ И ЛЮДИ

Что за люди были в Китае, от которых тогда, как и сейчас, зависела поддержка правящих классов? В 594 году до н. э. образцовое государство Лу впервые ввело налог в размере десяти процентов на каждый китайский "акр" земли, составляющий примерно одну шестую часть английского акра: поскольку налог составлял одну десятую, неважно, какого размера был акр. Каждый земледелец по старой системе имел надел в 100 акров для себя, своих родителей, жены и детей; в центре этого надела было 10 акров "общественной земли", продукция которой, будучи результатом его труда, поступала государству; больше никаких налогов не взималось. Миля", составляющая примерно треть английской мили и, следовательно, девятую часть английской квадратной мили, равнялась 300 сажням (если считать сажень приблизительно), а ее площадь составляла 900 "акров", из которых 80 были общественными, а 820 оставались для восьми семей, владевших этим "колодезным полем", названным так потому, что идеограмма "колодца" представляет собой девять квадратов: четырехсторонний квадрат в центре, четыре трехсторонних квадрата, примыкающих к нему, и четыре двухсторонних квадрата по углам; то есть по 100 "акров" на каждого. То есть 100 "акров" каждый, плюс по 2-1/2 "акра" на "усадьбу и лук"; или всего 20 таких квадратов. Девять земледельцев в одном "колодце", умноженные на четыре, составляли волость, а четыре волости - "кирасу" из 144 вооруженных воинов; но это было по измененной системе, введенной четыре года спустя (590). Следует заметить, что арифметика кажется запутанной, если не ошибаюсь, но это не сильно влияет на подлинность картины и может быть проигнорировано как простая деталь.

Древние классифицировали людей на четыре группы. Ученые люди занимались изучением *дао* и наук, из чего ясно видно, что учение о *дао*, или "пути", существовало задолго до того, как Лао-цзы во времена Конфуция дополнил его мистической космогонией и сделал из него социалистическую или радикальную, а не империалистическую или консервативную доктрину. Вторым классом были торговые люди, которые торговали "продуктами из четырех кварталов"; есть свидетельства, что это означало главным образом скот, зерно, шелк,

лошадей, кожу и драгоценные камни. Третий класс составляли земледельцы, и в те времена чай и хлопок, наряду с другими важными продуктами современности, были совершенно неизвестны. Четвертый класс состоял из ремесленников, которые, естественно, делали все, что могли продать или умели делать.

Еще одна классификация людей - следующая, которую дал царю Цу мудрец-советник, предположительно заимствованная из ортодоксального Китая. Он разделил людей на десять классов, каждый из которых должен подчиняться вышестоящему, а высший - только богам или духам. Во-первых, император; во-вторых, "внутренние" герцоги, или гранды поместий в пределах императорского домена: эти гранды были собственно герцогами, а не герцогами по посмертной любезности, как вассальные принцы после смерти, и император посылал их на службу, когда требовалось, в вассальные государства; фактически они были подобны "князьям церкви" или кардиналам, которые окружают папу. В-третьих, "маркизы", то есть полунезависимые вассальные государства, неважно, герцог, маркиз, граф, виконт или барон; этот термин, похоже, также включает правящих лордов очень маленьких государств, которые не имели даже ранга барона и обычно были присоединены к более крупному государству в качестве клиентов, под протекторатом; фактически, признанный стереотипный способ сказать "вассальные правители" - это "маркизы". Затем шли те, кого мы должны назвать "средним классом", или буржуазией, за которыми следовали ремесленники и земледельцы: следует заметить, что ремесленники здесь занимают место выше земледельцев, что не соответствует ни очень древней, ни очень современной практике; это, действительно, ставит земледельцев выше и торговцев, и ремесленников. И наконец, полиция, носильщики тяжестей, евнухи и рабы. Под "полицией" подразумеваются прикрепленные к государственным учреждениям бегуны, чья работа слишком часто связана с "выдавливанием" и устрашением, пытками, поркой и т. д. По сей день полицейские, цирюльники и рабы должны пройти три поколения очищения, или изживания, прежде чем их потомки смогут участвовать в государственных экзаменах; или, выражаясь официальным языком, их "три поколения" должны быть "чистыми"; по крайней мере, так было до тех пор, пока несколько лет назад старая конфуцианская система экзаменов не была отменена в качестве теста для определения официальных способностей. О евнухах мы еще расскажем в ближайшее время; но о частных рабах, которые, вероятно, тогда, как и сейчас, были неотличимы от обычных людей и к которым относились доброжелательно, слышно очень мало. Бессердечная греческая и еще более жестокая римская системы, не говоря уже о бесконечно более трусливых и шокирующих африканских злоупотреблениях рабством в Европе XVIII века и Америке XIX века, никогда не были известны в Китае: там никогда не слышали о таком явлении, как восстание рабов.

В 548 году царство Ц'у приказало провести кадастровый учет, а также общую инвентаризацию оружия, колесниц и лошадей. Были сделаны записи о площади и стоимости земли в каждом приходе, о протяженности гор и лесов, а также о ресурсах, которые они могут дать. Также отмечались озера и болота, пригодные для спорта, и запрещалось их засыпать. Отмечались холмы и курганы, которые можно было использовать для могил, - деталь, показывающая, что современные могилы в Китае мало чем отличаются от древних; в самом деле, в Кантоне "мой холм" или "гора" - синоним "моего кладбища". Чтобы установить справедливые налоги, учитывались солончаки, непродуктивные земли и участки, подверженные периодическому затоплению. Территории, спасенные от воды, были защищены дамбами и разделены на участки по наклонным берегам, но без введения жесткой системы девяти квадратов. Хорошие земли, однако, делились по методу, введенному династией Чжоу; то есть шесть футов составляли "сажень", 100 саженьей - "акр", 100 "акров" - надел одной семьи; эти английские термины, конечно, верны лишь

приблизительно. Девять семей по-прежнему образовывали хутор или "колодец", и они вместе обрабатывали 1000 "акров", центральная сотня шла на уплату пошлин. Были точно установлены прямые и косвенные налоги, а также количество военных колесниц, которые должен был предоставить каждый приход; количество лошадей, их стоимость, возраст и цвет; количество панцирных и пеших воинов с указанием их кирасы и щитов. Что касается классификации лошадей по цвету, то можно упомянуть, что татары во втором веке до нашей эры имели привычку снаряжать целые полки кавалерии на лошадях одного цвета, и, следовательно, возможно, что эта практика была имитирована в Южном Китае; но сама Ц'у ни разу не вступала в войну с татарами, во всяком случае, с татарами, кроме татар, привезенных в китайские поселения.

Задолго до этого философ-государственник Кван-цзы из Цзи настолько развил сельское хозяйство, рыболовство, торговлю и соляную габель, а также так управлял страной, что его государство, до этого имевшее незначительное значение, вскоре вышло на первое место среди китайских держав по богатству и военному влиянию. По его классификации народ делился на ученых, ремесленников, торговцев и земледельцев. Ему же приписывают введение "вавилонской женщины" в метрополии Цзи, чтобы торговцы, продавая там свои товары, могли оставлять как можно больше своих денег в домах удовольствий. Существует множество рассказов о роскоши этого густонаселенного города, где "каждая женщина имела одну длинную и одну короткую иглу", а налоги, взимаемые с валюты, рыбы и соли, шли на помощь бедным и (!) на поощрение добродетели. Кван-цзы также содержал постоянную армию, или, возможно, ополчение, численностью 30 000 человек; но он старался так распорядиться своими силами, чтобы Цы не было видимости доминирования; его целью было, чтобы она держала свою власть в резерве и использовала ее только косвенно: как мы видели, его господин был, благодаря умелому управлению Кван-цзы, возведен в высокий ранг первого из Пяти покровителей.

Из этого видно, что еще до времен Конфуция в Китае велась активная торговая деятельность: существовала целая вереница ярмарок или рыночных городов, простиравшихся от императорского заповедника на восток вдоль Желтой реки до Чохтоу (так до сих пор называется город к югу от Пекина), который в то время был самым северным из них: очевидно, каждое значительное государство имело одну из таких ярмарок. В верховьях реки Хвай находилась большая ярмарка (сейчас она называется Йи-Чоу), принадлежавшая государству Чэн. Как и наши собственные истории, китайские летописи состоят в основном из записей о деяниях царей и вельмож, а о народе упоминается лишь изредка, да и то только в связи с политикой его лидеров.

Как только второй из Протекторов, маркиз Цинь, был посажен на свой родовой трон (637 г.), его первым делом стало снижение пошлин и повышение безопасности дорог, облегчение торговли и поощрение сельского хозяйства. А также "подружиться с одиннадцатью великими семьями" (уже дважды упоминавшимися на предыдущих страницах), развитие которых, однако, со временем привело к распаду этой княжеской власти и ее разделению между тремя "великими семьями". Спустя столетие после этого один из министров государства Цу очень высоко оценил эффективность цинской администрации. "Простой народ предан сельскому хозяйству; купцы, ремесленники и служащие - все послушны". Для перевозки зерна между столицами Цин и Цинь требовались как повозки, так и лодки, из чего следует предположить, что существовали практически пригодные дороги для двухколесного транспорта. В 546 году, когда на мирной конференции Цины сделали несколько важных резервов, из Сунга в столицу Цинь был отправлен гонец, чтобы передать царское

благоволение: это означает сухопутное путешествие от истоков Хвай до современного договорного порта Ша-шр над Ханькоу.

Можно добавить, что за пять веков до появления Кван-цзы основатель государства Цзи, будучи вассалом новой династии Чжоу, уже отличился тем, что поощрял торговлю, мануфактуры, рыболовство и производство соли; так что Кван-цзы был скорее усовершенствователем, чем изобретателем.

Таким образом, мы видим, что с самых ранних времен Китай отнюдь не был сонной страной невежественных земледельцев, а был местом, полным разнообразной деятельности; и что его местные правители, по крайней мере с того времени, когда патриархальная власть императоров ослабла в 771 году, часто были людьми весьма проницательными, вполне осознающими необходимость развития своих ресурсов и поощрения своего народа: это помогает нам понять их беспокойство под игом "ритуала".

ГЛАВА XVII

ОБРАЗОВАНИЕ И ЛИТЕРАТУРА

О письменности и образовании в древности упоминается крайне мало, и, скорее всего, письменные записи поначалу ограничивались литьем или гравировкой на металле и резьбой по камню. В те времена, когда письменные знаки были громоздкими, их использование в повседневных бытовых целях не вызывало особого желания. Поразительный факт: письмена на мягкой глине, после обжига, не только не существовали в Китае, но и никогда не упоминались и не рассматривались как возможные. Этот факт фактически опровергает утверждение о том, что персидская и вавилонская литературная цивилизация попала в Китай, поскольку неразумно предполагать, что изобретение, так хорошо подходящее для глинистой почвы (лессовой грязи с цементирующими свойствами), в которой жили китайские принцы, могло быть проигнорировано ими, если бы они вообще получили хоть малейшее представление о нем.

В 770 году до н. э., когда император, перенеся свою столицу на восток, уступил Циню свои исконные земли на западе при условии, что Цинь навсегда отвоюет их у татар, документ об уступке был выгравирован на металлической вазе. За пятнадцать сотен лет до этого на девяти треножниках основателя династии Хиа, представлявших собой подношения металла, принесенные императору отдаленными племенами, были выгравированы записи о различных производствах Китая: эти треножники с тех пор считались атрибутом императорской власти; и даже Цю, когда он начал полагаться на слабость императора Чжоу, выдвинул претензию (вероятно, основанную на древнем китайском происхождении его предков, как объясняется в главе IV.) на обладание ими.

Распределяя вотчины между родственниками и друзьями, первые императоры династии Чжоу "составляли приказы", дающие права их новым вассалам; но не сообщается, в какой письменной форме эти приказы были составлены. Упоминаются письменные молитвы о восстановлении здоровья первого императора, но и здесь нам неизвестно, на каком материале были написаны молитвы прецентором. Четыреста лет спустя, в 65 году, когда Цинь помог занять трон своему соседу, маркизу Цинь, последний дал письменное обещание Цинь, что уступит ей всю территорию, лежащую к западу от Желтой реки. Следующий правитель Цинь, знаменитый странник, ставший впоследствии вторым Протектором, как утверждается, имел советника, который научил его читать; добавляется, что тот же маркиз также

советовался с этим советником о подходящем учителе для своего сына и наследника. Примерно в то же время один из друзей маркиза, возражая против вступления в должность, обратился в бегство: его друзья в знак протеста вывесили на воротах дворца "письмена". В 584 г. беженец из Цинь отправляет письмо главному генералу Цинь, угрожая стать занозой в его боку. Предполагается, что во всех этих случаях письмо было написано на дереве. Текст объявления Цинь войны против Цу в 313 году до н. э., когда эти две державы перестали быть союзниками и соперничали за империю, ссылается на соглашение, заключенное тремя веками ранее между царем Цу и графом Цинь; это объявление было высечено на нескольких каменных табличках; но не известно, на каком материале было высечено более древнее соглашение. В 538 году на дурбаре, устроенном Цу, Хян Су, ученый человек из Сун, который уже упоминался в главе XV. как изобретатель мирных конференций в 546 году и как один из друзей Конфуция, заметил: "Все, что я знаю о дипломатических формах, которые следует соблюдать, я почерпнул только из книг". Несколько лет спустя, когда население одного из небольших ортодоксальных китайских государств было перемещено Цю в другой район для политического удобства, им было разрешено взять с собой "свои карты, кадастровый план и записи переписи населения".

В "*Квох Юй*", вспомогательной истории этих времен, но затрагивающей больше личные вопросы, которую обычно считают написанной тем же человеком, который впервые расширил анналы Конфуция, есть интересное сообщение о том, что в 489 году до н.э. (когда Конфуций бродил по стране, разочарованный и отвращенный) царь У нанес сокрушительное поражение Цзи в местечке недалеко от границы Лу. (когда Конфуций бродил в своих странствиях, разочарованный и отвращенный) царь У нанес сокрушительное поражение Цзи в местечке неподалеку от границы с Лу и захватил "национальные книги, 800 кожаных колесниц и 3000 кирас и щитов". Если этот перевод абсолютно точен, то он интересен тем, что показывает, что у Цы действительно была *Квох-шу*, или "государственная библиотека", или архивы. Но, к сожалению, в двух других историях упоминается пленение цзиского генерала по имени Квох Хиа, *он же* Квох Хвей-цз, так что возникает сомнение, что при транскрибировании древних текстов один символ (*shu*) не был заменен на другой (*hia*). Через два года варварский царь, о котором идет речь, вошел в Лу и заключил с этим государством договор на равных условиях.

Вскоре после этой даты китайский советник, который привел к завоеванию У столь же варварским племенем Ии, имел случай отправить "закрытое письмо" человеку, жившему в Цзу. Когда мы переходим к более поздним временам, после смерти Конфуция, мы видим, что о письменных сообщениях говорят все чаще. Так, в 313 году Ц'и, разгневанная предполагаемой неверностью Ц'у, "разломила надвое таль Ц'у" и прикрепила к Ц'ину вместо него. Это может относиться только к деревянному "договору", копию которого сохранила каждая сторона, прилаживая "собачьи зубы", как до сих пор говорят китайцы, вплотную друг к другу. Несколько лет спустя мы находим письма от Ц'и к Ц'у, содержащие заманчивый проект совместного нападения на Ц'ин; а также письмо от Ц'ин к Ц'у, в котором говорится о побеге заложника и причине войны. В 227 году, когда Цин быстро завоевывал всю империю, самое северное государство Ен (Пекинская равнина), опасаясь аннексии, задумало убить царя Цин и, чтобы дать убийце правдоподобное основание получить допуск к тирану, послало карту Ена, чтобы честолубивому завоевателю, который попадет в ловушку, были объяснены дороги, доступные для войск. Ему едва удалось спастись.

Все это вместе взятое позволяет сделать однозначный вывод о том, что такие государства, как Цин, Цинь, Цай, Йен и Цу (ни одно из которых не принадлежало, насколько это касалось основной массы их населения, к чисто китайской группе, сосредоточенной на ограниченной

территории, описанной в первой главе), могли свободно общаться друг с другом с помощью писем: *á fortiori*, следовательно, ортодоксальные государства, чью цивилизацию они все заимствовали или разделяли, должны были иметь возможность общаться с ними и друг с другом. Кроме того, существует вопрос о бесчисленных договорах, заключенных на дурбарах и, очевидно, одинаково разборчивых для всех дюжин или около того представителей, присутствовавших на них; и о письменных молитвах, которые, как уже говорилось, вероятно, возносились богам во время большинства жертвоприношений. Договорам будет посвящена отдельная глава.

В 523 году происходит следующий отрывок, или, скорее, он встречается в одной из расширенных конфуцианских историй, имеющих ретроспективную ссылку на вопросы 523 года до н.э.: "Отец виноват, если при связывании волос (в восемь лет) мальчики не идут к учителю, хотя мать может быть виновата, если до этого возраста. С:- "Отец виноват, если при связывании волос (в восемь лет) мальчики не идут к учителю, хотя мать может быть виновата, если до этого возраста они не избежали опасностей огня и воды: они сами виноваты, если, пойдя к учителю, не добились успехов: это вина их друзей, если они делают успехи, но не получают за это известности: это вина руководителя, если они получают известность, но не получают рекомендации на должность: это вина князя, если их рекомендуют на должность, но не назначают." Здесь мы имеем, по сути, зародыш системы экзаменов в том виде, в каком она существовала год или два назад, вместе с умозаключением о том, что образование предназначалось только для правящих классов.

Примечательно, что изобретение иероглифа "большая печать" в 827 году до н. э. практически совпадает с первыми признаками имперского упадка; это лишь еще одно доказательство в пользу того, что просвещение и патриархальное правление не могли комфортно существовать вместе. Когда 600 лет спустя Цинь завоевал весь современный Китай, унифицировал вес и меры, ширину осей, письменность и устранил другие нарушения, которые до сих пор преобладали в соперничающих государствах, очевидно, что потребность в более понятной письменности была столь же насущной, как и потребность в дорогах, пригодных для всех повозок, и мерах, с помощью которых эти повозки могли бы доставлять в столицу определенное количество металла и зерновой дани. Поэтому премьер-министр императора Первого Августа сразу же приступил к работе над изобретением иероглифа "меньшая печать", которым (уже в 200 г. н.э.) был написан первый китайский словарь; эта "меньшая печать" все еще достаточно хорошо читается после небольшой практики, но для повседневного использования она давно уже не подходит и устарела. Если мы подумаем, как трудно нам расшифровывать старые грамоты и письменные письма английских королей, мы тем более можем представить, как даже небольшое изменение формы "букв" или штрихов сделает невозможным легкое чтение китайского языка. Ошибочно полагать, что китайцам приходится кропотливо "прокладывать свой путь" через столь знакомую им письменность: китайскую газету так же легко "пролистать" за несколько минут, как и "вникнуть" в передовицы *"Таймс"* за то же ограниченное время; а тома китайской истории или литературы в целом можно "проглотить" довольно легко, благодаря тому, что так называемые пиктограммы, став знакомыми, легко поддаются "проматыванию".

Бамбуковые книги, раскопанные в 281 г. н. э., копии классиков, спрятанные в стенах дома Конфуция, копия философского труда Лао-цзы, которая, как было установлено, находилась во владении китайской императрицы в 150 г. до н. э., - все это было написано "большой печатью", и кропотливая работа китайских специалистов была необходима уже в начале христианской эры, чтобы свести древние иероглифы к более современным формам. С тех пор письменный иероглиф был значительно уточнен и упрощен, и выражать чувства в

письменном китайском языке так же легко, как и в любом другом; но, конечно, когда вводятся совершенно новые идеи, необходимо изобретать совершенно новые иероглифы; и изобретения, как отдельных иероглифов, так и выражений, продолжаются и сейчас.

ГЛАВА XVIII

ДОГОВОРЫ И КЛЯТВЫ

Договоры всегда были очень торжественными мероприятиями, неизменно сопровождавшимися принесением жертвы. Часть жертвы или ее кровь бросали в ров, чтобы Дух Земли мог засвидетельствовать содеянное; остальной кровью мазали губы заинтересованных сторон, а также разбрасывали по документам в качестве проклятий; иногда, однако, проклятия, вместо того чтобы произноситься, специально писались в конце договора. Как мы сейчас говорим "чернила едва успели высохнуть, как и т.д. и т.п.", так и китайцы говорили "кровь жертвы едва успела высохнуть на их губах, как и т.д. и т.п.". Когда варварскому царю У удалось на короткое время "одурманить" федеральных китайских князей, между Цинем и У возник спор (о чем рассказывается в главе XIV.) о том, кто из них должен первым натереть губы кровью, то есть иметь преимущество. В 541 году до н. э., за шестьдесят лет до этого события, Цинь и У договорились отказаться от церемонии смазывания губ кровью, выбрать общую жертву и возложить на нее текст договора после торжественного прочтения его содержания. Это изменение, очевидно, было сделано в связи с разногласиями между Цинь и Ц'у на мирной конференции 546 года, когда возник спор (стр. 47) о том, кто должен первым мазать губы. Это был тот случай, когда знаменитый цинский государственный деятель Шу Хян перед лицом семнадцати представителей государств, все присутствовавших на конференции, имел смелость игнорировать вероломство Цы, скрывавшего кирасы под одеждой солдат. Он сказал: "Цинь удерживает свое первенствующее положение Протектора благодаря своим врожденным хорошим качествам, которые всегда обеспечат ей приверженность других государств; почему нас должно волновать, если Цю первой оклеветает ее или если она нанесет себе вред, будучи уличенной в предательстве?" Уже говорилось о том, что Конфуций проясняет или фальсифицирует оба вышеупомянутых случая, отдавая победу в каждом из них Цину. Хотя эти мелкие исторические пакости со стороны святого человека даже ортодоксальные критики считают предосудительными, следует помнить, что в те деспотические времена писать историю вообще было очень рискованно: даже в сравнительно демократические времена (100 г. до н.э.), "отец китайской истории" был кастрирован за критику правящего императора во время издания своего великого труда; а в пятом веке нашей эры почти столь же великий историк был предан смерти "вместе со своими тремя поколениями" за составление "правдивой истории" татар, правивших тогда в качестве императоров Северного Китая; т.е. Более того, иностранцы, которые заикливаются на этих незначительных специфических и признанных расхождениях, чтобы дискредитировать общую истину всей китайской истории, должны помнить, что китайские критики с самого начала всегда, даже когда они были явно предвзяты, тщательно разоблачали ошибки; Сами по себе расхождения, действительно, имеют тенденцию доказывать существенную истинность записанных событий; и тот факт, что признанные ошибочными тексты все еще остаются неизменными, доказывает благоговейную заботу китайцев как нации о сохранении своих дефектных летописей, со всеми недостатками, в их первоначальном состоянии.

На этой договорной конференции 546 года до н. э., состоявшейся в сунской столице, один только хозяин не имел права голоса, будучи выше всех (как хозяин); и, кроме того, из уважения к его независимости, договор должен был быть подписан за его воротами: существование императора полностью игнорировалось.

За поколение до этого (579 г.) за стенами Сунга был подписан еще один важный договор между двумя великими соперниками, Цинь и Цю. Статьи предусматривали общность интересов в случае успеха или неудачи; взаимопомощь во всем, особенно в войне; свободное пользование дорогами до тех пор, пока отношения остаются мирными; совместные действия перед лицом угрозы со стороны других держав; наказание тех, кто пренебрегает явкой в суд. Проклятие гласило: "Тот, кто нарушит это, пусть разойдется по войскам и потеряет царство; кроме того, пусть духи накажут его". Хотя обе ортодоксальные державы заявляли о своем стремлении "защитить" императорский трон, однако, учитывая, что император был тихо отложен в сторону во всех этих конвенциях, ссылка на "придворный долг", вероятно, относится к обязанности Чэна и других малых ортодоксальных государств оказывать почтение Цину или Цю (в зависимости от обстоятельств), как было установлено в этом и предыдущих договорах. Действительно, на мирной конференции 546 года между двумя месными владыками было достигнуто соглашение о том, что вассалы Цю должны оказывать почтение Цину, и *наоборот*. Но во время переговоров один из ревностных представителей Цинь предложил привлечь к переговорам и неофициальных союзников главных договаривающихся держав: "Если Цин нанесет нам визит, я постараюсь убедить Цы посетить Тсу". Эти две державы имели *энтитеты*, Ц'и с Цином и Ц'у с Ц'ином, но не признавали ничьей гегемонии над собой. Именно этот сюрприз, обрушившийся на делегатов Ц'у, и стал причиной того, что к царю был отправлен срочный гонец, о чем рассказывается в конце главы XVI. Царь Цю прислал послание: "Пусть Цин и Ци останутся одни, остальные пусть посетят наши столицы". Соответственно, было решено, что Цин и Цю должны быть протекторами, но ни Цин, ни Ци не должны признавать свой статус до такой степени, чтобы подчиняться совместным гегемонам. Это было первое появление Ц'у в качестве действующего гегемона, но ее официальный *дебют* в одиночку состоялся только в 538 году. Ц'и и Ц'ин в принципе одобрили условия мира, но Ц'ин не прислал своего представителя, в то время как Ц'и - двух. Очень примечательно, что Сз-ма Цьен (великий историк 100 г. до н. э., который был кастрирован) не упоминает об этой важной встрече в своем великом труде ни под заголовком Ц'и, ни под заголовком Цин, ни под заголовками Сун и Ц'у. Однако, судя по всему, она действительно имела хорошие последствия для нескольких поколений; но за ней стояло нечто такое, что показывает, что любовь к человечеству не была главным мотивом главных участников. Два годами позже философский брат короля У отправился в поход по китайским князьям, и очевидно, что Цинь желал мира с Северным Китаем, пока она боролась с этим новым грозным врагом на побережье. С другой стороны, у Цинь были проблемы с "шестью великими семьями" (оставшимися в живых из "одиннадцати великих семей", которых примирил Второй протектор), которые постепенно подрывали княжескую власть в Цинь в угоду своему собственному возвышению. В 572 году до н.э, когда законный правитель Циня, смещенный незаконными преемниками, был возвращен от императорского двора, куда он отправился за спокойным убежищем, он составил договор об условиях со своими собственными министрами и в качестве санкции заложил курицу; Эта идея до сих пор иногда сохраняется в британских судах, где китайцы, вероятно, сами того не зная, ссылаются на древнюю историю, когда суд спрашивает их, как они привыкли заверять клятву; петухов также часто возят с собой современные китайские лодочники для жертвоприношения. В 504 году, после того как У захватил столицу Цю, одно из мелких ортодоксальных китайских государств, захваченное Цю - первое, которое было захвачено варварами в 684 году, но оставленное Цю внутренне независимым, - отказалось оказывать У какую-либо помощь, если не докажет свою способность надолго удерживать завоеванную территорию Цю. Царь Цзу был так благодарен за это, что взял немного крови из груди своего сводного брата и на месте заключил договор с вассальным князем. В 662 году правитель Лу, даже давая любовный обет, порезал себе руку и обменялся каплями крови со своей

возлюбленной. В 481 году жители Вэй (небольшого ортодоксального государства на среднем течении Желтой реки между Цинь и Лу) заставили одного из своих политиков поклясться в верности желаемому преемнику под страхом жертвенной свиньи.

Великий Кван-цзы настаивал на том, чтобы его принц выполнил договор, который был вырван в трудную минуту; но, как правило, самые беспринципные принципы были заложены даже самим Конфуцием, когда он находился в состоянии личного стресса: "Договоры, полученные силой, не имеют никакой ценности, поскольку духи не могли тогда действительно присутствовать". В 589 году Цю вторгся в только что упомянутое государство Вэй и угрожал соседнему государству Лу, требуя выполнения договора. Конфуций, который сам однажды нарушил договор, естественно, задним числом считает этот герцогский договор недействительным, и он даже заходит так далеко, что не упоминает в своих анналах некоторых важных персон, которые присутствовали при этом; особенно он "заругает" двух китайских владетельных князей, которые были достаточно бесстыдны, чтобы ехать на одной колеснице с царем Цю, под властью которого они находились, и который поэтому сам был в состоянии некоего стресса. В 482 году один из учеников Конфуция дал следующий казуистический ответ правительству У на их просьбу о продлении договора с ней: "Только верность придает договорам прочность; они определяются по взаимному согласию, и именно с жертвоприношениями они возлагаются на наших предков; письменные слова придают им выражение, а духи гарантируют их. Однажды заключенный договор не может быть изменен: иначе было бы напрасно заключать новый. Помните пословицу: "Что больше нуждается в разогреве, то с тем же успехом можно есть холодным". Обычная грубая и готовая форма клятвы или обета между людьми заключалась в следующем: "Если я нарушу это, пусть я буду как эта река"; или: "Пусть бог реки будет свидетелем". Существовало множество других подобных форм, и часто было принято бросать в реку что-нибудь ценное в качестве символа.

ГЛАВА XIX

КОНФУЦИЙ И ЛИТЕРАТУРА

Давайте вернемся на минуту к истории развития Китая. Конфуций родился осенью 551 года до нашей эры, а умер в 479 году. Если мы рассмотрим состояние империи в течение этих семидесяти лет, то сможем лучше понять тайну его учения и его влияние в последующие времена. Когда он был мальчиком семи или восьми лет, присутствие в Лу Ки-ча, ученого и добродетельного брата варварского короля У, должно быть, широко раскрыло его глаза на зловещий подъем демократического и смешанного Китая. Лу, как и Цинь, начинал страдать от чумы "могущественной семьи"; иными словами, в Китае повторялась история короля Иоанна и его баронов. На мирной конференции Цинь и Цю уладили давнюю вражду; в течение следующих двадцати лет Цинь наносил один удар за другим покорному правителю Лу, которого всегда поворачивали назад у Желтой реки, когда он отправлялся на запад, чтобы засвидетельствовать свое почтение. Лу, с другой стороны, отказался присутствовать на дурбаре Цзу в 538 году, который был проведен только Цзу после получения одобрения Цинь. В 522 году философ Ен-цз из Цзи сопровождал своего маркиза в Лу, чтобы изучить тамошние обряды: один этот факт доказывает, что Цзи, хотя и ортодоксальный и продвинутый, не обладал таким же высоким духовным статусом, который был гордостью Лу. В 517 году маркиз Лу был изгнан со своего трона, и Цы воспользовался случаем, чтобы вторгнуться в Лу под предлогом оказания ему помощи; однако беглец предпочел в качестве убежища Цинь, и в течение многих лет квартировал в городе, расположенном недалеко от общей границы. Но могущественные семьи (все ветви одного рода с самим герцогом) оказались слишком сильны для него; они подкупили цинских государственных деятелей, и

правитель Лу умер в изгнании в 510 году. В 500 году Конфуций стал главным советником нового маркиза и своими энергичными действиями отправил в изгнание в Цинь очень грозного агитатора, принадлежавшего к одной из могущественных семейных клик. В 488 году царь У, после похода на Цинь, призвал Лу предоставить "сто комплектов жертв" в знак покорности; царь и маркиз имели беседу; на следующий год царь прибыл лично, и договор с ним был заключен под самыми стенами Кюх-фу, столицы Лу (этот позорный факт скрыт Конфуцием, который просто говорит: "У развязал с нами войну"). В 486 году Лу несколько подло присоединился к У в нападении на ортодоксальных цзи. В 484-483 гг. за Конфуцием, который тем временем уже несколько лет с отвращением путешествовал за границей, срочно прислали письмо; через четыре года он умер, сломленный и разочарованный.

Одно дело, когда в общих чертах говорят, что Конфуций представлял консервативные силы, не одобрял ссорящихся войн своего времени и в теории желал восстановить старые добрые "правила приличия"; но совсем другое - понять по-человечески, на деле, что он действительно делал в определенных обстоятельствах и какие практические цели преследовал. Средний европейский читатель, не имея перед глазами конкретных фактов и мест, может лишь предположить на основании этого грубого обобщения и обычных анекдотических историй о нем, что Конфуций был чрезвычайно робким, благоразумным, доброжелательным и покорным старым джентльменом, который, как намекнул ему его соперник Лао-цзы, был чем-то вроде превосходного танцмейстера или придворного ростовщика. Но когда разрозненные апофегмы его "Аналектов" (собранные воедино не им самим, а его учениками) помещаются рядом с реальными человеческими действиями, которые вскользь затронуты в его собственных "Веснах и Осенях" и расширены тремя его комментаторами, один из которых, по крайней мере, был его современником, все приобретает совершенно иной вид. Более того, этот последний из упомянутых или самый ранний из расширителей (см. с. 91) также составил болтливый, анекдотичный и тщательно описанный рассказ о Лу, Цы, Цинь, Чанг, Цю, У и Ии (ни о каких других государствах, кроме как вскользь); кроме того, у нас есть Бамбуковые книги, откопанные в 281 г. н.э., это Анналы Цинь и очерк общей истории до 299 г. до н.э. Наконец, "отец истории" примерно в го г. до н.э. опубликовал или издал готовое к публикации *резюме* всего вышеперечисленного (за исключением того, что было в Бамбуковых книгах, которые тогда, конечно, были ему неизвестны); таким образом, мы можем сравнить даты, ошибки, опечатки, сокрытия и т.д.; не говоря уже о преимуществе чтения всего, что могли сказать последующие поколения комментаторов.

Вкратце этот вопрос можно изложить следующим образом. Не пытаюсь заглянуть в прошлое после завоевания княжества Чоу и основания династии Чоу в 122 году до н.э. (хотя на самом деле нет причин сомневаться в существенной точности расплывчатой "истории" патриархальных времен, по крайней мере, настолько, что она охватывает 1000 лет или более правления двух предыдущих династий), мы можем заявить, что, хотя в целом принципы и ритуалы двух предыдущих династий сохранялись, при завоевании Чжоу было привнесено много новых идей. И среди прочего, всеобъемлющее и всепроникающее практическое ритуальное правительство, которое не только обозначало различия между классами, устанавливало церемониальные правила жертвоприношений предкам, поведения в обществе, семейных обязанностей, земледелия, финансов, наказаний и так далее, но и стремилось привести все действия человека в практическую гармонию с предполагаемыми естественными законами; то есть сделать их такими же регулярными, такими же понятными, такими же благотворными и такими же работоспособными, как совершенно очевидные, но совершенно необъяснимые небесные движения; как чередование времен года, уравнивание сил, рост и убыль материи, размножение мужчин и женщин, свет и тьма;

короче говоря, сделать человеческие действия такими же гармоничными, как и все силы природы, которые никогда не дают сбоев и не выходят из строя, кроме как под воздействием (предполагаемой) провокации, человеческой или иной. Император, как наместник Бога, был верховным судьей того, что является *дао*, или "правильным путем".

Эта простая вера, когда вся Китайская империя состояла из примерно 50 000 квадратных миль равнины, населенной, вероятно, не более чем 2 000 000 или 3 000 000 однородных людей, была прекрасно приспособлена для патриархального правления центрального вождя (короля или императора), получавшего простую дань в виде металлов, пеньки, скота, жертвенных принадлежностей и т. д.; развлекавшего своих родственников и княжеских друзей, когда они приходили за ежегодной данью и периодическими жертвоприношениями; объявлявшего уголовные законы (других законов не было) для всех своих вассалов; сострадавшего им и принимавшего их.; развлекал своих родственников и княжеских друзей, когда они приходили, чтобы принести ежегодную дань и разделить периодические жертвоприношения; объявлял уголовные законы (других законов не было) для всех своих вассалов; сострадая и примиряя пограничные племена, живущие за пределами этих вассалов. Но эта мирная буколическая жизнь с течением времени и под влиянием природы естественно привела к постепенному увеличению населения; китайские земледельцы распространились по просторам *лесса*, образованного отложениями Желтой реки и пустыни, а также зонами увядшей растительности на низменных землях; Ни один другой народ или племя в пределах их досягаемости не имели ни малейшего представления о письменности, следовательно, среди некитайских племен не было никакой политической сплоченности; положение было сродни тому, как европейские державы веками прививали себя к еще примитивным африканским племенам, сравнительно немногие из которых сочли нужным применить искусство письма для практической цели ведения записей и укрепления своей власти. Куда бы ни отправлялся китайский авантюрист, он становился основателем государства; и по сей день мы видим, как предприимчивые китайцы основывают мелкие "династии" на сиамском Малайском полуострове; или, например, англичанин, такой как раджа Брук, основывает частную династию на Борнео.

Некоторые из этих пограничных племен, в частности татары, были слишком жестким материалом, чтобы их можно было ассимилировать. Они даже пытались сдержать продвижение китайцев за Желтую реку и сами огнем и мечом проникали в федеральный конклав. Там, где сопротивление было *нулевым* или незначительным, как, например, среди некоторых варваров на востоке, китайские авантюристы, либо перенимая туземный уклад, либо убеждая автохтонов перенять их уклад, выравнивая или понижая уровень, развивали сильную сплоченную силу; кроме того (из-за трудностей в общении) они создавали чувство независимости и нежелание подчиняться центральной власти. Императоры, которые в старые добрые времена созывали вассалов - дело недели или двух в этом небольшом регионе - для наказания нечестивых племен на своих границах, постепенно обнаружили, что не могут справиться с более далекими татарскими ордами, восточными варварами побережья, аннамцами, шанами и другими неопознанными племенами к югу от Ян-цзы, как они легко справлялись с более близкими племенами, когда китайцы не продвинулись так далеко. Более того, новые китайские, китайско-венерианские и полукитайские государства, осознав свою ответственность, теперь выступали в качестве "буферов" или барьеров между императором и неиспорченными варварами; эти гибридные государства сами по себе были столь же грозными для императорской власти, как и вытесненные варвары ранее. Отсюда, как мы видели, жалкое бегство из своей метрополии одного императора за другим; возвышение великих и богатых людей за пределами прежнего ограниченного священного круга; Притворство защиты императора, выдвинутое этими поднимающимися державами,

отчасти для того, чтобы завоевать престиж, используя его императорское имя для поддержки своих местных амбиций, а отчасти потому, что, как и в Средние века в случае с папством, никто не заботился о моральном одиозе уничтожения почтенной духовной власти, даже если она постепенно лишалась своих мирских прав и влияния.

Лу был почти на одном уровне с имперской столицей во всем, что касается обучения, ритуалов, музыки, жертвоприношений, поведения и духовного престижа. Конфуций в своем рвении к восстановлению императорских прав на самом деле был не большим приверженцем простой формы, чем Цз-чань из Чэн, Ки-ча из У, Хян Су из Сун, Шу Хян из Цин и другие, уже перечисленные; единственной отличительной чертой в его случае было то, что он не был высоким или влиятельным чиновником в свои ранние дни; кроме того, он был сунцем по происхождению, а все великие семьи принадлежали к княжеской касте Лу. Поэтому, за неимением лучших средств для отстаивания собственных взглядов, он занялся преподаванием и чтением, собирал исторические факты, излагал мораль и украшал сказки. В юности он был настолько умен, что один из вельмож Лу на смертном одре предсказал его величие. Ему было очень горько видеть, как его сменяющие друг друга князья-хозяева сначала были покорными слугами Цзи, затем метались между Цинь и Цу, наконец, были захвачены и унижены варваром У, а затем получили последние штрихи милосердия от рук дикаря Ииэ. Первым делом, когда он наконец-то получил высокий пост, стало устранение Цинь, за правителем которого стояло ревнивое государство, опасавшееся, что под умелым правлением Конфуция Лу сможет получить протекторат и тем самым победить свой коварный замысел свергнуть законный дом Цинь. После этого хитрый маркиз Цзи, конечно же, по наущению интригующих "великих семейств", попробовал другой способ, и в конце концов ему удалось развратить колеблющегося принца Лу подарками лошадей, колесниц и танцующих женщин. После этого (497 г.) Конфуций, удрученный, отправился в путешествие. Вернувшись через тринадцать лет, он вскоре после этого начал посвящать свои оставшиеся силы "Анналам", о которых так часто упоминалось выше, и именно во время завершения этой работы у него были предчувствия своего скорого конца; похоже, что после возвращения в Лу он не мог осуществлять большую политическую или консультативную власть.

Во время тринадцатилетнего путешествия (более подробный рассказ о котором будет дан в одной из последующих глав) он нашел время пересмотреть и отредактировать книги, которые, похоже, стали общим достоянием всего Китая; одна из его идей заключалась в том, чтобы исключить из них все антиимперские настроения. Тогда они назывались не "классикой", а просто "Книга" (история), "Стихи" (до сих пор известные наизусть по всему Китаю), "Обряды" (усовершенствованные семьей Чжоу), "Перемены" (своего рода космогония в сочетании с прорицаниями) и "Музыка".

ГЛАВА XX

ЗАКОН

Давайте теперь рассмотрим представления о законе в том виде, в каком они существовали в первобытном китайском сознании. Поскольку предполагалось, что все правительство основано на естественных законах вселенной, вселенский закон или порядок вещей которой, император, как "Сын Неба", был (при условии его собственного повиновения ему) верховным глашатаем или выразителем, на нем не лежала обязанность определять этот явный закон; когда он нарушался, он должен был сказать, что он нарушен, и наказать за нарушение. Щедрость природы - это весна, и поэтому весной воздается по заслугам; падение природы - осень, это время для вынесения наказаний; они осуществляются зимой, когда смерть овладевает природой. Щедрый стол сопровождает раздачу наград, скудный

стол и отсутствие музыки - назначение наказаний; отсюда императорские пиры и посты. Таким образом, наказание, а не повеление - это то, что впервые было понято в Законе, и интересно отметить, что "развязывание войны" и "предание смерти" возглавляют список императорских наказаний. Война, таким образом, рассматривается как жезл императора в форме карательной полиции, а не как проявление государственности, честолубивой жадности или тщеславного самоутверждения. Затем следовали, в порядке возрастания суровости, кастрация, отсечение ног или коленной чашечки, клеймение и порка. Император, или его вассалы, или исполнительные чиновники каждого из них от имени правителя объявляли закон, *то есть* назначали наказание в каждом случае нарушения по мере его совершения. Таким образом, с самого начала законодательная, судебная и исполнительная функции никогда не были четко разделены в китайской системе мышления; за последние два года пришлось придумать новые слова, чтобы выразить это различие для целей реформы законодательства. Торговое право, семейное право, рыболовное право - словом, вся масса того, что мы называем коммерческой и гражданской юриспруденцией, - не больше касалась правительства, если говорить о правах личности, чем сельскохозяйственные обычаи, обычаи банкиров, весы мясников и тому подобные мелочи; всякий раз, когда государство затрагивало эти или аналогичные вопросы, это делалось для целей содружества, а не для поддержания частных прав. Каждый патерфамилиас был абсолютным хозяином своей семьи, купцы свободно вели свои дела, и так далее. Только когда речь шла об общественной безопасности, государственных интересах или общем благе, карательный закон вступал в дело и говорил, всегда руководствуясь *тао*, "правильностью", или законом природы: "Вы, купцы, не должны носить шелковую одежду"; "Вы, ростовщики, не должны разорять земледельцев"; "Вы, мясники, не должны раздражать богов зерна, убивая скот": это всего лишь примеры, взятые наугад из гораздо более поздних времен.

Император Му, чью энергию мы уже видели в татарских завоеваниях и исследовательских походах почти за тысячелетие до нашей эры, был первым из династии Чжоу, кто решил, что для поддержания порядка среди "ста семей" (до сих пор одно из выражений, означающих "китайский народ") необходима реформа законодательства. Полный перевод этого кодекса приведен в "Китайской классике" д-ра Легге, где ему посвящена отдельная глава "Книги": поручая своему чиновнику подготовить его, император использует только слова "пересмотреть наказания", а сам кодекс известен только как "Наказания" (маркиза, который его составил); хотя он также предписывает множество судебных форм и устанавливает предписания, которые далеко не все являются кастигационными. Сам факт этого свидетельствует о том, что реформаторские идеи находятся в зародыше. Есть все основания полагать, что "законы" китайского императора, какими они были в тот или иной момент, торжественно и периодически провозглашались в каждом вассальном царстве; но при условии соблюдения этих общих императорских указаний единственным решающим фактором было *"темис"*, *"дики"* или вдохновенное решение магистрата; и, конечно, произвол правителя, будь он верховным или вассальным, часто выходил из-под контроля, когда он находил в себе достаточно сил, чтобы быть несправедливым. Например, в 894 году до н. э. император сварил заживо одного из правителей Цзи, за что Цзи отомстил ему 200 лет спустя, как уже говорилось в предыдущих главах.

В 796 году до н. э. правитель Лу был выбран, или, скорее, рекомендован императору для выбора, в предпочтение своему старшему брату, потому что "при наказании он никогда не нарушал точных указаний, оставленных древними императорами". Этот же император в 817 году уже выдвинул одного младшего брата на трон Лу, потому что тот считался наиболее

привлекательным внешне по случаю, когда братья оказывали почтение императорскому двору. За этот каприз советник императора порицал его, говоря: "Если приказы не исполняются, то и правительства нет; если же они исполняются, но вопреки установленным правилам, то народ начинает презирать своих начальников".

В 746 году до н. э. государство Цинь, только-только вырвавшееся из татарского варварства и обосновавшееся на старых имперских владениях, впервые ввело закон о "трех родах", по которому три поколения или три семейные связи преступника казнились за его преступление так же, как и он сам. В 596 и 550 годах Цинь (который, таким образом, похоже, взял пример с Цинь) истребил семьи двух политических беженцев, бежавших к татарам и в Цинь соответственно. Даже в Ц'у родственники человека, который первым научил У войне, были истреблены в 585 году, а любому, кто оказал помощь беглому царю Ц'у, грозило "наказание трех кланов"; последний случай произошел в 529 году. Законы Ц'у, по-видимому, были особенно суровыми; в 55 году премьер был разрезан на четыре части за коррупцию, и по одной четверти было отправлено в каждую сторону, как предупреждение местным округам. Около 650 г. до н. э. выдающийся государственный деятель Лу по имени Цан Вэнь-чун, по-видимому, составил особый кодекс, поскольку один из учеников Конфуция (два века спустя) осудил его как слишком суровый по сравнению с мягкими законами Цз-чаня, о которых мы вскоре упомянем. Сам Конфуций также назвал этого человека "слишком показушным". Этот государственный деятель Лу, примерно двадцать лет спустя, сделал несколько важных и информативных замечаний правителю Лу, когда пришло сообщение о том, что Цинь (Второй протектор) пытается заставить императора отравить федерального беженца из Вэй, о преемственности которого в данный момент ссорились державы. Он сказал: "Есть только пять признанных наказаний: боевое оружие, топор, нож или пила, клеймо, плеть или бастинадо; нет никаких тайных, как то, что предлагается сейчас". В результате Лу, принадлежавшему к тому же клану, что и император, легко удалось подкупить имперских чиновников, чтобы они отпустили принца-беженца. Благодарный принц охотно предложил Цан Вэнь-чуну вознаграждение, но государственный деятель отказался его принять, сославшись на то, что "изречения подданного не должны быть известны за границами его собственного господина". Примерно столетие спустя выдающийся цинский государственный деятель, спросив, что такое "бессмертие", получил ответ: "Когда человек умирает, но когда живут его слова; как слова этого выдающегося человека, Цан Вэнь-чуна, из государства Лу". Этот же цинский государственный деятель, как говорят, выгравировал некоторые законы на железе (513), что крайне не одобрялось Конфуцием. Только собрав воедино отрывочные упоминания, мы можем прийти к выводу, что "в те времена были судьи". В предыдущих главах неоднократно упоминалось о Цз-чэне, чья искусная дипломатия сохраняла независимость и даже федеральное влияние малоизвестного государства Чэн в течение целого поколения. В 536 году до н. э. он решил отлить законы в металле для всеобщего сведения: этот ход был горько неприятен его коллеге, Шу Хяну из Цинь (см. Приложение I.), и, возможно, только что упомянутые цинские "законы на железе" были предложены в результате этого эксперимента, поскольку следует помнить, что Цинь, Лу, Вэй и Чэн принадлежали к одному императорскому клану. Конфуций, который в остальном искренне восхищался Цинь, не одобрял эту особенность его карьеры. В незначительной степени тот же вопрос определения и публикации вызвал разногласия между английскими юристами в отношении так называемого "закона, созданного судьей"; по-прежнему считается, что лучше объявлять его по мере возникновения обстоятельств, чем заранее излагать его в кодексе. Аргументы одни и те же; в обоих случаях судьи исповедуют "толкование" закона в том виде, в каком он уже существует; то есть китайский судья толкует закон природы, а английский - общие и статутные законы; но ни один из них не хочет

затруднять себя, пытаясь заранее опубликовать схему, разработанную с учетом всех будущих гипотетических случаев.

Около 680 г. до н. э. царь Цу издал закон против укрывательства преступников, по которому укрыватель подлежал такому же наказанию, как и вор; в то же время его советники ссылаются на древний закон или повеление императорской династии, принятое до ее прихода к власти в 1122 г. до н. э. - "Если кто-либо из ваших людей обратится в бегство, пусть приложит все усилия, чтобы найти его". Таким образом, похоже, что и другие правящие классы, помимо представителей клана Чжоу, принимали общеимперские законы, предписанные Чжоу или иные. Хотя, таким образом, очевидно, что вассальные государства, по крайней мере после того, как в 771 году до н. э. наступил имперский упадок, разработали и опубликовали свои собственные законы, все же на большом княжеском дурбаре, проведенном Первым Протектором в 651 году до н. э., записано, что "Запреты Сына Неба" были прочитаны над жертвенной жертвой. По своему лаконичному стилю они вполне патриархальны и по этой причине напоминают римские "Двенадцать таблиц". Они гласят: "Не заграждай источников!" "Не накапливайте зерно!" "Не вытесняйте законных наследников!" "Не делайте жен из своих наложниц!" "Не позволяйте женщинам вмешиваться в государственные дела!" С точки зрения китайцев, все это лишь утверждения о том, что является законом природы. В 640 году государство Лу применило термин "Ворота Закона" к Южным воротам, "потому что и император, и вассальные князья смотрят на юг, когда правят, и потому что это, соответственно, ворота, через которые проходят все повеления и законы". Однако всегда возможно, что это "лицо на юг" древнего правителя указывает на направление, откуда пришли некоторые из его людей, и на которое, как их проводник и лидер, он должен был смотреть, чтобы управлять ими.

В 594 году приводится случай, когда два сановника были убиты по прямому приказу императора. Объясняя этот исключительный случай, комментатор говорит: "Владыка всего, что ниже Неба, - это Небо, а продолжатель или преемник Неба - князь; то, что держит князь, - это санкция, которой не может противостоять ни один подданный".

Вскоре после смерти Конфуция в 479 году до н.э, могущественное и ортодоксальное государство Цинь, которое так долго противостояло Цинь, Цзи и Цю, заметно пошатнулось под разрушительным воздействием интриг "великой семьи": Из шести великих семей, которые, будучи представителями прежних одиннадцати, впоследствии монополизировали власть, только три пережили междоусобные конфликты, и, наконец, оставшиеся три распались на независимые государства Хань, Вэй и Чао, причем эти названия являются эпонимами, поскольку это их субфеоды и, следовательно, их "фамилии", или семейные имена. В 403 году император официально признал их отдельными, независимыми вассалствами. Вэй иначе называют Лян, поскольку столица носила это имя, а короли Лян прославились своими беседами с философом-перипатетиком Менцием в IV веке до н. э. Чтобы отличить это государство от Вэй (императорского клана), примыкающего к Лу и Сун, мы впредь будем называть его Нгвэй, как, собственно, оно и произносилось изначально, и как до сих пор произносится в некоторых современных диалектах. Первый из государей Нгвэй имел в своем подчинении государственного деятеля по имени Ли К'вэй, который ввел для целей налогообложения новую систему земельных законов, а также новые уголовные законы. Последние состояли из шести книг, или главных глав, и, как говорят, представляли собой все лучшее, что было в законах различных феодальных государств, главным образом в отношении разбоя: мелкими преступлениями были мошенничество, проникновение за городские стены, азартные игры, займы, нечестность, разврат, расточительность и нарушение приказов правителя - их точные термины сейчас неизвестны. Впоследствии этот

кодекс был назван "Классическим законом", и его влияние можно четко проследить, династия за династией, вплоть до наших дней; на самом деле, до года или двух назад принципы китайского права никогда радикально не менялись; каждая последующая правящая семья просто брала то, что находила; изменяя существующее в своих собственных предполагаемых интересах, в зависимости от времени, места и обстоятельств. Земельные законы Ли К'вэя очень напоминали те, которые четыре года назад рекомендовал маньчжурскому правительству сэр Роберт Харт.

ГЛАВА XXI

ОБЩЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ

Трудно предположить, сколько правды в древних преданиях о том, что водные потоки империи были улучшены благодаря гигантским инженерным работам, проведенным древними императорами Китая. Есть одно ущелье, хорошо известное путешественникам, выше Ич'анга, на реке Ян-цз, по дороге в Чанг-Кинг, где обрывистые скалы с каждой стороны имеют вид и твердость железа, и на протяжении мили или более - возможно, нескольких миль - стоят перпендикулярно, как стены, по обе стороны быстрой реки Ян-цз: Самое любопытное в них то, что снизу от уровня воды, до самого верха, или насколько хватает глаз, камень выглядит так, как будто его раскололи мощными совками для сыра: кажется почти невозможным, чтобы какая-либо операция природы могла сформировать камни таким образом; с другой стороны, какие инструменты достаточной твердости, приводимые в движение какой огромной силой, могли бы выдолбить проход такой длины, на такой глубине и такой высоты? Несомненно, что после того, как Цин завоевал доселе почти неизвестные царства Па и Шу (Восточный и Западный Шу-Чван), китайский инженер по имени Ли Пин творил чудеса в канализовании так называемой равнины Ч'Кнг-ту, или богатой равнинной местности, лежащей вокруг столицы провинции Шу-Чван, которая до тех пор, пока существовал Шу, была также метрополией Шу. Консульские служащие его британского величества специально изучили эти шлюзы, которые до сих пор находятся в полном рабочем состоянии, и, похоже, их принцип почти не изменился с того периода (280 г. до н. э.), когда жил Ли Пин. Китайцы до сих пор считают этот рукав Великой реки истоком; по крайней мере, они так считали, пока иезуитские исследования двухвековой давности не доказали обратное; вполне естественно, что они так считали в древности, ведь истинное верхнее течение, а также Иин Нан и Тибет, через которые проходит это русло, были им совершенно неизвестны и не имели названия; даже сейчас так называемая страна лоло в Шз Ч'ване и Иин Нане в основном не исследована, а горные лоло совершенно независимы от Китая. Тот факт, что у них беловатая кожа и своя письменность (явно вдохновленная формой китайских иероглифов), делает их особенно интересным народом. В число инженерных подвигов Ли Пина входил также регион вокруг Я-тоу и Киа-тинга, отмеченный на современных картах.

Основатель династии Хиа (2205 г. до н.э.) якобы освободил застойные воды Желтой реки и направил их в море; поскольку именно это пытались сделать все последующие династии, и были вынуждены пытаться, а в наше время то же самое приказал сделать покойный Ли Хунчжан незадолго до своей смерти, нет никаких оснований сомневаться в точности традиции; Тем более что основатель династии Чжоу отправил своего главного политического советника и двух своих самых знатных родственников поселиться вдоль нижнего течения этой беспокойной реки, как правителей Цзи, Ен и Лу; остальные значительные вассалы были размещены вдоль среднего течения.

Первоначальный китайский основатель варварской колонии У принадлежал, как уже объяснялось, к тому же клану или семье, что и основатель династии Чжоу, и в одном

отношении даже имел родовой или духовный приоритет перед ним, потому что эмигрант добровольно ушел в безвестность вместе со своим братом, чтобы освободить место для третьего и более выдающегося младшего брата, внук которого впоследствии, в 1122 году до н.э, завоевал Китай и превратил княжество Чжоу, до этого находившееся в вассальной зависимости от династии Шан, в династию Чжоу, вассалами которой стали оставшиеся в живых шанские князья в государстве Сун и других странах. Несмотря на то, что основатель У, возможно, перенял варварские обычаи, такие как татуировка, стрижка волос и т.п., он, должно быть, обладал значительной административной властью, поскольку провел канал (проходящий мимо его столицы) на расстояние тридцати английских миль вдоль новой "британской" железной дороги от У-си до Чанг-шу, как отмечено на современных картах; его идея состояла в том, чтобы облегчить передвижение на лодках и помочь земледельцам с водоснабжением для орошения.

В 485 году до н.э. король У, находившийся тогда в зените своего успеха и ставший протектором Китая, возвел стену и укрепления вокруг хорошо известного современного города Янчоу (где 1700 лет спустя губернатором был Марко Поло); затем он впервые в истории установил водное сообщение между рекой Ян-цзы и рекой Хвай; этот канал был затем (483-481) продолжен дальше на север, чтобы обеспечить сообщение с южной и центральной частями современной провинции Шаньтун.

Его целью было облегчить доставку запасов для своих армий, которые в то время были заняты натиском на Цай (Северный Шаньтун) и Лу (Южный Шаньтун). Ему удалось провести свои лодки к реке Ци, протекающей мимо Ци-нань-фу, и к реке И, протекающей мимо И-тоу-фу, таким образом, господствуя над всем регионом Шаньтун; ведь эти две реки были тогда единственными судоходными реками в Шаньтуне, помимо Сз. Рекой Ци теперь овладела Желтая река, которая, как мы показали, текла параллельным курсом намного западнее ее; а река И тогда впадала на юг в реку Ш, которая, как уже объяснялось, в своем нижнем течении, в сравнительно современные времена, была окончательно захвачена Большим каналом; но верхнее течение Ш, сейчас, как и тогда, проходило мимо города Конфуция, метрополии Лу, К'юх-фу. В 483 году до н. э. тот же царь бросил своего верного советника (по происхождению цзу) в канал, по которому воды озера Тхай-ху теперь текут в современный Сучжоу, а оттуда в Ханчжоу. С тех пор несчастный стал популярным "богом воды" в этих краях. Отсюда следует, что скромный канал основателя У должен был время от времени расширяться, по крайней мере, в восточном направлении. Только после завоевания Китая Цинь, 250 лет спустя, император Первого Августа расширил эту систему каналов на север и запад, от Чанг-тоу Фу до Тан-ян и Чинкианг, как отмечено на современных картах. Таким образом, варварские короли У нашли для нас истинное направление нашей "британской" железной дороги и, что касается северного канала, действительно выполнили задачу, которую обычно ставят в заслугу Кублай-хану, монгольскому покровителю Марко Поло. Хубилай лишь усовершенствовал старую работу. Древняя столица У находилась в 10 английских милях к юго-востоку от У-си и в 17 милях к северу от Сучжоу, куда столица была перенесена в 513 году до н. э., поскольку она была более подходящей, чем старая столица, для арсеналов и судостроительных верфей, которые тогда впервые в широком масштабе строил король У.

Первый мост через Желтую реку был построен царством Цин в 257 году до н. э. на месте, которое до сих пор является дорогой между Т'унг-Ту-Фу и П'у-Чу-Фу. До этого войскам приходилось переправляться через Желтую реку по бродам; в качестве примера можно привести случай, когда основатель династии Чжоу в 1122 году до н. э. призвал своих вассалов встретиться с ним у брода Мэн, который до сих пор обозначен на картах и лежит на шоссе между двумя современными городами Хо-Нан-Фу и Хвай-Кин-Фу; поэтому не было

никакого оправдания тому, что феодальные князья не прибыли на место встречи. Недалеко от этого же места, но на северном берегу реки, Цинь в 632 году до н. э. проводил большой дурбар в качестве Второго протектора, по печально известному случаю, когда марионеточный император был "послан за" циньским диктатором. Чтобы скрыть это надругательство над "обрядами", Конфуций говорит: "Сын Неба отправился в лагерь к северу от реки". Пойти на охоту или в лагерь - это до сих пор расплывчатое историческое выражение, означающее "отправиться на инспекцию вотчины", и оно было использовано в 1858 году, когда маньчжурский император Хиен-фэн укрылся от союзных войск в Джехоле в Тартарии.

Первое, что сделал Цинь, объединив империю в 221 году до н. э., - занял все броды и узкие проходы и привел их в рабочее состояние для прохода армий. Поскольку и сейчас низовья Желтой реки судоходны для крупных судов только на протяжении 20 миль от ее устья (сейчас в Шаньтуне), легко представить, сколько бродов должно было быть на ее мелководье, а также как получилось, что лодки так мало использовались для перевозки крупных войск с их запасами.

Великая китайская стена 217 года до н. э. была далеко не первой в своем роде. За столетие до этого Цинь построил длинную стену, чтобы отгородиться от татар; а за полвека до этого Нгвей (одна из трех могущественных семей Цинь, ставших независимыми князьями в 403 году) построил стену, чтобы отгородиться от своего западного соседа Цинь; обе эти стены, похоже, находились в северной части современного региона Шэнь Си, и, возможно, они были частями более поздней непрерывной великой стены императора Августа, на строительство которой было затрачено 700 000 человек. Существует утверждение, что тот же император поставил 700 000 евнухов для работы над дворцами и гробницей, которые он строил для себя в своей новой метрополии (перенесенной с 350 г. до н. э. в город Хиен-ян, к северу от реки Вэй, напротив нынешнего Си-нгань-фу). Это, вероятно, означает не то, что евнухи были распространены в те времена в качестве дворцовых слуг, а то, что кастрация все еще была обычным наказанием, применявшимся во всем Китае за серьезные проступки, не требующие смертной казни, или за более серьезные формы увечий, такие как отрубание ног или отсечение коленей; и что все заключенные этой степени были отправлены на производительную работу: Хотя они были унижительно уродливы, их все же можно было использовать для общих целей туземной жизни, а их беззащитное и жалкое положение, вероятно, облегчало работу с ними в бандах, чем со здоровыми мужчинами; и если бы они умерли под грубым обращением наставников, у них не было бы семей, чтобы оплакать или отомстить за них в соответствии с семейным долгом; ведь у евнуха нет имени и нет семьи. Дворцы, о которых идет речь, были соединены великолепным мостом на большой дороге между Хиен-яном и Си-нганом. В этом году немецкая фирма заключила контракт на строительство железного моста через Желтую реку у Лань-тоу-фу, где ее пересек майор Брюс.

ГЛАВА XXII

ГОРОДА И ПОСЕЛКИ

В древней китайской истории необычайно мало описаний городов, но и здесь мы можем с уверенностью предположить, что большинство из них в принципе, хотя бы в небольшом масштабе, были такими же, как и сейчас, - просто безыскусными, плохо построенными собраниями лачуг. Сыул, причудливая столица Кореи, какой она предстала в первоизданном виде перед своими европейскими первооткрывателями двадцать пять лет назад, вероятно, тогда очень напоминала столицу древнего вассального китайского принца самого лучшего

типа. Современная торговля обусловила появление богатых торговых улиц во всех крупных китайских городах; Но маленький город *хиен* в глубине страны - а следует помнить, что округ или район *хиен* соответствует старому маркизату или феодальному княжеству типа вассальной единицы - часто представляет собой бедное, пыльное, грязное, унылое, ветхое скопление деревень или хуторов, окруженное непропорционально вычурной стеной, кубического содержания которой одной только стены с лихвой хватило бы, чтобы построить в превосходном стиле весь грязевой город внутри; Ведь половина площади внутренних помещений, скорее всего, представляет собой пустыри или застойные лужи: так было даже в Пекине сорок лет назад, и, возможно, так есть и сейчас, за исключением "квартала легации".

В 745 году до н. э., когда маркиз Цинь по глупости разделил свои владения с побочной ветвью, столица этого разделенного государства, как утверждается, была больше старой столицы. Оба они до сих пор существуют как незначительные города, расположенные довольно близко друг к другу на одном и том же рукаве реки Фэн (единственной судоходной реки) в Южном Шань-Си; они также отмечены своими старыми названиями, то есть К'иих-вух и Йих-Ч'Кнг. Только после того, как младшая ветвь присоединила старшую в 679 году, Цинь стал могущественным и начал расширяться; и только когда началась политика "домашнего правления" и дезинтеграции, включающая разделение ортодоксальной власти Цинь на три царских государства сомнительной ортодоксальности, Китай пал жертвой амбиций Цинь. *Недоброе* предзнаменование для нас.

В 560 году, когда обезображенный философ Ен-цз посетил Цю и развлекал полуварварский двор своими остротами, он воспользовался случаем, чтобы похвастаться великолепием Лин-цз (до сих пор так обозначается), столицы Цю. "Она, - сказал он, - окружена сотней деревень; зонтики гуляющих заслоняют небо, пот течет такими потоками, что вызывает дождь; их плечи и пятки касаются друг друга, так тесно они упакованы". Собравшиеся придворные Цю с открытыми ртами, но настроенные на спорт за счет своего гостя, сказали: "Если это такое великое место, почему они выбирают тебя?" Ен-цз разыграл козырь, ответив: "Потому что я такой жалкий тип", - имея в виду, как объясняется в главе IX, что "любой жалкий негодяй достаточно хорош, чтобы отправить его в Цзу". Однако, если не считать преувеличений, есть все основания полагать, что государственный деятель-философ Кван-цз за столетие до этой даты действительно организовал великолепный город. Полное описание того, как он реконструировал экономическую жизнь города и народа, дано в "*Квох-ю*" (см. главу XVII), подлинность которой, хотя и не свободна от сомнений, в конце концов, подвергается лишь той же критике, какой Ренан подвергает одно или два Евангелия, общий смысл которых, по его словам, тем не менее должен быть принят, со всеми недостатками, как *добросовестная* попытка кого-то, более или менее современного, представить то, что тогда обычно считалось истиной.

В самом Цзу, должно быть, было немало общественных зданий, поскольку в 542 году до н. э. после посещения этой страны в соответствии с положениями мирной конференции 546 года правитель Лу построил себе дворец в подражание тому, который он там видел. Первоначальная столица У (см. главу VII.) была бедным местом и описывается как состоящая из низких домов на узких улицах, с вульгарным дворцом; это было в 523 году. В 513 году новый король переехал на место, которое сейчас занимает Сучжоу, и, похоже, сделал из него великолепный город, которым он и остается с тех пор - место, где, конечно, помнится, генерал Гордон и Ли Хунчжан устроили свою знаменитую ссору по поводу обезглавливания сдавшихся мятежников. В нем было восемь ворот, а также восемь водных ворот для лодок; в окружности он составлял восемь английских миль и содержал дворец, несколько башен

(пагоды, будучи буддийскими, тогда, естественно, были неизвестны), киоски, пруды и утиные резервуары. Обширный арсенал и корабельная верфь располагались отдельно от основного города. Ни один город в ортодоксальной части Китая не описан так подробно, как этот, и вряд ли их было так много.

Судя по тому, как часто Цинь перемещал свои столицы (но всегда в пределах ограниченной территории в долине Вэй, между этой рекой и ее притоком Кьен), они не могли быть очень важными или значительными местами; фактически, нет никаких описаний экономической жизни раннего Цинь вообще; и, насколько мы знаем, штаб-квартира князя Му, когда он начал свои реформы в седьмом веке до н.э., могла напоминать татарский лагерь. В *"Квох-юй"* нет главы, посвященной Циню, который (как уже говорилось) в течение 500 лет жил совершенно обособленной жизнью. В более поздние времена, особенно после реформ, проведенных знаменитым китайским князем-авантюристом Вэй Яном в период 360-340 годов, управление землей было восстановлено, столица окончательно перенесена в Хиен-ян, и были предприняты все усилия для освоения всех ресурсов страны. В Цинь тогда был 41 *хиен*, в тех из них, где проживало менее 10 000 человек, был губернатор с более низким титулом, чем у губернаторов крупных городов, вероятно, общее население Цинь к этому времени достигло 3 000 000 человек. Столетие спустя, когда император Первого Августа завоевывал Китай, армии в полмиллиона человек с каждой стороны были совсем не редкостью. Когда его завоевания были завершены, он принялся строить дворцы на обоих берегах Вэй в самом пышном стиле, о чем рассказывалось в последней главе. О нем говорят, что, "покаяя каждого вассального князя, он делал наброски его дворцовых построек", и, имея их перед собой в качестве образцов, он выстроил вдоль реки ряды прекрасных сооружений, - очевидно, судя по приведенному описанию, очень похожих на те, что лежат вдоль Золотого Рога в Константинополе; если не по качеству, то, по крайней мере, по общему эффектному расположению.

Что касается мелких ортодоксальных государств, сгруппированных вдоль Желтой реки, то они, похоже, меняли свои столицы по самым незначительным поводам; едва ли хоть одно из них оставалось от первого до последнего на одном и том же месте. В качестве примера можно привести ортодоксальное государство Ху, принадлежащее к тому же клану, что и Цзи. История этого мелкого княжества или баронства точно известна только со времени начала истории Конфуция, и оно постоянно притеснялось Чэн и Цю, своими более могущественными соседями; в 576, 533, 524 и далее годах происходили постоянные переезды, так что даже местные комментаторы говорят: "это было похоже на перемещение деревни, настолько поверхностным было это дело". Принятый в *беллетристике* стиль (см. с. 78) выражения "моя страна" - это все еще древнее *pi-yih* или "недостойная деревня": однажды (около 190 г. до н. э.) императрица Китая использовала это выражение, даже после того как весь Китай был объединен, чтобы вежливо отклонить предложение о замужестве, сделанное ей могущественным тартарским царем. Это выражение особенно интересно, поскольку напоминает, как мы уже отмечали, о том времени, когда "страной" каждого феодального вождя была лишь его глинобитная деревня и несколько квадратных миль полей вокруг нее, которые, естественно, были отделены от территории следующего вождя холмами и ручьями. На бурмо-китайской границе в настоящее время существует множество подобных кахьенских "королей", каждый из которых правит своей горой или долиной и является верховным правителем в своих владениях.

То, что в Китае существовали города, обнесенные стенами (кроме императорского, который, конечно же, был "городом" *par excellence*), ясно из языка, используемого на дурбарах, которые всегда проводились "за стенами". На *лессовых* равнинах не могло быть никакого

камня для строительства, а упоминаний о кирпиче практически нет. Вероятно, стены были саманными, то есть из грязи, выбитой между двумя жесткими досками, которые убирались выше по мере высыхания стены внизу. Именно так до сих пор строится большинство домов в современном Пекине, а возможно, и в большинстве районов Китая, по крайней мере там, где камень (или кирпич) не дешевле; "варварские" районы Китая по-прежнему строятся лучше всего, например, Ч'Кнг-ту в Сз Ч'ване, Кантон на юге. Ханькоу (Ц'у) - сравнительно бедное место; Пекин - самый мрачный из всех. Чинкианг - чисто *лессовая* страна.

Во времена объединения Китая, в середине третьего века до нашей эры, Цинские войска сочли необходимым затопить Та-лян или "Великий Лян", столицу Нгвея (иначе называемую Лян), соответствующую современному К'ай-фэн-фу, еврейскому центру в провинции Хо Нань: водам Желтой реки позволили затопить страну (это снова сделали повстанцы Тай-пина пятьдесят лет назад, когда евреи пострадали, как и другие люди, и потеряли свою синагогу), стены которой рухнули. Очевидно, что древние городские стены не могли быть такими прочными, облицованными кирпичом, какие мы видим сейчас вокруг Пекина и Нанкина, а были просто глинобитными валами.

ГЛАВА XXIII

РАСПАД КИТАЯ

Мы должны еще раз обратиться к неортодоксальному Китаю и посмотреть, как он жил после смерти Конфуция. После всего лишь короткого века международного существования, в 473 году до н.э. энергичное государство У погибло окончательно, а остатки правящей касты бежали на лодках на восток. Когда во втором и третьем веках нашей эры посольства между японцами и китайцами впервые стали достаточно регулярными, в стандартной китайской истории стали появляться настойчивые заявления о том, что правящие в то время в Японии силы считают себя каким-то образом линейно связанными с китайским императором 2100 года до н. э. и с его потомками, своими предками, которые, как утверждалось, бежали из У в Китай. Именно поэтому в главе VII мы предположили, что не население Японии пришло из Китая, а некоторые из полуварварских потомков тех древних китайских князей, которые сначала колонизировали тогда еще чисто варварскую У, а затем, когда их власть была уничтожена в 473 г. до н. э. соседней варварской державой Юэ, поселились в Японии и продолжили свою цивилизаторскую миссию в совершенно новой сфере. Много лет назад в различных работах, опубликованных в Китае и Японии, я пытался показать, что, помимо китайских слов, попавших в японский язык начиная с 1 г. н. э. из двух отдельных источников - Северного Китая по суше и Центрального Китая по морю, есть все основания обнаружить в предполагаемом чистом японском языке, каким он был до этих импортов, примесь китайских слов, принятых гораздо раньше 1 г. н. э. и вошедших в нынешний язык в то время, когда не было ни средств, ни мысли о "закреплении звуков" с помощью фонетической системы письма. Существует множество других очень веских китайских исторических свидетельств в пользу миграционной точки зрения, и они лучше всего обобщены в превосходной небольшой работе на немецком языке преподобного А. Тшепе, С.Дж., опубликованной во внутренних районах провинции Шан-Тунг только в прошлом году.

Древние туземные названия У и Ие, согласно неуклюжему конфуцианскому способу их написания, были чем-то вроде *Кеу-нгу* и *О-вьет* (см. главу VII.); но совершенно безнадежно пытаться восстановить точные звуки, предназначенные тогда для выражения слогов, которые в самом китайском языке сильно изменились по силе. Власть Юэ была верховной после 473 г.; ее король был избран федеральными князьями в качестве протектора, и в 472 г. он провел грандиозный дюрбар на "террасе Ланг-я", место, которое уже невозможно точно

определить, но, вероятно, это не что иное, как немецкое поселение в Киао Чоу; в 468 г. он перенес туда свою столицу, и она оставалась там более века, до 379 г.: Но его власть, похоже, была почти чисто морской, и ему так и не удалось закрепиться к северу от долины Хвай или даже в ней самой, большую часть которой он впоследствии вернул Цю. Следует помнить, что Хвай тогда имела свободный выход к морю, и частью ее, ныне исчезнувшей долиной Суй, Желтая река владела в течение нескольких столетий вплоть до 1851 года нашей эры. Он также вернул Сун территорию, отнятую у нее У, и передал Лу 100 *ли* в квадрате (30 миль) к востоку от реки Сз; чтобы понять это, нужно помнить, ценой некоторой итерации, что Сун и Лу были двумя главными державами в средней и нижней части долины Сз, которая теперь полностью монополизирована Большим каналом.

[Иллюстрация: КАРТА

1. Пунктирными линиями отмечены границы современных Шэнь Си, Шань Си, Чи Ли, Хо Нань, Шань Тун, Ань Хвэй и Кианг Су.
2. Названия Чао, Нгвей и Хань показывают, как Цинь был разделен на три части в 403 г. до н.э.
3. Крестики (в строке каждого имени) показывают последовательные столицы по мере того, как Ц'ин наступал с запада; *последняя* столица в каждом случае имеет круг вокруг креста].

Императорская династия шла от плохого к худшему; в 440 году начались семейные интриги, убийства и разделения. Императорская метрополия, которая к концу была почти всем, что осталось у императоров, была разделена на две части, каждая половина управлялась восточным и западным императором соответственно; к сожалению, не сохранилось никакой литературы, которая могла бы описать нам жизнь жителей в те жалкие дни. Тем временем амбициозные великие семьи Циня едва не попали под диктатуру одного из них; в 452 году он сам был уничтожен комбинацией других, и в итоге в следующем году три семьи, которые разбили диктатора и, выйдя победителями, разделили царство Цинь на три отдельных и практически независимых государства, которые назывались соответственно Вэй или Нгвэй (части Шань Си), Хань (части Хо Нань) и Чао (части Чи Ли). Другое древнее и более ортодоксальное государство Вэй, занимавшее долину Желтой реки к западу от Сун и Лу, теперь было простым вассалом этих трех цинских держав, которые еще не объявили себя независимыми и которые пока оставили старую цинскую столицу под непосредственным управлением законного принца. Только в 403 году императорская администрация официально объявила их феодальными князьями. Этот год является следующим великим поворотным пунктом в китайской истории, после бегства императоров из их старой столицы в 771 году до н.э.; и именно с этого года начинается великий современный исторический труд Сз-ма Кванга; он был опубликован в 1084 году н.э. и описывает китайские события вплоть до столетия, предшествующего этой дате.

Что касается государства Цзи, то оно также погрязло в порочных делах. Еще в 539 году до н.э., когда два философа Ень-цзы и Шу Хян признались друг другу в своих взаимных печалях (см. Приложение № 2), первый предсказал, что могущественный местный род Тьен или Чэнь пал. 2), первый предсказал, что могущественная местная семья Тьен или Чен медленно, но верно подрывает законный княжеский дом и непременно закончит захватом трона; одним из методов, принятых вытесняющей семьей, было ссужать деньги народу на очень выгодных условиях и так манипулировать зерновыми мерами, чтобы облегчить налоги, причитающиеся князю; Таким хитроумным и косвенным способом вся дурная слава о налогах была брошена на экстравагантных князей, которые обычно растрачивали свои ресурсы, в то время как заслуга щедрости была обращена к этой могущественной семье налогоплательщиков,

которая таким образом заботилась о своих собственных финансовых интересах и в то же время обеспечивала привязанность народа. В 481 году честолюбивый Тьен Хенг, *он же* Чен Чанг, в то время исполнявший обязанности наследственного *мэра дворца* в законном доме, убил правящего принца. Этот поступок был настолько шокирующим с ортодоксальной точки зрения, что Конфуций, узнав о нем, был убит горем, несмотря на то, что его собственный принц едва избежал убийства от руки деда убитого. Однако только в 391 году семья Тьен, или Ч'КН, в течение почти целого столетия ставившая и смещавшая князей по своему усмотрению, наконец открыто сбросила маску и узурпировала трон Цзи: их титул был официально признан Сыном Неба в 378 году.

Что касается амбиций Цинь, то в течение нескольких столетий не было никакого дальнейшего продвижения завоеваний, по крайней мере, в Китае. Теперь на первый план выходит доселе почти неслыханное государство Шу (Шэ Ч'ван), которое оспаривает с Цинь владение верхним течением реки Ян-цзы. После 260 лет бесспорного владения всей территорией к западу от Желтой реки, Цинь в 385 году вновь уступил ее Цинь (*то есть* Нгвею). Только когда другое государство Вэй, расположенное ниже по течению Желтой реки, потеряло свою индивидуальность как независимая страна, знаменитый принц Вэй Ян (см. главу XXII.), не сделав карьеры на родине, предложил свои услуги Циню, и это последнее государство, в полной мере воспользовавшись его знаниями, внезапно засверкало в свете настоящего прогресса. В главе XX мы видели, что выдающийся юрист и государственный деятель из Нгвея, ближайшего соперника Цинь на востоке, открыл новый правовой кодекс и экономическую земельную систему. Работы этого человека попали в руки Вэй Яна, который привез их с собой в Цинь, где они были немедленно использованы с такой пользой, что Цинь столетие спустя смогла тщательно организовать свои ресурсы и таким образом завоевать всю империю,

Теперь мы подошли к тому, что обычно называют периодом Шести царств, или, если включить в него Цинь, против угрожающей мощи которого шесть государств часто выступали в союзе, периодом Семи царств. Это были три одинаково могущественных государства Нгвэй, Хань и Чао (последнее - очень тартарское по духу, так как поглотило почти все тюрко-тартарские племена к западу от устья Желтой реки); самое северное государство Ень, которое, похоже, таким же образом поглотило или оказывало сильное контролирующее влияние на маньчжуро-корейскую группу племен, простиравшуюся от реки Ляо до границы Чао; Цю, которое теперь полностью подчинило себе весь юг Китая и даже сумело объединить прибрежные государства Иич в 334 году; и, наконец, Цай. Другими словами, ортодоксальные китайские князья, чьи сравнительно мелкие княжества в современной провинции Хо Нань в течение нескольких столетий образовывали своего рода петушину юм, в которой Цин, Цинь, Ц'и и Ц'у боролись друг с другом, полностью исчезли как независимые и даже влиятельные державы и были либо поглощены этими четырьмя великими державами (из которых Цинь и Ц'и были в восстановленном виде), либо стали просто послушными вассалами одной или другой из них. В прежние времена Цин был родственником и защитником; но теперь Цин, распавшийся на три чужих клана, сам стал легкой добычей для амбиций Цин; православные государства оказались в беззащитном положении греческих государств после того, как Александр истощил Македон в своих персидских войнах, и когда их последняя надежда Пирр обучил римлян военному искусству: они спаслись от Персии только для того, чтобы попасть в пасть Рима.

В середине четвертого века до нашей эры все шесть держав стали называть себя "*ван*", или "*царь*", который, как уже объяснялось, носили императоры династии Чжоу. После этого военная, политическая и литературная деятельность при различных знатных королевских

дворах была очень велика, и, как бы ни сетовали литературные педанты того времени на упадок старых добрых времен, не приходится сомневаться, что жизнь теперь была гораздо разнообразнее, насыщеннее и интереснее, чем в сонные, респектабельные, патриархальные дни прежних времен. Период "Сражающегося государства", описанный в "Чан-Квох Цэ", или "Записях Сражающегося государства", является истинным периодом китайского рыцарства, или рыцаря-изгнанника.

ГЛАВА XXIV

КОРОЛИ И ВЕЛЬМОЖИ

Императоры династии Чжоу, официально пришедшей к власти в 1122 году до н. э., как мы видели, не принимали никакого другого титула, кроме вана, который обычно рассматривается европейцами как "король"; в современное время он применяется к правителям (которые до недавнего времени были) даннических государств, таких как Лочу, Аннам и Корея; к иностранным правителям (если они не настаивают на более высоком титуле); к маньчжурским и монгольским принцам крови и князьям-посредникам. Конфуций в своей истории сначала всегда называет императора при жизни *Тьен-ван*, или "небесный царь"; только в 583 году он использует старый термин *Тьен-цз*, или "Сын Неба", говоря о царствующем императоре. После смерти императора о нем говорят под его посмертным именем, например, У Ван, "Царь-воин", и так далее: эти посмертные имена были введены (в качестве регулярной системы) только династией Чжоу.

Монархи двух династий - Хиа (2205-1767) и Шан (1766-1123), предшествовавших династии Чжоу, а также несколько мифические правители, предшествовавшие этим двум династиям, назывались *Ти*, что в переводе на западный язык означает "император". На протяжении многих поколений японцы, чтобы лучше утвердить свой международный ранг по отношению к Китаю, использовали гибридное выражение "*государство Ти*", с помощью которого они пытались передать европейскую идею "империи" или государства, управляемого монархом, в некотором роде превосходящим простого короля, что является высшим титулом, который Китай когда-либо охотно давал иностранному принцу; этот королевский чиновник в ее глазах является или был почти синонимом "принца, приносящего дань". Любопытно, что это "собачье-китайское" (японское) выражение сегодня вновь вводится в китайскую политическую литературу вместе со многими другими мучительными сочетаниями, несколько европейских, но в основном японского производства, призванными обозначить такие западные идеи, как "исполнительная и законодательная", "конституционная", "министерская ответственность", "партия", "политические взгляды" и так далее. Но мы сами не должны забывать, имея дело с конкретным словом "императорский", что римляне впервые распространили военный титул *imperator* на постоянного держателя "командования" просто потому, что древнее и надменное слово "король" после изгнания королей рассматривалось с такой ревностью, Древнее и надменное слово "царь" после изгнания царей воспринималось жителями Рима с такой ревностью, что даже о Цезаре говорят, что он трижды отказывался от этого титула. Так и древнекитайское *Ти*, стоящее особняком, сначала применялось как к Шан Ти или "Богу", так и к его наместнику на Земле, Ти или Верховному Правителю китайского мира. Даже Лао-цзы (VI век до н. э.) в своей революционной философии рассматривает "царя" или "императора" как одну из нравственных сил природы, наравне с "небом", "землей" и "Дао (или Провидением)". Когда мы задумываемся о том, какими ничтожными "мирами" были ассирийский, египетский и греческий миры, мы вряд ли можем винить китайцев, которые, вероятно, обосновались в Хо

Нане так же давно, как западные правящие расы в Ассирии и Египте соответственно, за то, что они, единственные регистраторы событий среди окружающих низших, вообразили, что они и есть мир; и что беспорядочные племена, бесцельно бросающиеся со всех сторон на них, - это неостребованная окраина мира.

Неясно, почему династия Чжоу приняла новый титул "ван", который, похоже, не встречался ни в каком титульном значении до их воцарения: попытки китайцев дать этимологическое объяснение слишком грубы, чтобы их стоило обсуждать. Ни один феодальный китайский князь не осмеливался использовать его во времена *правления* Чжоу, и если полуварварские правители Цю, У и Ие делали это в своих владениях (как в недавние времена молчаливо разрешалось делать Хванг Ти, или "августейшему императору" Аннама), их федеральный титул в ортодоксальном Китае никогда не выходил за рамки виконтства. Когда в IV веке до н. э. все державы стали называть себя *ванами*, а незначительные императоры признали их таковыми, ситуация во многом напоминала ту, что сложилась в Европе, когда сначала местные цезари, бывшие "соратниками" Августа (или двух соперничавших Августов), заявили о своей независимости от слабого центрального Августа, а затем сами стали Августами в чистом виде, пока, наконец, единственным "римским императором", оставшимся в Риме, не стал император Германии.

Точно не известно, на каком основании при раздаче вотчин первыми императорами Чжоу одни из феодальных правителей, как объясняется в главе VII, стали герцогами, другие - маркизами, графами, виконтами и баронами. Конечно, эти переведенные термины - всего лишь упрощения, просто потому, что у китайцев было пять рангов, как и у нас. Создавая свою новую аристократию, японцы снова использовали пять старых китайских титулов, за исключением того, что по какой-то причине они называют герцога Ито и герцога Ямагату "принцами" на английском языке. В Китае на это влиял размер вотчин, в Японии - родословная феодалов, а в Японии - императорский род. Единственным государством, которым с самого начала управлял герцог по своему праву, был Сун, небольшое княжество в северных верховьях реки Хвай, соответствующее современному Квай-т&х-Фу: Вероятно, именно потому, что этот князь выполнял жертвенные и преемственные обязанности уничтоженной династии Шан, он получил необычный ранг; точно так же, как в гораздо более поздние времена семья Конфуция была единственной не-маньчжурской, обладавшей "герцогским", или, как японцы, кажется, придерживаются немецкого стиля, "княжеским" рангом. Но следует помнить, что императоры Чжоу имели в своем уделе императорских герцогов, точно так же, как кардиналы, или "князья церкви", столь же распространены в Риме, сколь скудны они среди духовно "феодальных" князей Европы; ведь феодалами они когда-то практически и были.

Маленькое государство Конфуция Лу было основано герцогом Чжоу, братом основателя, которого посмертно называли У-ван, или "Царь-воин": на протяжении многих поколений герцоги Лу, похоже, жили в метрополии или рядом с ней и помогали императорам советами на месте, а также периодически посещали и управляли своим далеким государством, которое отделяла от Сун река Сз и болота или озера, через которые протекала эта река. Однако Лу как государство имело лишь ранг маркизата, которым управлял маркиз.

Другим близким и влиятельным родственником основателя или "Царя-воина" был герцог Шао, получивший наследство в Ене (Пекинская равнина), чьи потомки, как и потомки герцога Чжоу, похоже, выполняли двойную работу в метрополии и в своем собственном феодальном уделе. В истории Конфуция почти ничего не говорится о международном статусе Ена, который был маленьким, слабым регионом, вклинившимся между Цинь и Цай, довольно изолированным и занятым цивилизацией различных татарских и корейских варваров; но он

должен был постепенно расти в богатстве и ресурсах, как и все другие китайские государства; поскольку, как мы видели в последней главе, графы Ена расцвели в королей в начале четвертого века до нашей эры, А философ Менций, давая советы царю Цзи, даже настоятельно рекомендовал ему начать войну с растущей державой Йен. Основатель Цы был главным советником основателя Чжоу, но не принадлежал к его фамилии; его предки - как и предки, на которых позже претендовали некоторые татарские правители Китая - восходят к одному из ультрамифических императоров Китая; Его потомки носили при династии Чоу титул маркиза и царствовали без перерыва, пока, как уже говорилось, семья Тсиен или Чен, происходящая из ортодоксального государства Чен, не узурпировала трон. Цинь всегда был могущественным и высокоцивилизованным государством; однажды, в 589 году до н. э., как упоминается в главе VI, его столица была осквернена Цинем, а в другой раз, столетие спустя, в страну вторгся властный царь У. После того как в 378 году до н. э. Цинь принял титул царя, двор Цзи стал довольно модным центром и местом отдыха литераторов, ученых и философов всех мастей, включая даосов.

Цинь, как и Цзи, имел ранг маркиза, и хотя его правящая семья иногда была в значительной степени пропитана татарской кровью в результате брака, это было не намного больше, чем иногда было в императорской семье. Китайцы никогда не возражали против татар как татар, за исключением тех, кто "распускает волосы", "застегивает пальто не на ту сторону" и не соблюдает ортодоксальные обряды; как только эти недостатки исправляются, они получают право на гражданство на равных условиях. В Китае никогда не возникало расового вопроса или вопроса о цвете кожи, возможно, потому, что кожа желтая, в какую бы сторону вы ни повернулись; но трудно представить себе, что африканские расы могут получить китайское гражданство.

Вэй было небольшим государством, лежащим между Желтой рекой, как сейчас, и той же рекой, как тогда: оно было отдано брату основателя династии Чжоу, и его подданные, как и подданные князя Сун, состояли в основном из остатков династии Шан; из этого обстоятельства можно заключить, что так называемые "династии", включая династию Чжоу, были просто различными правящими кланами одного и того же народа, очень похожего на различные еврейские племена, из которых колено Левия было самым "духовным": Эта особенность может объяснить всеобщую неготовность к отсечению жертв и разрушению гробниц, о чем мы слышим только от варваров, как, например, когда У разграбил столицу Цю. В главе XII мы видели, что царствующий герцог даже уважал, по крайней мере, некоторые жертвенные права изменника-подданного.

Важное государство ЧХНГ, лежащее к востоку от императорского заповедника, было основано только в IX веке до н. э. одним из сыновей тогдашнего императора; чтобы перебраться друг к другу, великие государства к северу и югу от ортодоксального ядра обычно должны были "просить дорогу" у ЧХНГ, территория которого, таким образом, стала излюбленным местом сражений; правителями были графы. Ц'ао (графы) и Ц'ай (маркизы) - небольшие государства к северу и югу от ЧХНГ, оба из императорской фамилии. Государством Ч'КН правили потомки императора Шуня, монарха, предшествовавшего династии Хиа, который, как уже говорилось, предположительно был похоронен в (современной) провинции Ху Нань, к югу от реки Ян-цзы: они были маркизами. Эти три последних государства всегда были предметом разногласий между Цинь и Цзу, с одной стороны, и между Цзи и Цзу - с другой. Остальные феодальные государства едва ли заслуживают особого упоминания как активные участники истории о том, как Китай прошел путь от феодализма к централизации; большинство их правителей были виконтами или

баронами по статусу и, похоже, были обязаны или, по крайней мере, должны были платить больше повинностей ближайшему крупному феодалу, чем непосредственно императору.

Независимо от ранга правителя, как только он получал посмертное имя (выражающее, в сдержанном стиле, его личный характер), он становился известен истории как "герцог такой-то и такой-то". Даже одного из Кольца Ц'у после смерти вежливо называли "герцог Чванг", потому что, будучи федеральным принцем, он удостоился любезного титула виконта.

Принцев или правителей, не обладающих ни одним из пяти рангов, если ортодоксальные суверенные принцы никогда не были столь малы, все равно посмертно называли "герцог X".

Поэтому западные писатели, описывая господина Конфуция и правителей других феодальных государств, часто говорят "герцог Лу" или "Цинь"; но это точная форма речи только в том случае, если она учитывает указанные выше оговорки.

ГЛАВА XXV

ВАССАЛЫ И ИМПЕРАТОР

Отношения, существовавшие между императором и феодальными князьями, лучше всего видны и понятны из конкретных случаев, связанных с взаимными отношениями. Всего у династии Чжоу было около 1800 номинальных вассалов, из которых 400 уже ждали у брода Желтой реки встречи, назначенной "Королем-воином"; таким образом, подавляющее большинство должно было существовать как таковое еще до прихода к власти семьи Чжоу; иными словами, они были вассалами династии Шан, а возможно, и далекой династии Хиа. Новый император конфисковал пятнадцать "братских" государств и еще сорок, носящих то же родовое имя, что и он сам: эти пятьдесят пять, предположительно, все были новыми государствами, пользовавшимися привилегиями *mesne-lord* или *semi-suzerain* над множеством незначительных княжеств; здесь также можно упомянуть, что это императорское родовое имя *Ki* было у всех сверхдревних императоров, начиная с 2700 года до н. э. и до начала правления. До начала правления династии Хиа в 2205 году до н. э. Завоеватель Чжоу даровал титулы всем достойным министрам и советникам, а также родственникам. Более отдаленные князья, которых они пожаловали, владели, помимо своих отдаленных сатрапий, деревней по соседству с императорским двором, где они проживали, как в гостинице или городском доме, во время придворных церемоний; особенно весной, когда, если мир был в покое, они должны были выразить свое формальное почтение императору. Дань, приносимая различными феодальными государствами, возможно, эвфемистически ассоциировалась с подношениями богам, видимо, на том же основании, что император смутно ассоциировался с Богом. Протекторы, когда императоры вырождались, всегда устраивали грандиозное шоу, наказывая или угрожая другим вассалам за то, что те пренебрегали почестями императора. Так, в 656 году Первый Протектор (Ц'и) обрушился с войной на Ц'у за то, что тот не отправил императору обычную дань в виде осоки, которая использовалась для осветления жертвенного вина. Ранее, в 663 году, после оказания помощи государству Йен в борьбе с татарами, Цы просил Йен "продолжать платить дань, как это делалось во время правления двух первых императоров Чжоу, и продолжать мудрое правление герцога Шао". В 581 году, когда притязания У росли в угрожающей степени, король У сказал: "Император жалуется мне, что ни одна *Ki* (*то есть* ни одно близкородственное государство) не приходит к нему на помощь и не посылает ему дань, и поэтому его величеству нечего предложить Императору Свыше, а также Призракам и Духам".

Земли, полученные в вассальную зависимость от императора, не могли или не должны были отчуждаться без императорской санкции. Так, в 711 году до н. э. два государства (оба из фамилии *Ki*, и, следовательно, оба такие, что должны были знать лучше) произвели обмен

территориями: одно отдало свою жилую деревню, или гостиницу, в столице, а другое - место, где император останавливался по пути в Цай, когда посещал гору Т'ай-шань, тогда, как и сейчас, священное место паломников в Шаньтуне. Даже император не мог в шутку отдать вотчину. Именно так второй император Чжоу передал родственнику (исчезнувшему или утраченному) вотчину Цинь. Но так же, как

Жрица Испании не смотрит на него сквозь фенек,

Так что император Китая не может шутить впустую. Внимательный писец, стоявший рядом, сказал: "Когда Сын Неба говорит, писец записывает его слова; они поются под музыку, и обряды исполняются". Когда в 665 году до н. э. Цы оттеснил татар от имени Ена, князь Ена сопровождал князя Цы обратно на территорию Цы. Цинский князь сразу же уступил Ену территорию, проторенную князем Ена, на том основании, что "только император может, сопровождая правящего князя, продвигаться за пределы своих владений". Это правило, вероятно, относится только к войне, поскольку феодальные князья часто ходили друг к другу в гости. Правило гласило: "Император никогда не может выйти за пределы", то есть он не может покинуть или оставить какую-либо часть Китая, ибо весь Китай принадлежит ему. Это похоже на наше "король не может сделать ничего плохого".

Таким образом, император не мог ни покинуть, ни войти на свою особую территорию, поскольку все территории его вассалов в равной степени принадлежат ему. Поэтому его "простое движение" или удовольствие делает императрицу, которая не нуждается в формальном приеме в свой отдельный удел. Если император выдает замуж дочь или сестру, он поручает правящему принцу из фамилии Ки "управлять" этим делом; поэтому и по сей день императорская принцесса называется только "управляемая государством". Феодальный принц должен пойти и поприветствовать свою жену, но император просто назначает одного из своих удельных герцогов сделать это за него. Точно так же эти герцоги отправляются с миссией передать вассалам благоволение императора. Так, в 651 году до н. э. император послал герцога, чтобы тот помог Цинь и Цай посадить на цинский трон одного из четырех братьев, рожденных татарами (см. главу X.). В 649 году два герцога (один из них был наследным герцогом Шао, который, как предполагается, происходил от того же предка, что и граф, правящий в далеком государстве Йен) были посланы, чтобы вручить Цину официальный патент и скипетр инвеституры. Согласно правилам, императорских посланников, проезжающих через вассальную территорию, должны были встречать на границе, кормить и размещать; но в 716 году тот факт, что Вэй напал на императорского посланника, направлявшегося в Лу, доказывает, насколько низко пало императорское могущество.

У великих держав, несомненно, почти у всех были группы вассалов и клиентов, и можно предположить, что 1800 человек, принадлежавших, по крайней мере номинально, императору, охватывали всех этих косвенных вассалов. Возможно, до наступления подлинно исторических времен все они лично являлись к императорскому двору; но после *дембеля* 771 года до н. э. император, похоже, был оставлен в суровом одиночестве всеми вассалами, которые осмелились это сделать. Уже в 704 году до н. э. упоминается о воссоединении вассальных Цю князей; а в 622 году Цю аннексировала область, называемую "шестью государствами", которые, по общему мнению, происходили из древнейшего министерского рода, поскольку осмелились вступить в союз с восточными варварами; это было, когда Цю прокладывала свой путь на восток, вниз от самых южных верховьев реки Хвай, на крайнем юге Хо Нань. В 684 году Цю впервые начала присоединять мелкие православные государства в (современной) провинции Ху Пэ, и очень скоро почти все, лежащие между рекой Хань и рекой Ян-цзы, были поглощены полуварварской державой. Отношения Цю с Китаем во

многом напоминали отношения Македонии с Грецией. Обе страны более или менее одинаково происходили от древних и несколько туманных пеласгов; но Македония, хотя и была пропитана частью греческой цивилизации, была более грубой и воинственной, с сильной примесью варварства. Цю никогда не была "подчинена" династии Чоу, за исключением тех случаев, когда это было нужно ей для достижения каких-то собственных целей. В 595 году Цю даже обращалась с Сун и Чэн (двумя федеральными государствами высшего ортодоксального императорского ранга) как со своими собственными вассалами, проводя через них армии, не спрашивая их разрешения. В качестве иллюстрации того, что было правильным, можно привести случай с Цинь в 632 году, когда цинская армия отправилась в карательную экспедицию против императорского кланового государства Цао; самый прямой путь пролегал через Вэй, но это государство отказалось пропустить цинскую армию; поэтому она была вынуждена пересечь Желтую реку в точке к югу от Вэй-хуэй-фу (как отмечено на современных картах), недалеко от столицы Вэй, мимо которой протекала Желтая река.

Лу, хотя само по себе было небольшим государством, в 697 г. и в 615 г. имело довольно большое число собственных вассалов; некоторые из них прямо называются "подчиненными странами", где ими управляли виконты и даже графы. Некоторые из этих подвассалов феодальных государств, похоже, с самого начала вообще не имели права прямого общения с императором; в таких случаях их называли фу-юн, или "адъюнк-функции", подобно клиентским колониям, присоединенным к колониальным *муниципалитетам* римлян. Протяженность фу-юн составляла всего около пятнадцати английских миль (согласно Менцию); и с 850 г. до н. э. по 771 г. до н. э. даже будущее великое государство Цинь было всего лишь фу-юн - не сказано, каким именно месным лордом. О Сунге четко сказано, что у него было несколько таких фу-юн. Ч'КН также приписывается сюзеренитет как минимум над двумя вассальными государствами. В 661 году Цинь присоединил к себе ряд ортодоксальных мелких государств, очевидно, с целью в конечном итоге захватить ту часть императорских владений, которая лежала к северу от Желтой реки (западнее Хо Нань); впоследствии она была получена путем "добровольной уступки". Слово "виконт", помимо того, что оно комплиментарно применялось к варварским "королям", когда они появлялись в Китае, имело еще одно особое применение. Когда ортодоксальный преемник находился в трауре, он не имел права сразу же использовать наследственный ранг, присвоенный его государству; поэтому, пока не закончились похороны предшественников, новых правителей Чэн и Цай называли "виконт" или "сын" (то же слово).

Император называл себя "Я, единственный человек", как испанцы "Yo, el Rey". Феодальные князья называли себя друг к другу или к министрам друг друга "Скудный человек". Министры, говоря (с иностранными министрами или принцами) о своем собственном принце, говорили: "Скудный принц"; о жене принца: "Скудный меньшой принц"; о своих собственных министрах: "Скудный министр". Вежливо было избегать второго лица при обращении к иностранному принцу, поэтому иностранные посланники, особенно желая не обидеть, часто называли его "ваше правительство". Все дипломатические формы были подчеркнута вежливыми; но такие фразы, как "наша мерзкая деревня" (наша страна), "ваше снисхождение к наставлениям" (ваши слова), "я не смею подчиняться вашим приказам" (мы не сделаем того, о чем вы просите), вероятно, не несут в себе больше смирения, чем термины наших собственных осторожно составленных дипломатических нот, каждый из которых, тем не менее, может оскорбить, если он грубо или небрежно выражен.

В некоторых случаях мелкий вассал не был ни подцарством, ни придатком другого более крупного вассала, а просто политическим прихвостнем; как, например, Гавайи были для

Соединенных Штатов, или Куба сейчас; или как Монако для Франции, Непал для Индии. Таким образом, Лу, усердно культивируя благосклонность Цзи, стал в 591 году своего рода приспешником Цзи; и, как мы уже видели, на мирной конференции 546 года приспешники двух соперничающих протекторов договорились оказывать "перекрестное почтение" протекторам друг друга. Похоже, было правилом, что подношения феодальных государств императору должны быть добровольными, по крайней мере по форме: например, в 697 году император или его представители выпросили у Лу дар колесниц, а в 618 году снова обратились за поставками золота; оба эти случая порицаются историками как недостойные. С другой стороны, комплиментарные подарки императора вассалам высоко ценились. Так, в 530 году, когда Цю начал осознавать свою способность к империи, было выдвинуто требование о получении Девяти Триодей и доли тех же почетных даров, которые были дарованы основателями Цюй, Цинь, Лу и Вэй в начале правления династии Чжоу. В 606 году Цю уже "интересовалась" при императорском дворе этими же Триодями, а 300 лет спустя (281 г. до н. э.), борясь с Цинь за господство в Китае, Цю пыталась добиться от государства Хань поддержки своего требования о Триодеях, которые в итоге достались Цинь; напомним, что князь Чжоу привез их в заложенную им столицу, но которая была занята императором только в 771 году до н. э.

В 632 году, после великой цинской победы над Цю, император "принял несколько цинских пленников", даровал Цину протекторат, уступил Цину ту часть императорской территории, о которой говорится на странице 53, и подарил цинскому правителю колесницу, красный лук с 1000 стрел, черный лук с 1000 стрел, кувшин с ароматным вином, нефритовый кубок с ручкой и 300 "тигровых" телохранителей. В 679 году, когда Старый Цинь был объединен с Новым Цинь (оба они были тогда крошечными княжествами), император уже принял ценную добычу от захвата Старого Цинь. Одним словом, император почти всегда вставал на сторону сильнейшего, принимал *свершившиеся факты* и брал то, что мог получить. Такова была обычная политика Китая и в более поздние времена.

ГЛАВА XXVI

ПЕРИОД БОЕВОГО СОСТОЯНИЯ

Период политического развития, охваченный историей Конфуция - целью которой, как следует помнить, было зачитать беспокойному веку ряд торжественных предупреждений - сразу же сменился самым активным и кровавым периодом в китайской летописи, периодом Сражающихся государств, или Шести стран; иногда их (включая Цинь) называли "Семью мужчинами", то есть Семью великими мужскими державами. В 424 г. до н. э. Цинь уже был практически поделен между тремя уцелевшими великими семьями из первоначальных одиннадцати; но эти три семьи - Нгвэй, Хань и Чао - не были признаны императором до 403 г.; они также не уничтожили законного правителя до 376 г., примерно через три года после прекращения жертвоприношений законных царей Цинь. Соответственно, мы слышим, что первоначальное название Цинь, или "три Цинь", все еще используется одновременно с названиями Хань, Нгвэй и Чао, как имя главного врага Цы на севере в течение некоторого времени после разделения на три части.

Великая соперница Цинь на западе, Цинь, теперь нашла себе занятие в расширении своей территории на юго-запад за счет Шу, обширного владения, соответствующего современному Сз Ч'вану, о котором ортодоксальный Китай до тех пор почти не слышал, но который, как потом выяснилось, имел трех царей и десять собственных "императоров", причем девять из них носили то же самое прозвище. Даже сейчас пороги и ущелья реки Ян-цзы образуют единственный большой торговый путь из Китая в Сз-Шань, и поэтому нетрудно понять, как в

древности племени "пещерных варваров" (чьи жилища все еще можно увидеть по всей этой огромной провинции) эффективно блокировали движение по таким вспомогательным горным дорогам, которые могли существовать тогда и существуют сейчас, для использования предприимчивыми лоточниками.

Китайские историки не ведут статистики, не делают фенских (немногочисленных?) замечаний об экономическом или народном развитии, не описывают народную жизнь и не делают общих размышлений об истории; они ограничиваются изложением лысых и обычно не связанных между собой фактов, имевших место в определенные даты, иногда описывают некоторые особенно героические или смелые индивидуальные действия, или даже зарисовывают личную внешность и поразительное поведение исключительно выдающегося царя, генерала или другой ведущей личности: Таким образом, мы почти не можем толком разобраться в причинах и следствиях, мотивах и последствиях; только тщательно собирая воедино и сопоставляя нагромождение отдельных событий, можно получить хоть какой-то общий итог: лес часто не виден из-за деревьев.

Но нет никаких сомнений в том, что население быстро увеличивалось; что были найдены более совершенные средства доставки накопленных запасов и снаряжения; что генералы научились быстро перебрасывать войска из одного пункта в другой; и что правители знали, как заинтересовать большое население в войне или заставить его принять в ней активное участие. Походы, дурбары и гигантские работы по строительству каналов, предпринятые варварским королем У, описанные в главе XXI, доказывают это на примере одной страны. Китайские государства всегда становились великими одним и тем же способом: сначала Кван-цзы развивал, по поручению своего господина Первого Протектора, торговлю, армию и сельское хозяйство Цзи. В то же время ему подражали герцог Му из Цинь и царь Чван из Цзу, оба правителя которых (седьмой век до н.э.) начали активно развивать свои ресурсы. Затем Цз-Ч'ан поднял Чэн до высокого уровня дипломатического влияния, если не военной мощи. Его друг Шу Хян сделал то же самое для Циня; и оба они были образцом для Конфуция в Лу, которому, кроме того, пришлось защищать интересы своего господина против политики философа Ен-цза из Цзи. После первого поражения от короля У варварский король Юэ несколько лет посвятил себя самой напряженной жизни, имея конечной целью накопление ресурсов для уничтожения У; интересные шаги, предпринятые им для увеличения численности населения, будут подробно описаны в одной из следующих глав. В 361 году, как мы уже объясняли в главе XXII., потомок Вэй отправился советником в Цинь, и в течение одного поколения после его прибытия вся картина дел изменилась в этом западном государстве, до сих пор столь изолированном; новое положение, с военной точки зрения, было почти точно таким же, как у Пруссии в период между тиранией первого Наполеона, вместе с унижением, испытанным от его рук, и терпеливым собиранием сил для последнего взрыва 1870 года, включающего сокрушение второго (царствующего) Наполеона.

Очень часто к четвертому веку до н. э. применяют термин "перпендикулярный и горизонтальный" период. То есть целью Ц'у было создать цепь союзов севера и юга, чтобы вместе с ее собственной силой оказать влияние на Ц'ин; а великой целью Ц'ин было, с другой стороны, создать аналогичную цепь союзов востока и запада, чтобы те же две силы оказать влияние на Ц'у. Целью и Цинь, и Цу было диктовать условия каждой части империи и в конечном итоге завладеть всей империей, используя другие державы лишь как когти, чтобы подцепить каштаны из печи. Ни одно другое государство не имело никаких сопернических притязаний, так как к этому времени Цин и Цзу действительно владели одной третьей частью Китая, как мы понимаем это сейчас, а другая треть была разделена между Цзи и тремя Цинами. В 343 году до н. э. император Чжоу провозгласил Цинь покровителем, а с

292 по 288 год до н. э. Цинь и Цю несколько лет носили древний титул *Ti* или "император" Запада и Востока соответственно: в 240 году император Чжоу даже отправился в Цинь, чтобы выразить там почтение. Цинь могла бы стать претендентом на вселенскую империю, если бы держалась вместе, а не разделилась на три части. Ен был слишком далеко на севере, хотя, что любопытно, Ен (Пекин) был политическим центром Северного Китая на протяжении 900 лет, а Цинь был слишком далеко на востоке. Кроме того, Ц'и был дискредитирован тем, что отрезал жертвоприношения законного дома. Теперь Цинь владела не только своими старыми вассалами, У и Ие, но и большей частью совершенно неизвестной территории вплоть до Южного моря, о которой никто, кроме самих цзиньцев, в то время не знал лишь голых местных названий; она имела к Цинь такое же отношение, как скандинавские племена к романизированным германцам. Ц'ин стала не только владелицей Шз Ч'вана - сначала как сюзерен-протектор, а не как прямой администратор, - но и распространила свою власть на юго-запад, к Иинь Нану и Тибету, а также далеко на северо-запад, в Тартар, но не дальше того места, где сейчас находится Великая стена. Именно в 318 году до н. э. мы впервые слышим название Хиун-ну (предки хуннов и тюрков), часть которых в том году вступила в союз с пятью другими китайскими державами, находившимися в то время в состоянии вооруженного противостояния угрожающему положению Цинь; должно было произойти нечто примечательное в Тартарланде, чтобы объяснить эту внезапную смену названия, Единственные остатки старого федерального Китая состояли примерно из десяти мелких государств, таких как Сун, Лу и др, расположенных между реками Сз и Хвай, и все они ждали, сложив руки, чтобы быть поглощенными на досуге тем или иным универсальным завоевателем.

В 364 году Цинь всерьез *вступила в войну* и начала свою карьеру с отсечения 60 000 голов "циньцев" (законные жертвы циньцев были отсечены в 376 году, поэтому "циньцы" должны означать "Нгвей" или ту часть старого Цинь, которая была сопредельна с Цинь); в 331 году, в битве с Нгвеем, было отсечено еще 80 000 голов. В 318 году упомянутая комбинация Хиун-Ну потеряла 82 000 голов; в 314 году Хань потеряла 10 000; в 312 году Ц'у потеряли 80 000; в 307 году Хань потеряли 60 000; и в 304 году Ц'у потеряли 80 000. В 293 году знаменитый циньский полководец Пхе К'и, оставивший после себя репутацию одного из величайших в истории Востока манипуляторов огромными армиями, в одном сражении срубил 240 000 ханьских голов; в 275 году - 40 000 нгуэйских голов; в 264 году - 50 000 ханьских голов. *"Enfin je vais me mesurer avec ce Vilainton"*, - сказал король Чао, когда два его западных друга - Хань и Нгвэй - были выбиты из колеи. В 260 году войска Чао постигло страшное горе; генералу Пхе К'и удалось полностью окружить их армию в 400 000 человек, он принял их капитуляцию, гарантировал им безопасность, а затем приступил к методичной резне всех до единого человека. В 257 году "Цинь" (предположительно Хань или Нгвэй) потеряла 6 000 убитыми и 20 000 утонувшими; в 256 году Хань потеряла 40 000 голов, в 247 году - последние 30 000, а в 256 году Чао - последние 90 000. Эти ужасные подробности были собраны из отдельных заявлений; но в них не может быть ошибки, так как историк Сз-ма Цьен, писавший в 100 г. до н. э., говорит: "Союзники с территорией, в десять раз превышающей владения Цинь, напрасно бросили против нее миллион человек; у нее всегда были наготове резервы, и от первого до последнего миллион трупов полегли в пыли".

В более древние времена не было даже намека на подобные сражения; как ни странно, не упоминаются и древние колесницы. Цинь, очевидно, уже несколько поколений практиковалась в сражениях с турками и татарами и начала понимать то, что в Китае понимали еще только наполовину, - преимущество маневрирования больших тел всадников; но, что любопытно, ничего не говорится и о лошадях, хотя все эти битвы, похоже, происходили на равнинных землях старого федерального Китая, пригодных для колесниц

или лошадей. Первое конкретное упоминание о масштабных кавалерийских маневрах относится к 198 году до н. э., когда новый император Китая Хань лично, с разрозненной армией в 320 000 человек, в основном пехотой, был окружен четырьмя корпусами всадников под предводительством верховного хана, в белых, серых, черных и каштановых дивизиях, насчитывавших в общей сложности 300 000 конников: его звали Мег-дун (? турецкий Багатур).

Пока все это происходило, конфуцианский философ Менций и два знаменитых дипломата (даосского толка) Су Цин и Чанг I мотались по всему ортодоксальному Китаю, давая мудрые политические советы; это было время, когда соперничающие даосские и конфуцианские пророки завывали в пустыне о войне и жадности: Но Цинь не слишком заботилась о болтунах: генералы лучше справлялись с ее практическими делами: в 308 году она начала бросать жадные взгляды на бедные остатки уделов императора. В 301 году она была призвана подавить восстание в Шу; затем она значительно уменьшила притязания своего великого соперника Ц'у; и, наконец, немного отдохнула, собирая силы для высшего усилия - завоевания Китая.

ГЛАВА XXVII

ЧУЖАЯ КРОВЬ

История Китая для наших целей может быть изложена следующим образом. Чистая китайская раса с незапамятных времен была ограничена равнинными землями Желтой реки и ее единственного притока на юге, реки Лох, татары владели большей частью левобережья от Пустыни до моря. Однако с начала действительно исторических времен китайцы безоговорочно владели долинами двух великих притоков Желтой реки на западе и севере - Вэй (в Шэнь Си) и Фэнь (в Шань Си). До завоеваний Цинь в других частях Тартарской области китайская колонизация проводилась мало, если вообще проводилась; в Шэ Ч'ване, насколько нам известно, ее не было; на побережье, за исключением, возможно, Цинь и Лу (в Шань Тун), оба государства, похоже, всегда были открыты для моря, хотя многие варварские племена побережья все еще требовали присоединения к Китаю. Продвижение китайской цивилизации шло сначала вниз по Желтой реке, затем по реке Хань к Среднему Ян-цзу, и, наконец, по каналам и сети рек Хвай к Шанхайскому побережью. Старые колонии китайцев за много веков до завоевания Китая династией Чжоу, очевидно, отправились покорять или примирять южные племена: эти авантюрные вожди, естественно, взяли с собой китайские идеи, но обычно находили более удобным для *собственной* безопасности и успеха полностью или частично перенимать варварские обычаи. Эти смешанные или полукитайские государства в судоходной долине Ян-цзы, от ущелий Ичэн до моря, в целом развивались в изоляции и безвестности и проявили себя как грозные конкуренты ортодоксальных китайцев только тогда, когда императорская власть начала разрушаться после 771 года до н. э. Изоляцию полуримской Британии в течение нескольких веков после первого римского завоевания и ухода последних римских легионов уместно сравнить с положением полукитайских государств. Цю, У и Юэ имели родословные, более или менее подлинные, соперничающие по древности с родословной императорской семьи Чжоу; и поэтому они не видели причин, почему бы и им не стремиться к владычеству, когда оно, казалось бы, становится не востребуемым. Даже ортодоксальные Цинь и Цзи на севере и северо-востоке были в некотором смысле колониальными расширениями, поскольку ими управляли новые семьи, назначенные туда династией Чоу в 1122 году до н.э., но эти два великих государства никогда не считались варварскими под властью Чжоу; и, действительно, некоторые из древнейших мифологических китайских императоров до династии Хиа имели свои столицы в Цинь и Лу, на реке Фэн и реке Сэ.

Нелегко определить точное количество "иностранщины" в Цю. Можно привести одно безошибочное некийтайское выражение, это *kou-u-du*, или "вскормленный тигрицей". И опять же, слог *nga* встречается фонетически во многих названиях и в местных личных именах, таких как *jo-nga*, *tu-nga*, *kia-nga*, *mo-nga*. В "Одах", отредактированных Конфуцием, нет песен цзу, а о музыке цзу исторически говорят, что она "южного звучания"; это может относиться, правда, к акценту, но также, возможно, и к странному языку. Название "Анналы", или история, в Цюй значительно отличается от терминов, используемых в Цинь и Лу, соответственно; а слово Цюй, обозначающее особую форму хромоты, или двигательную атаксию, как говорят, отличается от выражений, используемых в Вэй и Цай. Насколько это возможно, все достоинства Цю хранились в царской семье, и дядя царя обычно был премьером. Премьер Цю назывался *Цзин-инь*, термин, неизвестный в федеральном Китае; в Цю левая сторона считалась более почетной, чем правая, чего в то время не было в самом Китае, хотя сейчас это так. "Боро-английское" правило наследования в Цю состояло в том, чтобы передать его одному из младших сыновей; это утверждение в положительных выражениях повторяет Шу Хян, яркий государственный деятель Цинь, и будет проиллюстрировано далее, когда мы перейдем к рассмотрению этого вопроса специально. Правило Лу гласило: "Сын за отцом; или, если такового нет, то младший за старшим братом; если законный наследник умирает, то следующий сын от той же матери; если нет, то старший сын от любой матери; если претензии равны, то мудрейший; если равны мудрые, то бросают жребий": Правила Лу, вероятно, подходят для всего федерального Китая, потому что герцог Чоу, основатель Лу, был главной моральной силой в первоначальной администрации Чоу. В 587 году Лу, кокетничая между Цинь и Цю, в конце концов, был убежден не отказываться от Цинь ради Цю, "который не из нашей семьи, и никогда не может иметь никакой реальной привязанности". Однажды в Цине у одного из заключенных спросили: "Кто этот южанин?". Ему объяснили, что это человек из племени тсу. Затем ему вручили гитару и заставили спеть несколько "национальных песен". В 597 году посланник Цю на цинском военном дурбаре сказал: "Мой принц не создан для тонких и деликатных манер китайцев": вот явное свидетельство социального, если не этнологического раскола. У мужчин из Цинь были бороды, в то время как мужчины из У не были волосатыми: это утверждение доказывает, что два варварских народа различались между собой. В 635 г. царь Цю говорил о себе как о "невинном" и "царственном старике" - обозначения, присущие только варварам по китайскому ритуалу. В 880 г. до н. э., когда императорская власть уже ослабевала, а первый действительно исторический царь Цю начинал подчинять своей власти народы между Хань и Ян-цзы, он сказал: "Я варвар-дикарь, и меня не волнуют китайские титулы, прижизненные или посмертные". В 706 году, когда правящий король совершил свое первое завоевание мелкого китайского княжества (Северное Ху-Пе), он снова сказал: "Я варвар-дикарь; все вассалы бунтуют и нападают друг на друга; я хочу со своим скудным вооружением посмотреть, как управляет Чжоу, и получить более высокий титул". Получив отказ, он сказал: "Разве вы забыли, что мой предок оказывал услуги отцу основателя Чжоу?". Позже, как уже говорилось, он выдвинул претензию на Девять Триодей из-за услуг, которые его предок, "живя в лохмотьях в джунглях, подвергаясь непогоде", оказал самому основателю. В 637 году, когда будущий Второй протектор и правитель Цинь посетил Цю в качестве странника, царь Цю принял его со всеми гостеприимствами "по обрядам Чоу", что свидетельствует, по крайней мере, о попытке перенять китайскую цивилизацию. В 634 году Лу попросил помощи у Цю против Цзи, что было осуждено историческими критиками на том основании, что Цю было государством "варваров-дикарей". С другой стороны, к 560 году умирающий царь Цю восхвалялся как человек, успешно покоривший варваров-дикарей. Но в противовес этому, в 544 году правитель Лу снова выражает свое удовлетворение тем, что благополучно вернулся из своего визита в Цю, то есть из визита к такому безлюдному и

далекому двору. Таким образом, освобождение Цю от "дикости" было постепенным и имело неопределенную дату. В 489 году царь Цю отказался от жертвоприношения на Желтую реку, мотивируя это тем, что его предки никогда не заботились о чем-то за пределами долин Хань и Ян-цзы. Даже Конфуций (в то время он странствовал в мелком государстве Ч'КН) выразил свое восхищение по этому поводу и сказал: "Царь Цю - мудрец и понимает Великий Путь (дао)". С другой стороны, всего за пятьдесят лет до этого, когда в 538 году Цю, с одобрения Цинь, впервые попробовала свои силы в дурбаре, царь с ужасом узнал от суетливого камергера (очевидно, ортодоксального), что существует шесть различных способов приема гостей в зависимости от их ранга; так что ритуальный этикет Цю не мог быть очень долговечным. В следующем году (537) цинская принцесса была выдана замуж за Цю - явно ортодоксальное перо в шапке Цю. Конфуций использует особый стиль в своей истории, когда говорит о варварах; так, ортодоксальный принц "побеждает" варвара, но "сражается" с равным ему ортодоксальным. Однако в 525 году Цю и У "сражаются" вместе, комментатор объясняет, что Цю теперь "повышен" до боевого ранга, хотя строгое правило гласит, что два варвара, или Китай и один варвар, "бьются", а не "сражаются". В 591 году Конфуций уже объявил о "конце" царя Цю, но не как такового, а как федерального виконта. При обычных обстоятельствах "смерть" была бы вполне уместна: только когда речь идет о смерти собственного правителя, используется почетное слово "крах". Все эти тонкие различия и многие другие, подобные им, остаются в силе для современных китайцев. Эти (кажущиеся нам) детские градации в формулировках понижают всю книгу Конфуция, но мы должны помнить, что его неизбежно робкая цель состояла в том, чтобы "поговорить со злыми" и "намекнуть" на возмездие. Даже немецкий летописец не стал бы применять слово *haben* к королевскому акту готтентотского короля, для которого *hat* более чем достаточно, без *allergnädigst*. И все мы помним рассказ Бисмарка о том, как во Франкфурте относились к полосканиям для рта и чашам для пальцев те, кто был выше и ниже рангом безмятежного высочества. *Все пороки и все нравы достойны уважения.*

В 531 году варварский царь Ц'у удостоивается чести быть "названным" за соблазнение и убийство "правителя центральных царств". Педанты сильно переживают по этому поводу, но поскольку данный федеральный принц был отцеубийцей, у него был *lupinum caput*, и поэтому даже дикарь мог без оскорбления ортодоксальных чувств обрушить на него закон. С другой стороны, в 526 году, когда Ц'у соблазнил и убил простого варварского принца, честь "наречения" была упущена. Этот деликатный вопрос будет подробнее рассмотрен в главе "Имена".

Следует заметить, что ни одно из свидетельств, приведенных здесь для того, чтобы показать, что Ц'у в каком-то неопределенном смысле было некитайским государством, не является ни ясным, ни убедительным: их совокупный эффект, однако, определенно оставляет очень отчетливое впечатление, что "существовали глубокие различия как в расе, так и в манерах, хотя мы пока не можем сказать, была ли основная часть населения Ц'у аннамцами, шанами или сиамами; лоло или носу; мяо-цз, тибетцами или кем еще". На самом деле нет смысла пытаться продвинуться хоть на шаг дальше той точки, к которой нас привели конкретные свидетельства, как в этом, так и в других вопросах. Говорят, что ни одно великое открытие не было сделано без воображения, и это может быть правдой; но доказательства и воображение должны быть строго разделены. Мы можем надеяться, что, постепенно выясняя и просеивая определенные факты и данные, касающиеся древней китайской истории, мы, по крайней мере, не придем к неправильным положительным выводам, даже если правильные отрицательные выводы будут довольно четко обозначены. Лучше оставить невыясненные вопросы в подвешенном состоянии, чем основывать выводы на умозрительных подструктурах, которые не выдержат возложенного на них веса.

ГЛАВА XXVIII

БАРБАРИАНЦЫ

Страна У во многих отношениях даже более интересна в этнологическом плане, чем страна Цзу. Когда за поколение или два до завоевания Китая вассальным родом Чжоу двое сыновей правителя этого вассального княжества решили отказаться от прав наследования, они поселились среди дикарей Джунглей, остригли волосы, приняли местную одежду и сделали татуировки на теле; точнее, говорят, что старший из них прилично покрыл голову и тело, а младший остриг волосы, разделся догола и сделал татуировку на теле. Слова "дикари из джунглей" относятся к стране, позже названной Цю; но поскольку У, когда мы впервые слышим о ней, была подчиненной страной, принадлежащей Цю; и в любом случае слово "У" было неизвестно ортодоксальному Китаю, не говоря уже о крайнем западном Китае, в 1200 году до н. э., когда туда переселились братья-авантюристы; этот конкретный момент не должен беспокоить нас так сильно, как, кажется, он озадачил китайских критиков. Около 575 года первый действительно исторический царь У нанес визиты ко двору императора, ко двору своего сюзерена, царя Цю, и ко двору Лу: вероятно, система рек Хвай провела его в пределах измеримого расстояния от всех трех, так как верховья почти касаются притоков Хань, а тогдашняя столица Цю (современный Кинг-Тоу-Фу) была в контакте с рекой Хань. Приехав в Лу, он заметил: "В У мы умеем только завязывать волосы в узел; что мы можем сделать с такой прекрасной одеждой, как у вас?". Политика Цинь и других мелких федеральных князей заключалась в том, чтобы использовать У в качестве отвлекающего маневра против наступления Цю: очевидно, что к этому времени Цю начал серьезно считаться китайским федеральным государством, поскольку одна из влиятельных частных семей за трон и против трона в Лу выразила ужас, что "южные дикари (т. е. У) должны вторгнуться в страну". Так как, однако, варвар Цю отнял его сначала у ортодоксального Китая, то, возможно, в голове государственного деятеля вообще не было месного элемента Цю, а только изначальный элемент - Китай. Один из старых историков делает важное замечание о том, что язык и манеры У были такими же, как у Ии. В 483 г., когда притязания У на роль протектора были максимальными, жители Цзи использовали веревки длиной в восемь футов, чтобы связать некоторых пленников У, которых они взяли, "потому что их головы были обрезаны так близко": это заявление вряд ли согласуется с утверждением о "завязанных в узел волосах", если только *парик* или шиньон не были действительно очень короткими. Не так уж много исконно вуйских слов, кроме простого названия страны, которое звучит как *Keu-gu* или *Kou-gu*: под иностранным названием *chuh-lu* упоминается нож палача, который вручался людям, которые должны были совершить самоубийство, по примеру японского *харакири*. В 584 году до н. э., когда ортодоксальный Китай предпринял первые шаги по политическому использованию У, было сочтено необходимым, как мы видели, обучить народ У использованию боевых колесниц и луков и стрел: это важное заявление ясно указывает на предыдущую полную изоляцию У от китайской цивилизации. В 502 году Цинь отправил принцессу в качестве заложницы в У, а в конце выдал ее замуж за наследника У: (мы уже видели, как Цинь опередил Цзи на двадцать пять лет, оказав аналогичную честь Цю). Столетие или больше спустя, когда Менций консультировал воинственный двор Цы, он с негодованием упоминал об этом "варварском" поступке. В 544 году усский князь Ки-ча посетил Лу и другие ортодоксальные государства.

[Иллюстрация: Карта системы и долины реки Хвай]

1. Две линии, обозначенные на сайте..... на севере, - это (1) река Sz (ныне Большой канал), от места рождения Конфуция, и (2) река I (от современного города И-шуй к югу от

немецкой колонии). После впадения в I, Sz впадала в Hwai, выходя из озера Hung-t&h; но устье Hwai больше не существует; воды рассеиваются в каналах.

Таким образом, флоты У, приплывшие к Хваю, смогли проникнуть в самое сердце провинции Шаньтун с востока и запада.

2. Ян-цзы имел три ответвления: (1) северное, как и сейчас; (2) среднее, разветвляющееся у современного Уху, пересекающее озеро Тхай-ху и следующее по ручью Сухоу и реке Усунг мимо Шанхая; (3) южное, несущее часть вод Тай-ху по забытому маршруту (вероятно, по современному Большому каналу) до окрестностей Ханьчжоу.

3. Три креста [Изображение: круг с буквой "X"] обозначают столицы У (соответственно, около Ву-си и Сучжоу) и Ии (около Шао-хин). Современный канал от Ханьчжоу до Шаньтун четко обозначен. Ортодоксальный Китай совершенно ничего не знал о провинциях Чех Кианг, Фух Киен или Кианг Си к югу от широты 300].

Признавая этот цивилизованный шаг древней семьи, Конфуций в своей истории присваивает королю У звание "виконта", но не называет Ки-ча комплиментарным титулом Ки Кун-цз, или "Ки, сын царствующего принца"; То есть титул короля, присвоенный таким образом задним числом, является лишь "титулом вежливости" и не несет в себе посмертного имени, а вместе с ним и посмертного титула Кун, или "герцог", применяемого ко всем цивилизованным правителям. Тем не менее очевидно, что правящая каста Ву считала себя выше окружающих племен, поскольку в 493 году она заявила: "Мы здесь, в У, полностью окружены дикарями"; а в 481 году сам император отправил через Цинь послание в У, сказав: "Я знаю, что вы сейчас заняты дикарями, которые у вас под рукой". В 482 году, когда ортодоксальные князья Сун, Вэй и Лу удерживались от союза с У, князь Вэй был задержан усским генералом, но сбежал и принялся за работу по изучению уского языка. Мотив не важен, но интересно четкое утверждение об ином языке или, по крайней мере, диалекте, настолько отличном, что он требует специального изучения. Когда Ки-ча находился в путешествии, он объяснил своим друзьям, что закон наследования таков: "По обряду старшему, как установлено нашими предками и обычаями страны". В 502 году царь У был смущен своим преемником, характер которого ему не нравился, Его советник (беженец из Цу) сказал: "Порядок в государстве прекращается, если прерывается преемственность; по древнему закону сын должен стать преемником умершего отца". Таким образом, похоже, что древние правила Чжоу были перенесены в У первыми колонистами в 1200 г. до н. э., и что законы престолонаследия отличались от законов Цзу. Сын Ки-ча умер во время его путешествия, и Конфуций, как сообщается, сказал: "Это человек, который понимает обряды; давайте посмотрим, что он сделает". Ки-ча обнажил левую руку и плечо, трижды обошел вокруг могилы и сказал: "Плоть и кости верните в землю, как подобает; что касается души, то пусть она идет куда хочет!" Этот язык был одобрен Конфуцием, который сам всегда отказывался от догматики в отношении смерти и духов, утверждая, что люди слишком мало знают о себе, пока живут, чтобы быть оправданными в поисках фактов о мертвых. На первый взгляд кажется странным, что в такой варварской стране, как У, вдруг появился ученый принц, который сразу же пленил своей культурой Ен-цза из Цзи, Конфуция из Лу, Цз-чжана из Чэн, К'у-пех-ю из Вэй, Шу-хиана из Цинь и, в общем, всех выдающихся государственных деятелей Китая; Но если мы подумаем, что в течение полувека величайшие морские, военные и научные гении были созданы по западным образцам в Японии (как мы скоро увидим, в некотором роде связанной с У), то, по крайней мере, мы найдем хорошие современные параллели для этого явления.

Когда У, после ряда кровопролитных войн с Цю и Ие, в 473 году был окончательно уничтожен последней державой, часть семьи короля У бежала на лодках в восточном направлении. В это время Япония не только не была известна Китаю под этим названием, но и вообще не была известна ни под каким названием. Только через 150 лет могущественные государства Ень и Цзи, которые, грубо говоря, делили между собой восточную часть современной провинции Чи Ли, северную часть Шань Тун и все побережье залива Печли, начали смутно говорить о каких-то таинственных и прекрасных островах, лежащих в море к востоку. Когда император Первого августа завоевал Китай, он совершил несколько поездок на мыс Шань-тун, к месту бывшей столицы юэхов (современный Киао-Чоу), к договорному порту Чефу (где он оставил надпись), к перевалу Шан-хай-Кван и в окрестности Нинпо. До него также доходили слухи об этих таинственных островах, поэтому он отправил лекаря из своего штаба с несколькими молодыми людьми, чтобы навести справки и, по возможности, колонизировать это место. Они привезли абсурдные истории о чудовищных рыбах, которые мешали им высадиться, и сообщили, что этих рыб можно отпугнуть, только нанеся на тело татуировку, как это делают туземцы. Утверждалось, что жители Ву, которые были большими рыбаками и мореплавателями, также предавались всеобщему татуированию, потому что хотели отпугнуть опасных рыб. Первая миссия из Японии, в то время представлявшей собой скопление мелких государств, совершенно не знавших письменности и записей, прибыла в Китай в первом веке нашей эры; она была отправлена не центральным королем, а лишь одним из островных князей. Более поздние посольства из Японии и в Японию свидетельствуют о том, что сами японцы имели предания о своем происхождении как от древних китайских императоров, так и от основателя У, то есть от принца Чжоу, отправившегося туда в 1200 году до н.э.; о медицинской миссии, посланной императором Первого Августа; о бегстве из У в 473 году до н.э. части королевской семьи У в Японию; и о других подобных случаях - все это, очевидно, свидетельствует о том, что беженцы из У действительно достигли Японии; что между Японией, Цзи и У, вероятно, существовали очень ранние морские сношения; и что, в дополнение к заявлениям более поздних китайских историков о том, что японцы считали себя каким-то образом наследственно связанными с У, ранние японские традиции и истории (подлинные или выдуманные) сами по себе повторяют эту историю. В одной из поздних китайских историй о Ву говорится следующее: "Часть царской семьи бежала и основала царство Во" (древнее название японской расы): соблазн связать это слово с Ву очевиден; но этимология не потерпит такого отождествления ни с китайской, ни с японской точки зрения; этимологические "значения" - это Уа и Гу соответственно.

Как и в случае с Цю, нет никаких действительно достоверных свидетельств того, из какой расы или рас и в каких пропорциях состояла основная часть населения У; тем более нет никаких конкретных свидетельств того, к какой расе принадлежал царь-варвар, покончивший с собой в 473 году, или были ли те из его семьи, кто спасся, полностью или частично китайцами, или существовало ли вообще чистое происхождение в царских кругах, начиная, так сказать, с древних колонистов императорской семьи Чжоу в 1200 году до н.э.

Что касается чисто китайских традиций и истории, то совокупные свидетельства, какими они являются, нуждаются в тщательном просеивании и, возможно, заслуживают более тщательного изучения; что же касается японских традиций и ранней "истории", то они, как

признают сами японцы, были собраны в письменном виде лишь задним числом в восьмом веке нашей эры, И на протяжении всего времени они демонстрируют признаки того, что были намеренно состряпаны по китайскому образцу; то есть китайские исторические происшествия и фразеология включены в повествование о предполагаемых японских событиях, а японские императоры или императрицы (по общему признанию) наделены посмертными именами, в основном скопированными с китайских посмертных имен. Сами по себе они почти бесполезны для определения конкретных дат и идентификации политических событий; и даже если рассматривать их как вспомогательные по отношению к современным китайским свидетельствам, за исключением тех случаев, когда некоторые китайские опечатки или ошибки могут быть более четко указаны в сравнении с ними, они кажутся одинаково бесполезными для подтверждения, проверки, изменения или противоречия китайским рассказам, которые, действительно, являются абсолютно единственным достоверным письменным свидетельством, которым располагаем мы или сами японцы о реальном положении японцев 2000 лет назад.

Между тем, что касается Ву, все, что мы можем сказать с уверенностью, это то, что существует упорный слух или традиция, что некоторые из его королевских беженцев (сами неизвестной расы), которые бежали на лодках на восток, возможно, добрались до Японии; возможно, им удалось "навязать себя" народу или части народа (сами смешанной расы неопределенного происхождения); и возможно, они спокойно и неофициально внедрили китайские слова, идеи и методы, за несколько веков до того, как между Японией и Китаем установился официальный контакт.

ГЛАВА XXIX

ЛЮБОПЫТНЫЕ ОБЫЧАИ

Делая акцент на варварском или полуварварском характере государств (в наши дни все они считаются чисто китайскими), которые окружали федеральную территорию даже в такой поздний период, как 771 год до н.э., мы хотим подчеркнуть момент, который до сих пор не прояснен, возможно, даже не раскрыт самими китайцами, их критиками, а именно: очень маленькое и скромное начало цивилизованной патриархальной федерации, называемой Центральным царством, или *Чу Хиа* - "Все Хиа", как мы говорим "Вся Россия".

Распределяя приоритет между различными государствами, исторические редакторы, конечно же, всегда ставят императора первым в порядке упоминания; затем идет CH'ENG, первым правителем которого был сын императора из правящего в то время императорского дома; Далее следуют три протектора Ц'и, Цинь и Сун; затем мелкие государства Вэй, Ц'ай, Ц'ао и Т'нг, все из императорской фамилии, или, как мы говорим по-английски, "фамилии", и все лежащие между системами Хвай и Шз (Т'нг был "государством, принадлежащим" Лу). Затем идут полдюжины мелких ортодоксальных государств с менее почетными фамилиями; далее - три восточных варварских государства, которые стали "Центральным царством" или которые, будучи настоящими китайцами, стали наполовину варварами; и, наконец, Ц'у, Ц'ин, У и Иие, которые откровенно, хотя и неопределенно, назывались "внешними варварами-татарами".

Уже было показано, что существуют доказательства, пусть и несовершенные, свидетельствующие о том, что основная масса населения Цю и У имела явно иностранное происхождение. Даже в отношении Цы, которое всегда считалось ортодоксальным княжеством, говорится, что основатель, отправленный туда в 1100 году до н. э., "соответствовал нравам этого места и поощрял мануфактуры, торговлю, соляной и рыбный промыслы". С другой стороны, сын герцога Чжоу (первого вассального принца, назначенного

его братом-императором) изменил обычаи Лу, модифицировал местные обряды и побудил людей носить траурные одежды в течение трех полных лет. Считалось, что политика Цзи была более мудрой из двух, и было предсказано, что Лу всегда будет "смотреть вверх" на Цзи в связи с этим высшим суждением со стороны Цзи. В частых случаях мелкие прилегающие "китаизированные" государства, в которых Лу был практически господином, как утверждается, были "запятнаны восточными варварскими обрядами". Начиная с современного Сюй-чжоу (Северный Кианг-Су) и восточнее, все были "восточными варварами"; фактически, только что названный город (упоминаемый под именем Сюй в 1100 г. до н.э. и еще раз около 950 г. до н.э. как восставший против императора) увековечивает страну "варваров Сюй", которая долгое время была костью раздора между Цзи и Цзу, а затем У; а название "дикари Хвай" доказывает, что долина Нижней Хвай также была независимой. Дикари Хвай, которые фигурируют в "Дань Юю", основателя династии Хиа, 2205 г. до н.э., восстали 1000 лет спустя против основателей династии Чоу. Они присутствовали на первом дурбаре Цю в 538 году до н.э. и упоминаются как варвары, все еще сопротивляющиеся китайским методам, в 970 году н.э. Во времена Конфуция варвары Лай (современный Лай-Тоу-Фу в Германии) были наняты Цы, завоевавшим их в 567 году до н. э., чтобы попытаться совершить убийство учителя Конфуция. За шестьсот лет до этого те же варвары одними из первых подчинились основателю Цзи, а в 602 г. до н. э. и Цзи, и Лу попытались их сокрушить.

Что касается государства Цин, то не приводится ни одного случая литературной беседы или переписки ортодоксального сановника с государственным деятелем Цин. Хотя еще не совсем ясно, сможет ли ортодоксальный Китай полностью избавиться от упрека в человеческих жертвоприношениях во всех смыслах, совершенно точно, что Цинь имела варварскую и исключительную славу в этом отношении"; и, поскольку татары Хиун-Ну также практиковали это, а Цинь была по крайней мере наполовину татаркой по крови, вполне вероятно, что она черпала свои кровавые представления из этой кровной связи с тюрко-скифскими племенами. После смерти правителя Цинь в 678 году до н. э. были совершены первые зафиксированные человеческие жертвоприношения: "шестьдесят шесть человек последовали за мертвым". В 621 году, после смерти прославленного герцога Му, погибло 177 человек, а жители Цинь в знак сожаления "сочинили оду Желтой птице" (об этих популярных китайских одах будет рассказано далее). Эта гибель была названа одной из причин, по которой Цинь никогда не сможет "править на Востоке", *то есть* взять под протекторат православные державы, лежащие к востоку от него, из-за этого жестокого недостатка в его законах. В 387 году до н. э. новый граф Цинь (который стал преемником племянника, а потому мог, не имея отцовского долга, ввести новшество подешевле) отменил принцип человеческих жертвоприношений при смерти правителя. Десять лет спустя астролог императора нанес визит в Цинь - свидетельство того, что имперское цивилизующее влияние все еще, по крайней мере, в моральном плане, активно. Этот астролог и историограф, которого звали Тан, интересен тем, что его путают с Ли Таном (личное имя философа Лао-цзы, который также был имперским чиновником, работавшим в историографическом департаменте). Добавим, что до этого визита в течение пятисот лет Цинь и Чжоу держались в стороне друг от друга. Несмотря на запрет на человеческие жертвоприношения, когда в 210 году до н. э. умер первый августейший император Вселенского Китая, старый обычай Цинь был восстановлен, и все его женщины, не родившие детей, были похоронены вместе с ним. Кроме того, все рабочие, которые делали тайную дверь и проход к его могиле, были заживо зацементированы, чтобы они никогда не раскрыли тайну подходов к ней.

Только постепенно переняв китайскую цивилизацию, Цинь стали представлять собой значительную силу; так, когда Ки-ча из У развлекали в Лу образцами различных музыкальных стилей, он заметил, когда ему показали музыку Цинь: "Ах! Цивилизованные звуки; они

преуспели в совершенствовании; они занимают старый удел Чоу". В 361 году до н. э., когда Нгвэй (одно из трех царских подразделений старого Циня) построил стену, чтобы отгородиться от Цинь, и Нгвэй, и Цу (который к этому времени был таким же ортодоксальным китайцем, как и любое другое государство) относились к Цинь так, как будто последняя все еще была варваром. В 326 году Цинь впервые ввела в своем царстве хорошо известные жертвоприношения в конце года, характерные для ортодоксального Китая, и один этот факт указывает на длительную изоляцию Цинь до этой даты.

Судя по всему, правила наследования в Ц'ине в свое время были татарскими. Герцог Мух в 660 году до н. э. стал преемником своего брата, хотя у того было семь собственных сыновей: этот брат также стал преемником брата.

Что касается Юэ, то нет никаких сомнений в его варварстве, хотя один-единственный король, вокруг имени которого сосредоточена вся слава Ииэ (Коу-Циен, 496-475 гг.), кажется, был человеком больших способностей и тонких чувств. Как сказано в главе VII, туземное название Йиех было *Юй-юэ*, и, вероятно, все побережье Китая вплоть до Тонкина, или Северного Аннама, было тогда населено однокоренными племенами, в названиях которых присутствовал слог *Юэ*, или *Viet*. Великая империя или королевство Йиех, основанное на руинах Ву, вскоре распалось на "Сто Йиех", то есть (вероятно) скатилось к своему исконному варварству и перестало объединяться как политический фактор. "Южный Юэ" (район Кантона) имеет несомненные исторические связи с тонкинской частью Аннама, а некоторые другие подразделения Ииех, соответствующие Фучоу, Вэньчоу и т.д., обнаруживают явные следы принадлежности к той же расе. Но небезопасно говорить о том, как произносилось название *Yi-yiieh* в китайской транскрипции; еще более небезопасно утверждать, что оно должно было быть *U* или *O-viêt* только потому, что аннамцы так произносят это слово сейчас. Мы видели, что, согласно одному историческому утверждению, народ У и народ Ииех говорили на одном языке; в таком случае члены правящей касты У, бежавшие в Японию в 473 году до н. э., вероятно, не принадлежали к той же расе, что и окружавшие их "дикари". В 481 году царь У в качестве акта бравады заставил пятерых осужденных центурионов перерезать себе горло перед цинским посланником, чтобы показать, какую суровую дисциплину он поддерживает. В 484 году царь Ии уже совершил подобный акт бравады; но ни в одном из этих варварских государств нет четких сведений о том, что они предавались человеческим жертвоприношениям после смерти государя. Перед тем как Ииех разгромил У, в 473 году до н. э. Ииех был почти уничтожен У, и по этому случаю посланник Коу-Циена полз на коленях, чтобы просить пощады; вряд ли это можно считать ортодоксальным китайским обычаем. Каким бы варварским ни был Ииех, его правящий дом обладал традициями происхождения через наложницу от императора династии Хиа; по этой причине основатель был конфискован вблизи современного Шао-Хинга, к западу от Нинпо, чтобы совершать жертвоприношения основателю династии Хиа, который, как предполагается, был и остается похороненным там: Как и первые колонисты, переселившиеся в У, он обреза́л волосы, сделал себе татуировку, открыл джунгли и построил город. В 330 г. до н. э. потомок Коу-цзя говорил о том, что нужно "идти по левой дороге в *Чу-хиа*", через современную провинцию Хо Нань; это значит идти по большой дороге в сам Китай. Этот термин возник в те времена, когда Ц'у еще не стал признанным "Хиа". Тот факт, что Юэ с новой столицей в Шаньтуне никогда не могла управлять внутренними районами Ян-цзы и Хвай, кажется, доказывает, что ее власть всегда была исключительно водной, и что она была сравнительно невежественна в сухопутных кампаниях.

ГЛАВА XXX

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВЯЗИ

Поучительно узнать, каковы были литературные отношения между выдающимися государственными деятелями и активными принцами, которые совершенно свободно передвигались по ограниченной территории, столь часто упоминаемой на предыдущих страницах как священная для цивилизации и обрядов. Есть все основания полагать, что литературная деятельность, которая так возмутила уничтожителя книг в 213 году до н. э., началась только после смерти Конфуция в 479 году; более того, лавина философских трудов, захлестнувшая королевские дворы Шести царств, отчасти была следствием литературных усилий самого Конфуция. В доконфуцианские времена почти нет свидетельств существования какой-либо литературы, кроме "Оды", "Перемен", "Книги" и "Обрядов", которые, по прошествии 2500 лет или более, все еще являются "Библией" Китая. Оды, из которых 3000 были широко известны до переложения Конфуцием, по-видимому, первоначально сочинялись то тут, то там и передавались из уст в уста жителями каждого ортодоксального государства под влиянием сильной страсти, чувства или страдания; или некоторые из них могли быть даже записаны учеными людьми, общавшимися с народом. Естественно, что те песни, которые специально касались местных вопросов, были популярны на местах; но, по-видимому, большое их количество должно было быть известно наизусть всему образованному населению православного Китая. Следует помнить, что в 1900 году предприимчивый корреспондент американской газеты воспользовался склонностью президента Крюгера к цитированию Писания и ежедневно передавал ему по телеграфу тексты, выбранные в соответствии с событием, причем ответы на них всегда были предоплачены. Например, получив известие о победе британцев, американец телеграфировал: "Победа не всегда остается за праведниками"; на что президент Крюгер незамедлительно отвечал: "И все же я буду поражать его до конца". Именно такого плана придерживались китайские посланники, государственные деятели и принцы в общении друг с другом: какое бы событие ни происходило, Ки-ча, Цз-чань или Шу-хианг иллюстрировали его одой, или ссылкой на "Книгу" (истории), или обращением к обрядам Чжоу, или каким-то непонятным астрологическим или космогоническим разработкам, извлеченным из мистических диаграмм "Перемен". Как правило, цитаты, приведенные из "Оды" и "Книги", уже не встречаются в дошедших до нас изданиях этих двух классических произведений. Этот факт интересен как доказательство того, что *"Цо Чван"* - или "Комментарий" ученика Конфуция Цо Кью-мина к голым историческим заметкам самого Конфуция - должен был быть написан до того, как в "Книге од" Конфуция сократили и исправили количество избранных песен; или, во всяком случае, записи, из которых Цо Кью-мин взял свои цитаты, должны были существовать до того, как он или Конфуций составили свои соответствующие летописи и комментарии. В те времена, когда книга размером с трехтомный роман современности означала бы груз бамбуковых щепок или деревянных дощечек, нелепо предполагать, что генералы в поле или посланники в походе могли носить с собой свои оды: даже вероятно, что четыре "священные" книги, о которых идет речь, были записаны исключительно на память широкой публикой, и в любом государстве существовало не более полудюжины лакированных копий, а возможно, и не более одного экземпляра. По сути, единственным доступным литературным развлечением, которое в то время было открыто для культурных друзей, была проверка памяти при посещении чужих земель путем сравнения текстов "Оды", "Перемен" или "Книги". Знание обрядов, возможно, почти полностью ограничивалось правящими классами, поскольку именно они должны были произносить религиозные, ритуальные, социальные или административные санкции, применимые к каждому спорному обстоятельству. Это очень похоже на то, как если бы - как это действительно было во времена

Джонсона - французские, английские и немецкие умы того времени, а иногда и выдающиеся литературные образцы из еще более "варварских" стран, на литературной конференции предавались бы цитатам из Горация или Ювенала, чтобы скоротать время: они не выбрали бы Двенадцать таблиц или Законы Пртора в качестве предмета для проверки знаний.

Приведем несколько примеров. В 559 году правитель Вэй жестоко избил своего придворного музыкального мастера за то, что тот не научил наложницу играть на лютне. Однажды принц пригласил на обед государственных деятелей, отец одного из которых обиделся на грубость принца, и приказал тому же музыканту напеть последнюю строфу некой оды, намекающей на измену, что злонамеренный исполнитель и сделал, чтобы еще больше обидеть отца через его сына и привести к свержению неосторожного принца с престола. Уверенности в правдивости этих анекдотов придает тот факт, что оскорбленный отец советовался с К'у-пех-юем о том, как ему поступить. Этот вэйский государственный деятель, который уже дважды упоминался в связи с другими вопросами, встречался с Ки-ча из У, когда последний посетил это государство в 544 году, а также был восхищенным старшим знакомым самого Конфуция, у которого он дважды останавливался на долгие месяцы. Три главы "Книги" до сих пор сохранились после манипуляций Конфуция, чтобы доказать, как Вэй был впервые конфискован князем Чжоу, а одна из од на самом деле воспекает хвалу царевне Цзи, которая вышла замуж за князя Вэя в 753 году до н. э. Таким образом, мы видим, что древние классики переплетаются и взаимно подтверждают друг друга.

Когда в 644 году до н. э. Второй Протектор (последний из четырех братьев-татар, унаследовавших цинский престол) отправился в странствия, маркиз Цзи подарил ему дочь, которой он так увлекся, что казалось, он пренебрегает своими политическими шансами среди удовольствий чужой страны, вместо того чтобы попытаться вернуть себе законный трон на родине. Эта принцесса, во-первых, процитировала оду из группы, трактующей о делах ЧКНГ, а во-вторых, привела меткое изречение из того, что она "слышала" от великого философа Кван-цзы, и ее цель заключалась в том, чтобы способствовать политическим интересам своего живого мужа. Все это произошло через несколько лет после смерти Кван-цзы и через 200 лет после основания государства Чанг, и поэтому является косвенным подтверждением того, что Кван-цзы уже был известным авторитетом, и что о современных делах обычно "пели" во всех ортодоксальных государствах.

Когда после смерти в 628 году до н.э. сунского герцога после смерти в 628 году до н. э. только что упомянутой живописной личности, он вознамерился стать третьим защитником ортодоксального Китая и императора; предок Конфуция, тогдашний государственный деятель Сун, одобрил это стремление и сочинил несколько хвалебных жертвенных од династии Шан (от которой происходил герцогский род Сун): некоторые ученые критики утверждают, что именно музыкальный мастер императора действительно сочинил эти оды для предка Конфуция. В любом случае, оды сохранились в "Книге од" в редакции самого Конфуция примерно 150 лет спустя; и, соответственно, здесь мы имеем конкретное косвенное доказательство происхождения самого Конфуция, "духовной" власти, которой все еще обладал императорский двор, и политического использования од в международной жизни того времени, подобно "поэту-лауреату". Этот глупый герцог Сун, который так хотел изобразить из себя защитника, был тем самым, о котором уже говорилось в главах X. и XIV. и который не стал бы нападать на врага, переплывая ручей.

Опять же, в 651 году, когда один из наименее популярных четырех братьев, родившихся в Тартаре, при содействии правителя Цинь (который был слишком убедителен против своего собственного мнения) правил в Цинь, дети этого последнего государства пели на улицах балладу, пророчащую конечный успех самоотверженного старшего брата, который тогда

еще находился в своих скитаниях в Тартарской стране. Эта песня, очевидно, никогда не входила в число 3000 од, широко известных в Китае; но она иллюстрирует, как создавались и увековечивались такие популярные песни и популярные герои. - Возможно, настало время назвать личное имя этого популярного принца, о котором мы так часто говорили и который так же хорошо известен китайской традиции, как суровый Брут или восхитительный Тарквин в древнеримской истории. Его звали Ch'ung-êrh, или "двуухий", в связи с некоторой особенностью мочеков его ушей; кроме того, считалось, что два его ребра соединены в одно целое: его большой успех, возможно, во многом объясняется его крепкой и мужественной внешностью, которая, несомненно, обеспечивала ему горячее внимание дам, будь то турчанки или китайки. Его турецкая жена так же бескорыстно заботилась о его успехе до того, как он отправился в Цин, как и его цинская жена, когда она побудила его покинуть эту страну. По прибытии в Цинь ему подарили пять принцесс, в том числе одну, которая уже была отдана его племяннику и непосредственному предшественнику в Цинь. Конечно, "обряды" здесь были явно неправильными, но его союзник Цинь в это время колебался между китайской и татарской культурой, и в любом случае его, вероятно, убедили в том, что обряды должны быть соблюдены ради неотложных политических целей. По этому случаю его шурин и верный приспешник на протяжении девятнадцати лет странствий пел "песню оплодотворенного проса" (существует до сих пор), имея в виду, что Ч'ун-эр был прекрасным молодым стеблем, оплодотворенным подарками и помощью правителя Цинь: он, кстати, был уже не так молод, ему тогда было далеко за шестьдесят. Он женился на младшей из двух сестер-татарок, а ее старшую отдал в жены приспешнику, о котором идет речь. (В одном из рассказов порядок изменен на противоположный).

[Иллюстрация: Оригинальная надпись на жертвенном треножнике вместе с (1) транскрипцией современным китайским иероглифом (справа) и (2) рассказом о ее истории (слева). Взято из книги доктора Бушелла "Китайское искусство"].

Судя по всему, Цю уже очень рано обладал знаниями древней истории и литературы. В 597 году до н. э., после победы над Цинем, царь Цу, как уже говорилось, отказался воздвигнуть курган над трупами убитых и сказал: "Нет! Письменный или пиктографический иероглиф "солдатский" состоит из двух частей, одна из которых означает "остановка", а другая - "оружие"". Этим он хотел сказать, что великий философ Лао-цзы, который сам был человеком из племени цзу, снова и снова внушал, что настоящий солдат не славится на войне, а скорбно стремится к победе с единственной целью - достичь законных целей. Этот полуварварский царь не только смог сделать каламбур, который с точки зрения пиктографии не утратил своей актуальности и по сей день, но в той же речи он приводит в пример "миролюбивую войну" У Вана, или Боевого царя, основателя династии Чоу, и цитирует несколько стандартных од в связи с ней.

Эти примеры можно было бы умножить во сто крат. Например, в 589 году министр Цю цитирует "Оды"; в 575 году цинский офицер цитирует "Книгу"; в 569 г. другой ссылается на древнюю попытку правителя вассального государства Чжоу, отца основателя императорской династии Чжоу, который в то же время был советником при императорском дворе, примирить вассальных князей с законным императором династии Шан (который уже однажды заключил его в тюрьму из досады на его уговоры), прежде чем окончательно решил свергнуть его с трона. В 546 г. сунский посланник цитирует оды правительству Цю, а также приводит цитаты из той части "Книги", которая называется "Книга династии Хиа". В связи с 582 г. приводится ода в пользу царя Цю, которой нет в сборнике Конфуция. В 541 г. цюаньский посланник, которого в Цине развлекали на пирушке с вином, прибегает к метким цитатам из "Оды".

Кажется, нет ни одного случая, чтобы кто-то в Цинь пел оду, цитировал ортодоксальную историю или каким-либо образом проявлял литературные знания. Даже варвар Коу-Циен, царь Юэ, на свою беду цитирует мудрые изречения и современные примеры. Например, когда он колебался по поводу полного уничтожения царствующего рода У, ему посоветовали: "Если не принимать дары от Неба, то Небо может послать ему несчастье". Это очень избитое изречение в древней китайской истории, и сегодня оно используется так же часто, как и 2500 лет назад: оно происходит из Книги Чжоу (ныне частично утраченной). Следует помнить, что выдающийся японский государственный деятель, граф Окума, в своей печально известной речи перед Торговой палатой Кобе 20 октября 1907 года использовал эти же слова, чтобы указать на мораль индийской торговли. Сомнительно, чтобы существовало какое-либо другое действительно беременное японское философское изречение, которое нельзя было бы аналогичным образом отнести к Китаю. В любом случае, граф Окума лишь буквально проводил в Кобе политику китайских государственных деятелей Цинь, Цу, Цай и Вэй 2500 лет назад.

Если, как мы предположили, стандартные книги обычно записывались на память (а следует помнить, что Оды, большая часть Книги, Изменений и Обрядов до сих пор хранятся в памяти в наше время) и были практически ограничены штаб-квартирой или богатыми семьями каждого государства, то неизбежно возникает смежный вопрос: А как же исторические записи? Уже отмечалось, что Цинь, полутатарская держава на крайнем западе, была единственным государством, принадлежащим к признанной федеральной системе (и то лишь с 771 года до н.э.), о котором не сохранилось ничего литературного, и которое, хотя и было достаточно могущественным, чтобы помочь сделать императоров Чжоу и правителей Цинь, никогда в конфуцианские времена не считалось морально пригодным для того, чтобы выступать в качестве защитника Имперского федерального союза, *то есть Чу Хиа*, или "Всех Китаев". Однако по необыкновенной иронии судьбы так случилось, что несколько надписей Цинь - единственные политические надписи, сохранившиеся до нас из древнекитайских документов.

Когда окраинные полукитайские государства, окружавшие внутренний конклав ортодоксальных китайских государств, после четырех веков борьбы и интриг за протекторат или, по крайней мере, за перевес, наконец, в период 400-375 гг. до н.э. стали Шесть держав, все одинаково королевские, ни одна из которых не была обязана ни реальной, ни даже номинальной верностью некогда одинокому королю или императору, и тогда в головы государственных деятелей Цинь и правителей по крайней мере трех из Шести королевских держав, противостоящих Цинь, стала приходить мысль о том, что было бы неплохо избавиться от старой феодально-вассальной системы в корне и полностью. Этот период 400-375 гг. до н. э. настолько неоспоримо считается одним из великих поворотных пунктов в истории Китая, что великий историк Сэ-ма Кван начинает свою знаменитую историю *Цзи-чи Тун-киен*, опубликованную в 1084 г. н. э., со слов: "В 403 году до н. э. государства Хань, Нгвэй и Чао были признаны императором в качестве вассальных владетельных князей". Цинь всерьез занялась подготовкой к своей великой судьбе и, наконец, в 221 году до н.э., после войн, уже описанных в главе XXVI, удалось объединить весь известный Китай под единой централизованной властью; окольцевать татар так, чтобы Великая стена (а не Желтая река, как раньше) стала их южным пределом; завоевать остатки "Сотни Юэ" (смутный неизвестный Южный Китай, который до сих пор был особой прерогативой Ц'у) и ассимилировать древнюю империю Шу (т. е. Ш Ч'ван, прим. пер.). т. е. Шэ Ч'ван, до сих пор лишь смутно известную ортодоксальному Китаю и политически связанную только с Ц'ином).

Во время этого процесса всеобщей ассимиляции и аннексии почти сверхъестественно активный император Первого августа совершал турне за турне по своим новым владениям, проявляя особое пристрастие к побережью, Тартарской области и нижнему течению реки Ян-цзы, но не осмеливаясь заходить далеко вверх или далеко на юг от этой Великой реки; и даже если он делал это, то на короткое расстояние, никогда не покидая старых и хорошо известных водных путей: он не рискнул совершить сухопутное путешествие в Шэ Ч'ван, к которому в то время не существовало никаких дорог для армий. Хорошо известно, что и он сам, и юридические, международные, политические и дипломатические авантюристы, которые на протяжении столетия или даже больше время от времени бывали при его дворе, были сильно пропитаны несколько революционными и модными тогда демократическими принципами нового даосизма, как их определял философ Лао-цзы; Но он не проявлял особой враждебности к ортодоксальной литературе, пока во время его путешествий делегации ученых людей, особенно в ритуальных центрах Лу и Цзи, не начали предлагать ему восстановить старую феодальную систему и "цитировать древние писания" в знак мягкого протеста против его слишком резких политических изменений. В главе XIII объясняется, что в 626 году до н. э., когда его великий предок герцог Мух воспользовался консультативными услугами образованного татарина (цинского происхождения), этот татарин употребил выражение: "Царь татар управляет простым, готовым способом, без помощи од и книг, как в Китае". Вот так, возможно, помня это древнее предостережение, он и воспылил внезапной, яростной и страстной ненавистью к дидактическим сочинениям вообще и к двум книгам в частности - тем самым двум, отрывки из которых педанты, философы, послы и министры веками обрушивали друг другу на головы и в беседах, и в спорах, и в торжественные моменты. Иными словами, "Оды" и "Книга", а также "Весны и осени" Конфуция с их цензурными советами правителям и все прочие местные "Анналы" и "Истории" были преданы анафеме, но еще более отвратительными, чем эти, были новые философские трактаты полемического толка, которые ополчались на монархов благодаря тонкому выбору слов и анекдотов или напоминали о старых добрых временах феодальных императоров и их не слишком послушных вассалов. Его самовосхваляющие надписи на камне, разбросанные во время его путешествий с места на место, ясно говорят нам его собственными королевскими словами, что эта ненависть к самонадеянным вассальным притязаниям была его главным мотивом в уничтожении всех педантов и книг, которые он мог заполучить. Он осуждает вассалов прошлых времен, которые игнорировали Верховного Императора, воевали друг с другом и имели наглость "высекать из камня и металла, чтобы записать свои собственные деяния". В истории достаточно часто цитируются "Перемены" государственных деятелей, а также "Оды" и "Книги"; но даже если император Первого августа и не подозревал, что первые были (как, собственно, и есть по нашим западным представлениям) "фокусом", сам он был очень доверчив и суеверен, и заученное жонглирование словами "Перемен" в любом случае было для него безвредным; Так что на самом деле его ярость ограничивалась четырьмя или пятью книгами, которые знал наизусть весь Китай и в которых излагалась древняя ритуальная система предыдущих династий, усовершенствованная правительством Чжоу; подчинение всех других царей (в том числе и Цинь) семье Чжоу; гнев Неба, божественность народа и так далее. В период Сражающегося государства (480-230 гг.) ситуация усугублялась чрезвычайной литературной активностью, царившей при различных царских дворах, когда старое царское дао интерпретировалось одним способом Лао-цзы и его последователями, другим - Конфуцием и его школой, третьим - бесчисленными школами легистов, пуристов, схоластов, космогонистов, пессимистов, оптимистов и так далее. Соответственно, была проведена чистка всей литературы, насколько это было возможно и целесообразно, за исключением (среди старых книг) "Перемен", а также практических современных или древних книг по астрономии, медицине и сельскому хозяйству. В то же

время копии запрещенных "Оды" и "Книги" хранились при дворе для использования учеными, состоящими на службе у императора. Все "Истории", за исключением истории Цин, были полностью уничтожены, как и все аргументированные работы по истории или административной политике любого рода. Старая татарская кровь и татарские симпатии императора Первого Августа, несомненно, должны были вновь проявиться в политике, столь несовместимой со всеми ортодоксальными учениями? В каком-то смысле гибель китайской цивилизации была сродни гибели Восточной Европы 500 лет назад от "невыразимого турка". Новый правитель смело сказал: "Мир начинается заново, со мной. Никаких посмертных осуждающих титулов для меня! Мой преемник будет "Августейшим императором номер два", и так до бесконечности". Это было похоже на Вандемьер в 1793 году.

Таким образом, если не считать того, что Конфуций при составлении "Весны и осени" мог заимствовать местные истории, помимо истории Лу, "Анналы Цинь" являются единственными летописями феодальных государств (за исключением "Бамбуковых книг", или "Анналов Цинь", откопанных в 281 г. н. э.), дошедшими до нас. То, что такие летописи существовали в каждом государстве, несомненно, поскольку в 627 г. до н. э. говорится о "великом историке" Цина, а в 607 и 510 гг. приводятся имена цинских историков, в первом случае, очевидно, татарина. То, что среди них должен быть цинский татарин, сведущий в китайской литературе, не удивительно, ведь в конце главы XIII было показано, как ученый цинский татарин служил советником у герцога Му из Цинь и оставил после себя труд в двух главах, который все еще существовал в 50 г. до н. э. Под 628 г. до н. э. В одной из расширенных версий истории Конфуция объясняется, что анархия, царившая в то время в Цине, привела к тому, что некоторые цинские события 630 года были опущены Конфуцием; это очень важное утверждение, поскольку из него следует, что Конфуций пользовался цинскими анналами. О Конфуции известно, что, читая "*Ши-ки*" ("Исторические анналы"), он выразил очень сильное мнение, когда дошел до событий 632 и 598 годов до н. э., то есть до того места, где описывается "возведение на престол" цинского императора и благородные действия "мудреца" царя Цю; интересно знать, что это старое название "*Ши-ки*" было выбрано автором первой настоящей истории Китая, опубликованной под этим названием около 90 года до н. э., и что он не был изобретателем этого названия, которое уже веками применялось в общем смысле к историческим анналам Лу или Китая в целом.

В 547 г. до н. э. говорится, что "великий историк" Цзи сделал некоторые замечания: мы уже видели в этой главе, как жена второго покровителя Цзи в 640 г. до н. э. была прекрасно знакома с историческими и философскими трудами Кван-цзы, великого административного новатора Цзи при первом покровителе. Во втором веке до нашей эры труд Кван-цзы из восьмидесяти шести глав был поставлен во главе даосских сочинений (разумеется, до того, как даосизм стал специализацией Лао-цзы). Совершенно случайно в 538 году в политическом разговоре с царем Цю упоминается, что первому покровителю Цзи в 647 году до н. э. пришлось столкнуться с серьезным восстанием подданного (имя которого не называется). Все обстоятельства указывают на истинность этого единичного, но в остальном весьма конкретного утверждения; однако оно нигде больше не упоминается - свидетельство того, что многие исторические труды, из которых заимствовались факты, как будто детали были всем хорошо известны, должны были полностью исчезнуть.

Что касается Цю, то его Анналы были известны под любопытным названием "Вонючее дерево", под которым, как предполагается, подразумевалось зло, записанное людьми на деревянных скрижалях. То, что впоследствии в Цю развился высокий литературный потенциал, очевидно: годовщина самоубийства знаменитого цюйского поэта Кюх Ияня (посланника в Цюй во время ожесточенных дипломатических интриг 31 г. до н. э.) до наших

дней остается ежегодным "праздником дракона" в память о его самоубийстве во время утопления в районе озера Тунг-тин; его стихи - одни из самых прекрасных на китайском языке. В 656 году до н. э. диктаторский Первый покровитель попытался сыграть роль волка, а Цюй - ягненка: он сказал: "Как получилось, что вы уже столько поколений не посылали императору дань осокой? А как насчет другого императора, который посетил (современный) Ханькоу в 1003 году до н.э. и о котором больше ничего не было слышно?" Король ответил: "Что касается того, что мы не посылали дань, мы признаем это; что касается предполагаемого убийства императора 350 лет назад, вам лучше спросить самих жителей Ханькоу, что они знают об этом". (Ц'у вряд ли еще постоянно продвигались так далеко на восток).

В 496 г. до н. э. рассказывается об одном ученом при дворе императора, что, желая увидеть свое имя в "Веснах и осени", он предложил императору, что долгое время в Лу не было послано никакой похвальной миссии. В результате он был послан сам и таким образом увековечен: из этого не следует, что информация о готовящейся книге Конфуция проникла ко двору Чжоу, поскольку "Весны и осени" уже были приняты в Лу термином для "Анналов" задолго до того, как Конфуций принял уже существующее общее название для своего особого труда. В 496 году Конфуций с отвращением покинул Лу и отправился в Вэй - столица Вэй находилась тогда на Желтой реке (ныне река Вэй) или рядом с ней, между двумя городами, обозначенными на современных картах как "Хва" и "К'ай", - где он собирал материалы для своей "Истории"; Но он начал ее только в 481 году; так что, вероятно, честолюбивый ученый просто надеялся появиться в "Веснах и Осенях" Лу, как они уже назывались до того, как Конфуций заимствовал это название, подобно тому как Сз-ма Цьен заимствовал название *Ши-ки*.

Что касается Цин, то в собственных анналах Цин говорится, что "в 753 году до н. э. впервые были созданы историки, которые вели записи о событиях". Следовательно, даже записи Ц'ин, единственные летописи, сохранившиеся после пожара, должны быть ретроспективными по отношению к этой дате. В любом случае, они не содержат ничего исторически важного дальше 753 года до н.э., кроме войн с татарами, сопровождения императора Му в качестве возницы царевичем Цинь по случаю его "поездки для осмотра своих владений на западе", и уступки старого удела Чжоу Цинь в 771 году. По их лысине, а также по лысине "Бамбуковых книг" и "Весны и осени" Конфуция мы можем справедливо судить о вероятной недостаточности и сухости анналов Цю, Цин, Вэй, Чанг, Сун и других государств, заинтересованных в беспорядке периода Сражающегося государства. Ранние китайские анналы содержат не больше информации, чем "поколения Адама" в пятой главе Бытия.

ГЛАВА XXXI

ПРОИСХОЖДЕНИЕ КИТАЙЦЕВ

Теперь, получив некоторые определенные представления о том, как китайцы прошли путь от патриархального строя к феодальному, от покорного и монархического к покорному и демократическому, и, наконец, рухнули под властью одного Диктатора или Деспота, чья централизованная система, в основном, все еще сохранилась; Увидев также, как ядро собственно Китая было окружено с трех сторон тибетцами, татарами, тунгусами, корейцами и различными неопределенными племенами на юге, давайте посмотрим, есть ли какие-либо свидетельства, которые могли бы показать или даже подсказать нам, откуда изначально пришли ортодоксальные китайцы и кем они были.

Прежде всего, кажется, нет необходимости вообще предполагать, что они откуда-то приехали; ведь если принять за аксиому положение, что все люди должны были иммигрировать из какого-то места в то, где мы их впервые находим или слышим о них, то возникает двойной вопрос: "Почему люди, которых мы находим в А. и которые, как мы думаем, могли приехать из Б., не должны были мигрировать из А. в Б. до того, как они мигрировали обратно из Б. в А.?" Или: "Если люди, которых мы находим в А., должны были прийти из Б., то откуда пришли люди в Б., прежде чем они отправились в А.?" Говоря иначе: если 4000 или 5000 лет назад существовали китайцы в Китае, египтяне в Египте и вавилоняне в Вавилонии - почему следует считать, что одна группа старше другой? Единственным основанием для предположения, что эти группы не прошли отдельную эволюцию, является предположение, что человек был "создан" один раз для всех, и создан суммарно; в таком случае с математической точностью следует, что конечная родословная каждого живущего человека восходит к одной и той же дате. Иными словами, самые высокие и самые низкие, самые черные и самые белые отличаются только тем, что одни люди начали вести записи раньше других; ведь тот, кто не ведет записей, теряет сведения о своих предках, и только. Не говоря уже о других расах, некоторые из наших самых благородных английских семей ведут свою родословную от благосклонного или успешного человека, который до того, как отличиться, ничем не выделялся; с другой стороны, в жилах бродяги и уличного гуляки может течь такая же "королевская" кровь, как и в жилах любого княжеского рода. Таким образом, именно записи отличают "цивилизованных" людей от нецивилизованных, голубую кровь от плебейской; И поскольку сегодня в разных частях света мы видим миллионы людей, живущих без записей, несмотря на то, что на протяжении веков или даже тысячелетий они были окружены соседями, обладающими записями, или находились в непосредственном контакте с ними, из этого следует, что величие нации может начаться в любой момент, независимо от голубизны ее крови, силы ее воинов, красоты ее женщин; то есть когда она решит вести записи и таким образом культивировать себя: Ибо записи - это не что иное, как средство хранения опыта, вместо того чтобы повторять его каждый день; таким образом, они являются накоплением национального богатства. Из этого ни в коем случае не следует, что, поскольку в случае одного народа записи можно проследить дальше, чем в случае другого, первый народ древнее другого; например, хотя на Западе наши различные алфавиты, похоже, восходят к одному источнику или к нескольким источникам, которые, вероятно, все в конечном итоге восходят к одному и тому же, нет причин полагать, что китайцы не изобрели, не развили и не усовершенствовали свою собственную схему письменных записей: Сам факт того, что мы научились писать, свидетельствует в пользу того, что и они, будучи такими же людьми, как мы, научились писать.

Нет ни одного документального свидетельства существования древнего Китая или какой-либо его части, которое не было бы найдено в китайских записях, и только в них; ни один народ, расположенный вблизи Китая, не имеет никаких записей или традиций о существовании Китая в более ранний период, чем указано в китайских записях. В этих записях нет ни малейшего намека на Египет, Вавилонию, Индию или любую другую иностранную страну или место за пределами крайне ограниченной территории Центрального ядра и более обширной территории, занимаемой окружающими его полукитайскими колониальными державами. Нет также ни малейших доказательств того, что библейская "земля Синима" имела какое-либо отношение к Китаю, который, похоже, был так же абсолютно неизвестен Западу до, скажем, 250 года до н.э. Как Америка была неизвестна Европе, так и Европа Америке до 1400 г. н. э. Если какие-то идеи Запад почерпнул из Китая, а Запад - из Китая, то записи и Китая, и Запада указывают, однако, на одно очевидное связующее звено, а именно на кочевников-лошадников севера, которые сейчас, правда, в некоторых частях немного более оседлы, чем раньше, и которые были в разной степени

приручены неизвестными им в древности догматическими религиями, но которые во многих отношениях остаются сейчас такими же, какими они были 3000 лет назад. Конечно, в древние времена, как и сейчас, из одного места в другое, когда пути были свободны, переходили торгаши, лоточники и даже караваны длинных маршрутов; но крайне маловероятно, чтобы из Европы в Китай шли какие-либо сквозные путешественники, за исключением одного-двух случайных странников или искателей приключений, занесенных сюда по воле случая. Если 600 лет назад приключения Марко Поло на сквозном маршруте считались в Европе почти невероятными, несмотря на недавний и хорошо проторенный военный путь монгольских армий, то каковы шансы на сквозное путешествие за 2000 лет до этого? И даже если такой редкий случай имел место, каковы шансы, что кто-то его зафиксировал?

Насколько можно судить по здравому опыту, вероятность того, что китайцы находились именно там, где мы их впервые видим, в течение многих тысяч лет или даже мириадом лет до начала их собственных традиций, достаточно велика. За исключением открытия Америки, которое привело поток чужаков в чужую страну и быстро истребило аборигенов, в истории нет ни одного достоверного случая, когда обширные и сильные популяции были бы полностью вытеснены, как стада овец, другими. Любой, кто много путешествует по Китаю, может убедиться, что везде, где неассимилированные племена живут в полной или частичной независимости и, *тем более*, где была проведена ассимиляция, все эти племена имеют по крайней мере один общий момент с исконными китайцами или ассимилированными носителями китайского языка - их язык моносложен, не имеет флексии, не агглютинативен и тоничен, то есть каждое слово "поется" определенным образом, а также произносится определенным образом. Вероятно, эти племена до их поглощения или, несмотря на то, что они еще не были поглощены китайцами, существовали там до тех пор, пока китайцы находились в прилегающих к Китаю районах. Разумно предположить, что китайцы поглотили бы свои собственные расовые классы с большей готовностью, чем татар, японцев и корейцев, принадлежащих к одной и той же диссиллабической, длиннословной, агглютинативной семье. Так и случилось: китайцы пошли по пути наименьшего сопротивления (после того как сами стали культурными) и проложили себе путь вниз по рекам и другим водотокам к тому, что мы называем Южным Китаем. С самого начала их путь на север через Желтую реку оспаривали татары, которых они с тех пор частично оттеснили, а частично (с большими усилиями) поглотили. Они так и не смогли ассимилировать корейцев, не говоря уже о японцах, хотя оба народа очень благосклонно отнеслись к китайской цивилизации после нашей христианской эры, когда начался обмен первыми дружественными миссиями. В Индо-Китае гораздо больше односложных и тональных племен, чем в других странах; если, конечно, там вообще есть диссиллабические и нетональные классы; и китайцы без труда сливаются с аннамцами, тонкинцами, камбоджийцами, сиамцами, шанами, тосами, лаосцами, монами и другими подобными народами: но их собственная административная база находится слишком далеко на севере; условия питания и климата в Индо-Китае не совсем благоприятны для похода армий, особенно если вспомнить, что лучшие войска всегда использовались татарами, привыкшими к теплой одежде и разогреву пищи. Кроме того, всегда существовали соперничающие индийские религии, соперничающая индийская колонизация, соперничающий индийский язык и соперничающее индийское торговое влияние, с которыми нужно было бороться. Китай никогда и нигде не поглощал индийские расы. О тибетцах никогда не заходила речь в древности; если они и были известны, то только Шу (Sz Ch'wan) и Цин или ранним Чжоу (Shen Si).

Если бы не китайцы из Хо Нань впервые использовали записи, столь же вероятно, что тоническое и моносиллабическое усвоение, которое, как было, так и осталось, переместилось с севера на юг, могло бы переместиться с юга на север. Во времена династии Чжоу (1122 г. до н. э. - 222 г. до н. э.), когда тоническое и односложное усвоение, как и все остальное, перемещалось с севера на юг. Во время правления династии Чжоу (1122 г. до н.э.-222 г. до н.э.), когда в ясном свете истории происходило расширение китайской расы (которое, вероятно, уже давно продолжалось), можно заметить, что правители всех великих народов-колоний юга - Ц'у, У и Юэ - должны были по очереди напоминать императору Китая о своем полном равенстве с ним в духовных притязаниях и древнем происхождении; о своей связи с предшествующими ему династиями; о временах, когда его предок был простым вассалом, как и они сами. Ни один татарин тех времен не выдвигал подобных претензий, хотя, правда, в гораздо более поздние времена некоторые из (нетурецких) татарских правителей Северного Китая вели свою родословную от мифических китайских императоров, правивших в Шань-Туне. Опять же, основатель династии Ся (2205 г. до н. э.), как неоднократно говорилось, был похоронен в современном Шао-Хин (между Ханьчжоу и Нинпо), и царь Юэ даже приносил ему там жертвы. Император Шунь, предшественник и покровитель того же основателя, по традиции был похоронен возле Чанг-ша в современной провинции Ху Нань. Первый августейший император включил обоих этих "львов" в свои прогулочные туры по великим достопримечательностям Китая. Разумеется, из этих традиций, какими бы живучими они ни были, нельзя сделать никаких обоснованных исторических выводов: Если они ложны, то, во всяком случае, открыты для критики революционного и всемогущего императора более 2000 лет назад и второго, почти столь же могущественного, посетившего оба места столетие спустя; из существования этих традиций на юге неизбежно следует предположение, что либо культурные китайцы, которых мы впервые находим в Хо Нане, переселились на север из Ху Нана, Кианг Си и вообще озерных районов, прежде чем распространиться в обратном направлении; или что некультурные китайцы двинулись на север до того, как культурные китайцы двинулись на юг; или что северные и южные китайцы сначала были одинаково культурными, пока в исторические времена северные китайцы (т.е. в Хо Нане, вдоль Хо Нана, в районе озера) не стали более культурными.т. е. в Хо Нане, вдоль Желтой реки) настолько усовершенствовали свою систему записей, что увлекли за собой всех. В конце концов, нет никакого напряжения воображения, чтобы предположить это, ведь ранняя западная цивилизация развивалась таким же образом.

Нет ни малейшего намека на иммиграцию китайцев из долины Тарим, из любой части Тартарии, из Индии, Тибета, Бирмы, Моря или островов Южного моря: фактически, нет даже намека на иммиграцию откуда-либо в самом Китае, за исключением гипотетически описанных выше случаев. Там китайцы есть, там они и были; и на этом вопрос исчерпан, если судить по документальным свидетельствам. Разумеется, предлагаемая настойчивая схема Таримской долины - лишь средство для того, чтобы вбить тонкий конец клина, чтобы вбить толстый конец в виде определенного начала от Вавилонской башни и конечной ссылки на Эдемский сад. Если все еще есть люди, которые считают своим долгом по принципу Писания принять это наивное западное происхождение китайцев, то нет причин, по которым религиозная вера или воображение не должны быть вполне уважаемы и даже найти рабочий компромисс с принципом строгого следования человеческим доказательствам. Если однажды допустить существование сверхъестественных сил (как понимает природу ограниченный человеческий разум), то, кажется, нет больше причин для принятия создания полноценного кита (которому уже сто лет, согласно периоду роста более поздних китов), чем для принятия создания полноценных людей с 1000-летней историей позади них вместо 100; или Земли с 20 000 или даже 20 000 000 летней историей позади и даже перед ней; ибо как первый кит или пара китов должны установить стандарт естественной истории для всех

последующих китов, так и человек, созданный с историей позади него, может с равным успехом иметь историю, созданную перед ним. "Природа", согласно несовершенному человеческому пониманию, не более возмутительна в одном случае, чем в другом, и ни время, ни размер не могут служить для увеличения нашего удивления, когда мы рассказываем себе, какие сверхъестественные вещи могли совершить невидимые силы, превосходящие нас самих. Это то же самое, что сказать, что догматическая вера, личные религиозные убеждения, агностицизм, суеверие и воображение находятся в равных условиях и являются одинаково уважаемыми факторами при столкновении с человеческими историческими свидетельствами, если только они жестко отделены от последних. Как недавно сказал один выдающийся католик: "У Церкви не больше причин бояться современной науки, чем у нее было причин бояться древней науки". Другими словами, каким бы благочестивым и религиозным ни был человек (как мы понимаем эти слова в Европе), нет никаких причин, по которым он не должен жестко придерживаться человеческих свидетельств истории в той мере, в какой они соответствуют его вере. С другой стороны, каким бы скептическим и разборчивым ни был человек, с точки зрения несовершенного человеческого знания, в принятии доказанных человеком фактов, нет причин, почему бы ему, с точки зрения эмоциональной и образной стороны его существования, не быть твердым приверженцем догмы или личного убеждения, касается ли это абстрактной идеи добродетели, конкретной идеи любви к какому-то дорогому человеку или тоски по какому-то сверхъестественному состоянию безгрешности. Выдающийся финансист, например, может тешить свое воображение социалистическими мечтами об идеальной Утопии; но, когда ему приносят еженедельные счета за квартиру, он разбирается с завышенными суммами в пенсах, как любой другой практичный человек.

С одной точки зрения, китайцы, уже получившие свой тонирующий язык во время Слияния языков, отправились к Желтой реке, где мы их и находим. С другой стороны, нет никаких оснований связывать китайцев с другими народами, кроме тех, которые мы находим рядом с ними сейчас и которые с древнейших времен были рядом с ними; нет никаких доказательств того, что их язык, их цивилизация, их манеры когда-либо получали что-либо от Индии, Вавилонии, Персии, Египта или Греции или отдавали им, за исключением того, что было предложено выше или будет предложено ниже.

ГЛАВА XXXII

КАЛЕНДАРЬ

Мы уже упоминали о затмениях, упомянутых в истории Конфуция, как о средстве, с помощью которого можно в определенной степени оценить вероятность того, что он в целом правдив как историк. Поэтому не лишним будет сказать несколько слов о китайском календаре, как он есть и был. Китайский месяц от первого до последнего был бескомпромиссно лунным; то есть первый день каждого месяца, или "луны", как его можно строго и правильно назвать, всегда приходится на день (начинающийся в полночь), в течение которого происходит новолуние. Разумеется, административным центром сейчас является Пекин, и поэтому наблюдения ведутся там с учетом Пекинского меридиана. Поскольку Конфуций черпал свои факты и записи в основном из архивов Лу и (надо полагать) отмечал небесные движения на основе того, что видели астрономы Лу, всегда предполагалось, что упомянутые им затмения тоже наблюдались из Лу, то есть со станции, удаленной от императорской столицы на четыре градуса долготы и один градус широты (современный Хо-нань-фу). Обязанностью всех владетельных князей было объявлять первый день луны в своем родовом храме; и даже если бы китайцы тех дней открыли разницу во времени между востоком и западом, каждый из этих князей должен был объявить день, в который наступило новолуние, так, как это

произошло у них самих, в их собственном государстве, а не так, как это произошло у императорских астрономов. С другой стороны, когда затмения наблюдались со сравнительно небольшой территории Лу, должно быть, по крайней мере, иногда случалось, что гости из других государств сообщали либо о том же затмении, либо о других затмениях. Если императорский астроном сообщал о затмениях в Хо-нань-фу в тот или иной день, трудно понять, как Лу, который был центром, почти равным императорской столице по ортодоксальности обрядов и записей, мог полностью игнорировать такие сообщения.

Но китайский год всегда был лунно-солнечным. С древнейших времен они наблюдали двенадцать эклиптических "особняков" и зодиакальных знаков, а также то, что время, затрачиваемое солнцем на прохождение через особняк, гораздо больше, чем одна луна или время, проходящее между двумя новолуниями. Соответственно, их целью всегда было привести лунный и солнечный годы в приемлемое сочетание, чтобы равноденствия, солнцестояния и "сезоны" происходили с максимально возможной регулярностью в одни и те же месяцы, и чтобы земледелец мог знать, когда сеять зерно. Раньше они регулировали это несоответствие в соответствии со средними движениями солнца и луны; но с тех пор, как иезуиты впервые проинструктировали их более точно, они регулируют два года, то есть солнечный год и двенадцать лун, в соответствии с истинными движениями и с учетом меридиана Пекина. Если бы луны имели длину ровно $29 \frac{1}{2}$ дней, а не на 44 минуты 2,87 секунды больше, то было бы просто сократить обычный лунный год вдвое и сделать шесть месяцев "большими" (30 дней) и шесть "малыми" (29 дней); но лишние 44 минуты и доли накапливаются, и в результате в году всегда должно быть больше "больших" месяцев, чем "малых". Китайцы называли месяц "великим" (30 дней), если интервал между полночью (началом новолуния) и часом *следующего* новолуния составлял полных 30 дней или более; если менее 30 дней, то месяц был "малым" (29 дней). Не более двух длинных месяцев следовало друг за другом, а двух коротких - никогда.

Но в любом случае, даже двенадцать регулярных лун по $29 \frac{1}{2}$ дня составляют всего 354 дня, тогда как солнечный год равен $365 \frac{1}{4}$ дня, а время прохождения Солнца через "особняк" (одна двенадцатая солнечного года) составляет около $30 \frac{1}{2}$ дня. Таким образом, в каждом лунном году образовывался "излишек" примерно в десять дней, или примерно одна луна в каждом третьем году; не говоря уже о том, что "особняк" был примерно на день длиннее луны, и, следовательно, муж мог сбиться со счета. Чтобы исправить это, китайцы интеркалировали месяц раз в тридцать три луны и называли интеркалярный месяц тем же именем, что и предшествующий ему, как в отношении общих чисел 1-12, так и в отношении двух бесконечных циклов из двенадцати знаков и шестидесяти знаков, по которым луны рассчитываются навсегда, в прошлом и в будущем. Что касается сложности с временами года, то солнечный год был разделен на двадцать четыре "сустава", и каждый "сустав" составлял примерно половину "особняка" (разница редко превышала один час). Однако весеннее равноденствие всегда приходится на шестой "сустав" и является серединой весеннего сезона: Это и другие "суставы" имеют длину около $15 \frac{1}{4}$ дня, поэтому китайские сезоны могут быть симметрично разделены относительно обоих равноденствий и обоих солнцестояний; ведь интеркалярная луна (разумно сделанная незаметной и по возможности скрытая от посторонних глаз) разрешает трудности лунного года; и сезоны соответствуют, как и положено, солнечному теплу, что гораздо более естественно и практично, чем наши произвольно подобранные и неравные месяцы.

Бесконечный шестидесятилетний цикл лет обычно относят к началу 2697 или 2637 года до н. э.; но, если не считать того, что до 842 года до н. э. точных сведений практически нет, не имеет значения, когда он начался, пока шестьдесят пар равноденствий и солнцестояний

можно бесконечно вычислять в обратном направлении. В любом случае, она восходит к дате, после которой память китайца не будет отступать; она непрерывна и непрерывна; мы вольны взять любую дату с интервалом в шестьдесят лет и сказать: "Здесь я согласен начать": Мы не можем отрицать, что 1908 год - это год цикла, которым он якобы является; и даже если бы мы это сделали, партии по шестьдесят лет назад от любого другого циклического года, называемого 1908, всегда имели бы фиксированное отношение к другим 4604 записанным годам; также, приняв 1908, мы не можем отрицать 1808, 1708 и так далее, сколько угодно, чтобы проверить, как любое данное событие, затмение или другое, совпадает относительно нашей собственной даты: это не вопрос начала, а вопрос отсчета назад и остановки. Мы находим Конфуция из Лу (государство клана Чоу), использующего календарь династии Чоу (1122 г. до н. э. - 249 г. до н. э.), основатель которой сказал: "В будущем мы сделаем одиннадцатый месяц началом года вместо двенадцатого". Предыдущая династия Шан (1766-1123 гг.) аналогичным образом сказала: "В будущем мы сделаем двенадцатый месяц началом года вместо первого". Предыдущая династия Хиа (2205-1767) и отдельные императоры до нее говорили (или считали само собой разумеющимся): "Год начинается в первом месяце", из чего можно сделать естественный вывод, что более раннего календаря быть не могло, так как ни один "мудрец" не мог разумно начинать с чего-либо, кроме начала. В то же время необходимо пояснить, что астрономический порядок месяцев, в котором первым считается тот, когда солнце входит в Козерог, отличается от гражданского порядка. Таким образом, первые гражданские месяцы Хиа, Шан и Чжоу были третьим, вторым и первым астрономическими месяцами, представляющими собой вхождение солнца в знак Рыб, *Водолея* и *Козерога* соответственно. Когда император Первый Август завоевал весь Китай и приступил к унификации тележных осей, мер и весов, письменных иероглифов и многих других противоречивых народных примет, он сказал: "Пусть в будущем десятый месяц будет первым в году, а не одиннадцатым". То есть в качестве гражданского первого месяца он взял двенадцатый астрономический месяц, или тот, в котором солнце входит в *знак Стрельца*. Таким образом, мы видим, что за 2000 лет календарь отклонился от нормы примерно на 90 дней, или, грубо говоря, примерно на час в год.

Все вышесказанное, возможно, станет более понятным, если рассмотреть следующее безошибочно подлинное заявление, сделанное императором в 104 году до н. э., через сто лет после уничтожения династии Цинь; после того, как он осмотрел гробницы древних монархов, как объяснялось в последней главе; после того, как был открыт Запад Азии; и когда, *возможно* (хотя об этом нет никаких записей), персы, индийцы, греки и т. д. могли вмешаться в обсуждение календаря. Он говорит: "После императоров Ю и Ли (тех двух, которые бежали из своей метрополии в 771 г. до н. э. и 842 г. до н. э., соответственно, как сказано) династия Чжоу пошла наперекосяк, и те, кто был вдвойне подданным, стали обладать властью; астрологи перестали вести счет временам года; князья больше не провозглашали первый день каждой луны. Потомственные астрономы разбежались; одни остались во Всея Хиа (ортодоксальном Китае), другие перешли к различным варварам. На двадцать шестом году правления императора Сяна (626 г. до н. э.) появился промежуточный третий месяц, который "Весны и осени" осуждают (он должен был находиться в конце года)... Император первого августа принял десятый месяц за начало года... Нынешний император (династии Хань) назначил двух астрономов, второй из которых (уроженец Восточного Шэ Ч'вана) продвинул вычисления и улучшил календарь. Затем было обнаружено, что меры Солнца и Обители согласуются с принципами, принятыми династией Хиа... Теперь доказано, что первый циклический день, а также первый лунный день одиннадцатой луны является зимним солнцестоянием. Я меняю седьмой год (моего нынешнего периода правления) и делаю его первым годом нового периода правления, который будет называться "Великое начало"". Соответственно, то, что до этого момента было седьмым годом (периода правления

с другим названием), теперь стало годом из 442 дней; то есть три месяца, отложенные по очереди династиями Хиа, Шан и Чжоу, были взяты снова, и, соответственно, этот один корректирующий год состоял из пятнадцати месяцев. С небольшими изменениями, которые всегда принимались только для того, чтобы быть снова отвергнутыми после нескольких лет испытаний, это было основой всех последующих календарей; и по этой причине день рождения Конфуция приходится на двадцать седьмой день восьмой луны, а не на десятую луну, как это должно было бы быть согласно датам Чжоу.

Вышеизложенное исследование календарного вопроса еще более наглядно показывает добросовестность историков и администрации; оно также иллюстрирует непрерывность и тщательную точность китайских записей, какие бы недостатки они ни обнаруживали.

ГЛАВА XXXIII

ИМЕНА

Одной из трудностей древней истории Китая является разгадка имен собственных; но, как и другие трудности, эта объясняется скорее новизной и необычностью предмета, непривычностью места действия и атмосферы, чем какой-либо изначальной неясностью в самом вопросе. Читая шотландскую историю, никто не испытывает особого дискомфорта, когда на одной и той же странице (в качестве воображаемого примера) человек именуется: Старый Джон, Джон Маккухирт, мастер Уил, Маккухирт, лэрд Эйртона, лэрд Айла, граф Эйртона и Уила; Подобных примеров можно найти множество в рассказе Босуэлла о поездке Джонсона на Гебриды; но у озадаченного англичанина, по крайней мере, есть свой язык и достаточно знакомая почва для работы. Однако когда мы сталкиваемся с непроизносимыми китайскими именами странных личностей, передвигавшихся по неслыханной местности 2500 лет назад, да еще и с подозрением на неуверенность в подлинности и добросовестности всей истории, все кажется безнадежно запутанным, даже при наличии доброй воли к пониманию. Так, Конфуция могут называть К'унг-цз, К'унг Фу-цз или Чунг-ни, помимо других личных обращений под влиянием правил *табу*, о Цз-ч'ане могут говорить как о Кун-сун К'иао или (если он сам говорит) просто как о К'иао. И так почти со всеми выдающимися личностями. В те времена фамилии, или, как мы говорим по-английски, "surnames", не использовались с той регулярностью, которая преобладает в Китае сейчас, когда у каждого стоящего человека есть фиксированная фамилия, например Ли или Иянь, за которой следует официальное личное имя, например Хун-чан или Ши-к'ай. В старые времена клан или племя считались первыми; например, императорский клан *Ки* включал принцев нескольких вассальных государств. Но после пяти поколений ожидалось, что любая семейная единица должна отделиться. Так, в 710 году до н. э. предок Конфуция, сын сочинителя од, упомянутого на странице 175, принял или получил от правителя своего родного государства Сун обособленное родовое имя К'унг-фу (Отец К'унг), "Отец" - это социальное приложение, а К'унг - фамилия, которая затем стала родовым именем новой ветви. Старые исконные родовые имена мало использовались кем-либо в современном смысле, подобно тому, как английская фамилия *Guelph* остается на тусклом фоне в современном употреблении. Личные имена, даже китайских императоров и королей, не были столь серьезными и благопристойными по стилю, как в более поздние времена. Например, "Черные ягодицы", "Черная рука", "Двойные уши"; такие имена (явно турецкие по стилю) используются не только в отношении цинских принцев, в жилах которых почти всегда в большей или меньшей степени течет татарская кровь, но и в таких государствах, как ортодоксальный Лу. Например, имя "Черная рука" используется как лускими, так и цинскими князьями, а также цинским частным лицом; в то время как ортодоксальный князь Сун носит чисто турецкое имя Т'оуман, которое (и точно такие же пиктографические символы) было

также именем первого исторического хиун-нуского (позже турецкого) хана несколько веков спустя. Имя *Лух-фу*, или "Отец-император", принадлежавшее сыну последнего императора династии Шан в 1123 году до н. э., также было личным именем одного из правителей Цзи много веков спустя. Таким же образом мы находим идентичные личные имена в Ч'КН и Лу, а также у князей Ц'у и Лу. Евнухи не считались обладателями фамилий или даже официальных личных имен. Если бы тогда, как и сейчас, существовала безбрачная каста священников, то, несомненно, тогда, как и сейчас, священники также были бы освобождены от права на фамилию.

Кажется совершенно очевидным, что многие, если не большинство, фамилий начинались в Китае с названий местностей, в некотором роде на шотландский манер: даже в Ланкашире титул старого лорда поместья часто является фамилией многих деревенских жителей в округе. Возьмем, к примеру, китайские императорские владения: в 558 году некий Лю Хиа отправляется на встречу со своим господином, новым императором. Его имя (Хиа) и фамилия (Лю) с таким же успехом могли бы использоваться и в наши дни, как, например, у покойного наместника Лю К'ун-и; но нам говорят, что Лю Хиа был так "назван" историком лишь потому, что его ранг не был первоклассным государственным деятелем, и объясняют, что Лю - это название его земельного участка в императорском уделе. На похоронах Лу в 626 году до н. э. о представителе императора в вассальном государстве говорят комплиментарно, называя его социальным именем в связи с тем, что он обладает первоклассным министерским рангом: о нем нельзя говорить по его обособленному родовому имени или фамилии, "потому что он еще не получил город в собственность". Несколько лет спустя о другом императорском посланнике говорят как о Кинг-шу (Слава Дяди), "Слава" - это название его поместья или гонорара, а "Дядя" - его социальное прозвище. В 436 году до н. э. император послал Лу подарок в виде жертвенного мяса от Х. Поскольку Х так "назван", он должен быть "ученым", поскольку императорский "министр" (как объясняется) не может быть так назван. Только правитель имеет право в любое время "оскорбить человека" своим личным именем, но даже сын, говоря о своем собственном отце императору, может "оскорбить" своего отца, поскольку и его отец, и он сам находятся в равном положении перед императором. Назвать человека по имени в истории - это не всегда то же самое, что назвать члена Палаты общин. Например, царь Цю, о котором говорится в главе XXVII, был назван за убийство китайца в 531 году, но не за убийство варварского принца в 526 году до н. э. Отчасти именно с помощью этих тонких оттенков называть или не называть, титуловать или не титуловать Конфуций намекал на свои мнения в истории: в случае с Цю, похоже, было честью "назвать" варвара. Вэй Ян, Кун-сунь Ян, Шан Киин, или Шан Ян, важная персона, которая принесла новую цивилизацию в Цинь и практически "создала" эту державу около 350 года до н.э., лично носил просто имя Ян, или "Пояс". Поскольку он происходил из ортодоксального государства или княжества Вэй, его можно было бы называть Вэй Ян, так же как мы можем сказать Александр из Файфа. Поскольку он получил от Цинь в награду за свои заслуги мелкое княжество Шан (отнятое Цинь в войне у Цу), его можно назвать князем или лэрдом (*кюн*) Шань (из Лохиэля), или Шань-кюн. Поскольку он был внуком (сун) умершего графа (которого называли *кун*, или "герцог", в качестве посмертного комплимента), он имел право взять фамилию Кун-сун, так же как мы говорим "Фицджердж" или "Фицвильям". Наконец, он был Яном (= Джоном) из Шанга (= Лохиэля). Если говорить об этом человеке с образованным китайцем, то не имеет ни малейшего значения, какое из четырех имен будет использовано. Точно так же Цз-Ч'ан (будучи внуком герцога) был Кун-Сун К'иао. Слово *цз*, или "сын", *после* фамилии, как, например, в К'ун-цз (Конфуций), определяется как имеющее эффект "изящного намека на мужчину". По-видимому, это действительно то же самое, что и латинское *us*, как в *Celsius*, *Brutus*, *Thompsonius* и т. д. Когда оно *предшествует* не фамилии или *табуированному* личному имени, а текущему или знакомому имени, тогда оно, кажется,

имеет эффект *Don* или *Dom*, используемый с наиболее ослабленной почтительностью; или эффект "Mr." *Fu-tsz* означает "Мастер".

Что касается *табу*, то здесь можно привести следующие любопытные примеры. Кинг, или "Джунгли", было самым ранним названием Ц'у, или "Кустарник", нерасчищенной области к югу от реки Хань, вдоль берегов Ян-цзы; впоследствии она стала могущественным государством. Но одного из самых могущественных царей Цинь (249-244 гг.) звали Цз-цзю, или "Дон Брушвуд", поэтому его преемник император Первого августа (который на самом деле был бастардом и вовсе не циньской крови) *запретил* слово Цзю и приказал историкам использовать вместо него старое название Царь. Точно так же о философе Чван Чжоу, или Чван Цз, ханьские историки говорили как о Ен Чжоу, потому что *Чван* было императорским личным именем. Оба слова означают "суровый": как будто частным римлянам и государственным писцам было велено называть себя и писать *Austerus*, а не *Severus*, из уважения к императору Септимию Северусу. Сам деловитый император Первый Август, очевидно, не имел никакого отношения к педантичному делу о *табу* царя и царя, поскольку одним из его первых общих распоряжений, когда он стал верховным императором в 221 году до н. э., было провозглашение того, что "в древние времена не было посмертных имен, и они отменяются. Я - Император Первый. Мой преемник будет просто Императором Вторым, и так до бесконечности". До династии Чоу нет четких сведений о посмертных именах и титулах; первый достоверный пример - отец основателя, чье личное имя было Ч'анг, и который был известен как "граф Запада". Его сын, основатель, посмертно сделал его W&n Wang, или "Гражданским королем". Точно так же герцог Чоу, сын гражданского короля, сделал основателем своего брата, которого лично называл Фа, Ву Ванг, или "Король-воин". Тот же герцог Чжоу (первый правитель Лу и образец Конфуция во всем) был фактическим основателем административной системы Чжоу в целом, а также правил присвоения посмертных имен, которые были "предназначены для наказания плохих и поощрения хороших"; но советники, естественно, всегда были очень осторожны и обходчивы, чтобы не ранить чувства королевской семьи выбором слишком сурового "карающего" имени.

Посмертные имена были не только у царственных и княжеских особ. В 817 и 796 гг. до н. э. о советнике императора говорится как о настоящем, так и о посмертном имени. В 542 году до н. э. о наложнице одного из правителей Лу говорится как о ее родовом имени, так и о ее посмертном имени. В 560 году до н. э. умирающий царь Цу скромно намекает на выбор низкого посмертного имени, подобающего ему и его бедным талантам, для использования во время двухгодичных жертвоприношений своим манам, и добавляет: "Теперь я собираюсь занять свое место *à la suite*, в компании с моими предками в храме".

Лица с одинаковыми родовыми именами не могли вступать в брачные отношения. Так, император Мух, который, как предполагается, путешествовал в Туркестан в десятом веке до нашей эры, имел таинственную *связь* во время своей экспедиции с очаровательной госпожой *Ku* (*то есть* девушкой из его собственного клана), которая умерла по дороге. Единственный способ, которым толерантное потомство может оправдать этот "инцест", - предположить, что в те времена имена родственников "располагались по-другому". Однако сам факт, что похоронные церемонии были проведены с полным императорским ритуалом Чоу, и что инцест вообще упоминается, кажется, свидетельствует против мнения (отмеченного в главе XIII.), что именно герцог Му из Цинь (400 лет спустя) предпринял это путешествие, поскольку он вовсе не принадлежал к семье *Ku*. Любопытно, что сыну и преемнику императора Муха выпало на долю наказать и уничтожить мелкое вассальное государство, правитель которого совершил кровосмесительный акт, женившись на трех сестрах своего собственного родового имени. В 483 году до н. э. правитель Лу также

совершил неосторожность, женившись на девушке из рода *Ki*. Поскольку ее родовое имя, согласно правилам, должно быть упомянуто при погребении, формально ее вообще не хоронили, но все дело замяли, и ее стали называть причудливым именем Мэн-цз (точно такими же иероглифами, как "Менций"),

Другой пример служит иллюстрацией вышеупомянутого императорского путешествия на запад и вопросов о владениях совместно. Когда император Му отправился на запад, возницей у него служил один из предков будущего княжества Цинь, который за свои услуги был пожалован в Чао (север провинции Шань-Си). Чао было одним из трех государств, на которые распался Цинь в 403 году до н.э., и по своим симпатиям было очень похоже на татар. Таким образом, поскольку и Цин, и Чао носили одно и то же изначальное родовое имя Ин, пожалованное семье Цин в качестве владений во фьефе Цин (провинция Восточный Кан Су) ранними императорами Чжоу в 870 году до н.э., о Цин часто говорят как о подклане Чао. Эти факты, опять же, свидетельствуют против теории, что именно герцог Му из Цин совершил путешествие с целью открытия, которое обычно приписывают императору Чжоу Му; ведь прямой предок герцога Му, предок первоначального Цин Ин, сам выступал в качестве проводника в Тартарии при императоре Му. Император Первого Августа, который, как уже говорилось, был настоящим бастардом, был рожден от наложницы купца из Чао, который отдал наложницу в жены своему отцу (императору), когда тот был царским заложником Цин, проживавшим в государстве Чао; поэтому императора часто называют Чао ЧКНГ (*ЧКНГ* - его личное имя). Таким образом, он имел двойное право на фамилию Чао, во-первых, потому что, давая ему право на легитимность, его предок Цин (также предок всей семьи Чао) в девятом веке до нашей эры был конфискован в Чао; и, во-вторых, потому что, когда Чао стало независимым царством, он сам в третьем веке до нашей эры родился в Чао от мужчины из Чао и женщины из Чао.

Конечно, можно было бы еще многое сказать на тему имен и их влияния, иногда затемняющего, иногда проясняющего исторические факты; но этих нескольких замечаний будет достаточно, чтобы понять, насколько важно внимательно изучать возможное влияние каждого имени на связанные с ним политические события.

ГЛАВА XXXIV

ЕВНУХИ, ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ, ЕДА

Упоминаются евнухи - класс, который, похоже, возник благодаря суровости закона, а не бессердечному желанию богатых обеспечить себе бездушное и беспомощное средство для потворства и наслаждения удовольствиями гарема без страха перед сексуальными интригами. Преступники, которым отрезали ноги, обычно работали сторожами в парках, просто потому, что у них не было желания бегать и гоняться за дичью. Тех, кто лишился носа, нанимали в пограничные пикеты, где никто из мальчишек не мог над ними насмехаться и где им было легче пережить свое несчастье в тихой покорности. Тех, кто получил клеймо на лице, назначали привратниками, так что средства к существованию были для них навсегда определены. Достаточно очевидно, почему кастрированным специально поручали прислуживать женщинам в мужском качестве. Одно из названий евнуха - "чистый человек", и очень старый комментатор объясняет это тем, что обязанностью этих служащих было подметать и очищать двор; но, возможно, столь же вероятно, что первоначальная идея была действительно "очищенный человек" или человек, лишенный стимула к определенным порокам. О династии Чоу часто говорят, что они ввели в обиход женоподобный персидский обычай держать евнухов; Но династия Чоу, которая была в полном расцвете сил еще до существования Зороастра, возможно, имеет право на большую древность в цивилизации,

чем Персия - сам Кир был современником Лао-цзы и Конфуция - и, вероятно, кастрированных использовали в качестве прислуги только потому, что они уже были евнухами по закону, а не становились евнухами против духа естественного закона только для того, чтобы их услуги в качестве прислуги было удобно оказывать.

В 655 году до н. э. циньский правитель послал евнуха, чтобы тот попытался убить его сводного брата (будущего Второго протектора Китая), находившегося в татарской ссылке. Когда в 636 году Второй протектор наконец вступил в свои права правителя Цинь, тот же евнух предложил совершить убийство в его интересах, аргументируя свою попытку тем, что долг слуги - служить своему *фактическому* хозяину, а не оспаривать претензии *де-юре*, которые не входят в компетенцию слуги. В 548 г. правитель Цзи был убит евнухом, который даже не дал своему господину разрешения на достойное самоубийство в родовом зале (см. с. 62). Через год сменивший его правитель при чрезвычайных обстоятельствах заручился услугами евнуха в качестве кучера. В отличие от этих предателей, в 481 году верный евнух пытается спасти правителя Цзи от убийства одним из вытесняющих великих родов: это дело настолько ужаснуло Конфуция, что он вскоре умер, отчаявшись увидеть, как "божественное право" вновь одержит верх в Китае. В 544 году до н. э. правитель Вэй был убит евнухом-привратником. В 537 году царь Цю задумал кастрировать и отрезать ноги двум цинским посланникам, чтобы использовать их в качестве привратников во дворце и для службы в своем гареме; но главный советник благоразумно отговорил его от риска, связанного с таким международным возмущением (см. с. 46). Три века спустя, в 239 году, отец (настоящий) императора Первого Августа в своих шпионских целях добился назначения мнимого евнуха на должность в гареме бывшей наложницы, перешедшей, как объяснялось в прошлой главе, к отцу Первого императора; от вдовствующей королевы, как она тогда называлась, у этого мнимого евнуха родилось два сына. Когда впоследствии этот опасный человек поднял восстание, настоящие евнухи самого императора Первого Августа приняли участие в противостоянии его убийственным замыслам. Следует отметить, что этот несносный отец императора, несмотря на это, сам был очень выдающимся человеком и оставил после себя ценный историко-философский труд из двадцати шести глав, собранный под его руководством несколькими умными писателями. Его обычно считают даосским трудом, поскольку в нем есть частички учения Лао-цзы; но, как и труды Хвай-нань-цзы (императорского принца династии Хань 150 лет спустя), в 50 г. до н. э. он был классифицирован как "мисцелляри". Таким образом, все государства - по крайней мере, те, что находились вокруг первоначального ядра Старого Китая, - нанимали евнухов в королевские гаремы, даже если вассальные князья ортодоксального Китая, как правило, этого не делали.

То же самое происходит и с другой неприятной особенностью нравов тех времен - человеческими жертвоприношениями. Уже приводились многочисленные примеры такой практики в государстве Цин. Гробница царя Цю, умершего в 591 году, - того царя, чью смерть Конфуций снизошел записать в приличных и ритуальных выражениях из-за его многочисленных хороших качеств, - которая, похоже, все еще существует рядом с Царь-Чжоу-Фу, окружена десятью другими меньшими гробницами, предположительно принадлежащими тем, кто "последовал за ним в могилу". Во всяком случае, когда в 529 году последующий царь Цзу повесился, верный последователь похоронил двух его собственных дочерей вместе с царским телом. В 312 году н. э. гробница первого Протектора, умершего в 643 году до н. э., была вскрыта при обстоятельствах, описанных столь наглядно, что едва ли можно сомневаться в их достоверности: зловоние было настолько сильным, что сначала пришлось пустить собак, чтобы проверить действие отравленной атмосферы; было найдено столько костей, что можно не сомневаться, что вместе с ним были похоронены многие

женщины и наложницы. Современные авторы часто говорят, что это был общий обычай по всему древнему Китаю, и, возможно, тот факт, что во втором веке до нашей эры гуманный китайский император (придерживавшийся даосских принципов) приказал прекратить эту практику, может придать красок этому предположению. Однако следует помнить, что великий дом Хань лишь недавно сверг династию Цинь и включил в себя почти весь Китай, каким мы его видим сейчас: император, естественно, имел в виду Ц'и, Цинь, Ц'у, а также, возможно, У и Юэ, три государства которых, как мы видим, когда-то практиковали этот жестокий обычай.

Вино, или, скорее, спирт, было известно повсюду; во времена Конфуция Дальний Запад еще не был открыт, и там не было ни винограда, ни его названий, ни виноградного вина, ни какого-либо другого фруктового вина. Даже сейчас, хотя пекинский виноград не уступает английскому, никто ближе Шань-Ши не делает из него вина. Спиртные напитки, похоже, с давних времен подавались на императорских и княжеских пирах. И здесь, как и в случае с двумя описанными порочными практиками, пьяницы, похоже, встречаются скорее среди народов, окружающих ортодоксальный Китай, чем в древнем ядре. В 694 году до н. э., когда правитель Лу был в гостях у своего шурина, правителя Цы, на сестре которого он женился, брат и сестра вступили в кровосмесительную связь; будучи обнаруженным, правитель Цы напоил своего шурина из Лу и подговорил могущественного грубияна сдаться ему ребра, когда ему помогали сесть в колесницу. Так погиб герцог Хван из Лу. В 640 году до н. э., как мы уже видели, когда будущий Второй протектор заигрывал со своей женой-царицей, его приспешник счел необходимым напоить его, чтобы увести. В 574 году циньский генерал был найден пьяным, когда его царь послал за ним, чтобы объяснить поражение цинских войск. В 560 году циньский посланник - философ Ен-цз - был приглашен ко двору Цю на вино. В 531 году правитель Цю сначала напоил, а затем убил одного из мелких правителей ортодоксального Китая. В 537 году царю Цю уже объяснили, что во время трехлетних визитов вассалов к императору (вероятно, на тот момент это были лишь теоретические визиты) вино подается за длинными столами в полных кубках, а пьют его только в соответствующий ритуальный момент. Через два года после этого царь Тсу был описан как находящийся за вином и, следовательно, в надлежащем состоянии духа, чтобы слушать представления.

В 541 году посланник Цю был приглашен на *почетный пунш* цинскими государственными деятелями, один из которых воспользовался случаем, чтобы пропеть одну из од, предостерегающих людей от пьянства. Хорошо известно, что Конфуций любил выпить; более того, о нем сказано следующее: "Что касается вина, то у него не было меры, но он не брезговал им". В 506 году правитель Цинь описывается как сильно пьющий человек. В 489 году советник Ц'и описывается как пьяница. Несколько лет спустя правителя Цин и его жену видели вместе пьющими на веранде, а некоторые заключенные сбежали благодаря тому, что тюремщик был благоразумно напоен.

Похоже, что в старом Китае мясо употреблялось гораздо чаще (теми, кто мог себе это позволить), чем в современное время; и, как мы могли бы ожидать, среди людей, зараженных тартарами, в особенности конская плоть. Во II веке до н. э. остроумный император сравнивает вопрос об употреблении конской печени с опасностью революционных выступлений. Он сказал: "Нам это может нравиться, но это опасно". (В прошлом году, будучи в Ной-Бранденбурге, я встретил человека, брат которого был конокрадом в Померании, и, вспомнив это императорское замечание, спросил о конской печени. Тот ответил, что всегда пировал с конской печенью, когда приезжал к брату, и что он предпочитает ее коровьей или любой другой части лошади; но, добавил он, "нужно быть осторожным с ее употреблением летом"). В 645 году герцог Мух из Цинь был спасен от

цинских войск тем, что ему описали как телохранителей, питавшихся конским мясом. Когда он обратился за разъяснениями, выяснилось, что у того же правителя Цинь за некоторое время до этого некие "дикие люди" отобрали лошадь и принялись ее разделывать и есть. Их арестовали, но великодушный герцог сказал: "Мне сказали, что лошадиная плоть нуждается в спиртном, чтобы хорошо усваиваться", и, вместо того чтобы наказать их, он дал им бочонок спиртного, добавив: "Ни один мудрец не станет обижать людей из-за простого животного". Он забыл об этом обстоятельстве, но теперь выяснилось, что эти люди в знак благодарности с тех пор записались в солдаты. Эта история тем более интересна, что она доказывает, насколько неполной была цивилизованность окрестностей Цина в то время. - Медвежьи лапы часто упоминаются как любимое блюдо. В 626 году царь Ц'у, которого собирался убить его сын и преемник, сказал: "По крайней мере, позвольте мне перед смертью поужинать медвежьей лапой". Но для приготовления этого блюда требуется много часов, и сын легко раскусил отцовский маневр, умоляя лишь выиграть время. Здесь же можно упомянуть, что Ц'у регулярно использовал слонов в бою, и это обстоятельство - еще одно свидетельство в пользу аннамской связи Ц'у. В *"Обрядах Чоу"*, предположительно принадлежавших герцогу Чоу, упоминается слоновая кость как один из товаров "провинции джунглей", как ее тогда называли. В наши дни Аннам регулярно поставляет правительству Пекина слонов, шкуру которых едят в качестве тонизирующего средства. После уничтожения У Ииэ хитрый китайский советник Ииэ решил удалиться со своим состоянием в Цай, мотивируя это тем, что "хороший сыщик, когда для него больше нет работы, обязательно найдет дорогу к кухонному котлу". Собак (откормленных для этой цели) до сих пор едят в некоторых частях Китая, и (как мы вскоре увидим) их ели в древнем Иие.

ГЛАВА XXXV

ЗНАНИЯ О ЗАПАДЕ

Вопрос об экспедиции императора Му на Запад в 984 году до н. э. или в течение этого года и двух последующих заслуживает дальнейшего рассмотрения по многим причинам; и после всего, что было сказано о возвышении династии Чжоу, упадке патриархальной системы, честолюбии вассалов, разрушении феодальной империи и замене централизованного управления новой династией императоров Августа, теперь его будет сравнительно легче понять.

Мы видели, что если какие-либо местные летописи, кроме летописей Лу, сохранились частично, то летописи Цинь, по крайней мере, были сознательно предназначены императором Первого Августа для полного сохранения, и поэтому должны занимать первое место среди всех восстановленных вассальных летописей, опубликованных Сз-ма Циньеном примерно в 90 г. до н. э.; и не следует забывать, что оригинальные летописи Лу погибли наравне с летописями Цинь, Сун и других важных государств; только "Весны и осени" Конфуция, опубликованные в 90 г. до н. э. Следует помнить, что оригинальные анналы Лу погибли наравне с анналами Цинь, Сун и других важных государств; сохранились лишь "Весны и осени" Конфуция, очевидно, составленные на основе архивов Лу. Так, в "Цинских анналах" в изложении Ш-ма Циньена говорится, что один из ранних предков Цинь "был в фаворе у императора Му из-за его замечательного умения управлять лошадьми" [приведены имена четырех особенно прекрасных лошадей]. Император "отправился на запад, чтобы осмотреть свои вотчины"; он был так "очарован своими впечатлениями, что забыл об административных обязанностях, которые должны были позвать его обратно". Тем временем в Восточном (нецивилизованном) Китае вспыхнуло восстание, и манипулятор лошадьми был срочно отправлен императором обратно в Китай, чтобы предотвратить беду, пока император

не сможет вернуться сам. О нем также говорится, что, несмотря на уговоры, он вел обширную войну с татарами, в результате чего его нецивилизованные вассалы перестали являться ко двору. В императорских анналах больше нет никаких упоминаний об этой экспедиции Шма Цьена, и поэтому (если не считать вымышленного значения, которое придавалось ей впоследствии, и особенно европейскими исследователями в совсем недавние времена) нет никаких причин придавать ей больший политический вес, чем другим бесчисленным исследовательским экспедициям императоров в почти неизвестные регионы, окружающие ядро ортодоксального Китая, так часто определяемое в этих главах. Мы уже приводили (стр. 184) случай, когда отец и предшественник короля Му отважился на инспекционную поездку вплоть до современного Ханькоу на реке Ян-цзы, или, как говорят некоторые, до какого-то места на реке Хань, где он был убит; в 656 г. Первый Протектор поднял это дело против Ц'у, столица которого находилась совсем рядом с Кинг-тоу Фу, выше Ханькоу. Наконец, несмотря на скудость двух упоминаний об этом деле у Сз-ма Цьена, они, по крайней мере, согласуются друг с другом, т. е. император действительно отправился в тартарские области, и сразу после этого вспыхнуло восстание некитайских племен.

Но в 281 г. н. э. некая гробница в месте, некогда принадлежавшем Вэй, но позднее присоединенном к царству Нгвэй, бывшему частью Цинь, была осквернена ворами, и среди других книг, написанных древними иероглифами (к сожалению, все в большей или меньшей степени пострадавшие от рук воров), были две, представлявшие огромный интерес. Одна из них представляла собой отчет о путешествии императора Му на Запад и была полностью посвящена ему; другая - "Анналы Нгвея" (то есть той третьей части старого Циня, которая в 403 г. до н. э. была официально признана императором как отдельное государство Нгвей), включающие в себя истории старого Циня, а также то, что можно назвать общей историей Китая, изложенной вскользь. Эти Анналы Цинь или Нгвэй обычно называют Бамбуковыми книгами, потому что они были написаны чернилами на бамбуковых табличках, скрепленных с одного конца, как веер или узкая венецианская штора. В них также коротко говорится об экспедиции императора Му, и поэтому они также полезны для сравнения перерывов, имен, ошибок и дат, как в общей истории, так и в рассказе об экспедиции короля Му. С момента обнаружения этих старых документов (которые были похоронены почти 600 лет назад, и о которых не сохранилось никаких других записей ни в письменном виде, ни в виде традиции) китайские литературные чудотворцы упражняли свои умы, пытаясь идентифицировать неслыханные места, упомянутые в них; тем более что одно место и один король, носящий то же иностранное имя, что и это место - *Сиванму* - было написано фонетически так, что могло означать "Западный король-мать". Они попытались показать, как это и другие места *могли* соотноситься с подлинными местами, обнаруженными китайскими генералами после того, как эти древние документы были похоронены, через семь веков после событий, описанных в них. Затем пришел иностранец со своим еврейским творением, путаницей языков, аккадским и вавилонским происхождением всей науки и т. д. и т. п. Разумеется, приключения Марко Поло сразу же подсказали европейцу, настроенному таким образом предвзято, что 3000 лет назад император Му *мог* найти путь в Персию и быть тем или иным вавилонским, египетским или персидским героем; более того, профессор Форке из Берлина даже доводит его китайское величество до Африки и знакомит его с царицей Савской (= западным королем-матерью).

Выдающийся профессор Эдуард Шаванн из Парижа недавно попытался показать не только то, что император Мух никогда не заходил за Тарим (что, действительно, абсолютно точно следует из самого текста), но и то, что экспедицию совершил вовсе не император Мух, а полутюркский герцог Мух из Цина в седьмом веке до нашей эры.

Для начала давайте посмотрим, что представляет собой экспедиция. Во-первых, вору использовали в качестве факелов или иным образом уничтожили первые несколько страниц книги из бамбукового снопа, и мы не знаем, следовательно, откуда отправился император: однако есть много косвенных доказательств того, что он отправился из какого-то места в верховьях реки Хань, на территории, которая, должно быть, тогда была его собственной (Южная Шэнь Си); тем более что все его три экспедиции закончились там. Однако несомненно, что в своем первом путешествии он не прошел и нескольких дней, прежде чем достиг племени татар, очень часто упоминаемого во всех историях и носящего то же имя, что и татары, которых, по словам Сз-ма Цьен, покорил император Мух. Он пересек Желтую реку на 169-й день, подошел к двум рекам, Красной воде (222-й день) и Черной воде (248-й день), которые в последующие века часто упоминались в связи с тибетскими, турецкими и уйгурскими войнами и, очевидно, находятся в районах Си-нинг и Кан-чоу-фу, а возможно, и Ква-чоу (см. р. 68); но сначала он прошел, после 170-го дня, место под названием "Наваленные камни", название которого никогда не терялось для истории, и которое соответствует Ньен-по, между Лан-тоу-фу и Си-нингом, как отмечено на современных картах. Другими словами, он отправился по единственной существовавшей и с тех пор продолжающей существовать дороге (только что пройденной Брюсом), ведущей в район Лоб-Нор; оттуда он снова ответвился, предположительно в Турфан или в Харашар; затем в Урумци и, возможно, в Куче, как они соответственно называются сейчас; но в целом маловероятно, что он вышел за пределы Харашара и Урумци. Даже 800 лет спустя, когда китайцы основательно исследовали весь запад до Гиндукуша, все их экспедиции шли из Лоб-Нора в Хотен или из Лоб-Нора (или около него) *via* Харашар и Куче по долине Тарима: лишь спустя долгое время после открытия этих маршрутов поздние китайцы открыли северный путь Хами и возможность вообще обойти Лоб-Нор. В этом рассказе говорится, что его возницей был человек (по имени), чье имя в точности повторяет имя, написанное точно таким же образом, как и имя предка Цинь, который, как рассказывает нам Сз-ма Циньен, действительно был возницей императора, когда тот отправился в поход против татар, и который поспешил вернуться в Китай, когда из-за отсутствия императора начались восстания. Поскольку император получал от различных князей подарки в виде вина, шелка и риса, почти наверняка он избегал мрачных, безлюдных мест и направлялся в плодородные районы Харашара, Турфана и, возможно, Куче, любой из этих трех областей или все три. Если мы будем более внимательны и терпеливы, то, возможно, нам удастся идентифицировать, причем под теми же названиями, еще несколько мест, упомянутых старым летописцем. Примерно через десять месяцев (286 дней от первого дня, о котором уже говорилось, и 17 дней от "Нагромождения камней") он достиг *Сиванму*. Это, скорее всего, не Урумци, а какое-то место рядом с ним, возможно, Ку-Ч'Кнг или Гутчен, потому что *Сиванму* (так звали царя этого места) дал ему пир на некоем озере, которое, написанное точно таким же образом, стало названием совершенно нового округа в 653 году н.э. Этот район находился в Урумци или рядом с ним; предполагается, что в седьмом веке нашей эры он был назван так на основании старых традиций, которые тогда были хорошо известны. Грубо говоря, императору потребовалось 300 дней, чтобы отправиться в путь, и еще 300 - чтобы вернуться обратно; остановки, праздники, службы - все включено. Общее расстояние, пройденное от главной станции до главной станции, составляет 13 300 *ли* (скажем, 4000 миль) до *Сиванму* и охотничьих угодий рядом с ним, но за его пределами. Через 200 дней пути он пришел к месту, где его ноги были омыты кумысом; это место часто упоминается в истории; даже Конфуций называет его, как одно из самых северных завоеваний династии Чжоу. Единственное, что вызывает сомнение, - это то, что находится рядом с Лань-тоу-фу в провинции Кан-су, или в северной излучине Желтой реки. Обратный путь был торопливым и коротким (как мы можем предположить из вышеприведенных рассказов Ш-ма Цьена), то есть всего 10 000 *ли*. Но

общая сумма всего двойного путешествия, длившегося 660 дней, включая все поездки, экскурсии и охоту, составила 38 000 *ли*, или около 12 000 миль, то есть по 20 миль в день. Я сам проехал несколько тысяч миль в Китае и Тартарии, всегда с максимальной скоростью 30 миль в день; чаще 20, с учетом задержек, плохих дорог и аварий". В переводе доктора Легге "Книги од", стр. 281, есть песня о великой экспедиции против татар в 827 году до н. э., одна из строк которой точно соответствует переводу доктора Легге: "и мы проходили по тридцать *ли* каждый день" - что означает всего десять миль.

Это главное путешествие; и независимо от того, совершил ли его император Чжоу в 984 году до н. э. или герцог Цинь в 650 году до н. э., здесь нет никаких трудностей или противоречий. По крайней мере, названы четыре важных места, которые известны под точно такими же названиями и часто упоминаются в гораздо более поздней истории. С императором были сотни повозок или колесниц, а мы уже видели, что они были особенностью ортодоксального Китая. В пустынных районах он наткнулся на огромное место линьки птиц, о котором поздние китайцы часто рассказывают в стране татар. Оказавшись в безводной пустыне, он был вынужден перерезать горло некоторым из своих лучших лошадей и выпить их теплую кровь: два моих друга, путешествуя по Сибири и Монголии, были очень рады, когда почти умирали от голода, перерезать горло овце и выпить ее теплую кровь из только что прорезанного горла. Упоминается откорм лошадей для еды, а также мытье ног кумысом - оба случая чисто татарские. Упоминается "крупный рогатый скот", отличный от лошадей и волов, - вероятно, верблюды, для которых китайского слова не существовало примерно до нашей эры.

Второе и третье путешествия, занявшие еще 600 дней, закончились и, как предполагается, начались в том же месте, что и конечная точка первого путешествия, то есть в месте, обозначенном на современных картах как Пао-Ч'Кнг, на реке Верхняя Хань. В более поздние времена он поочередно принадлежал полукитайским царствам Шу и Цю. Одно из этих повествований посвящено описанию увлечения императора умным волшебником из далекой страны и его связи с девушкой, носящей его собственное родовое имя, которая умерла примерно за два месяца до его прибытия домой и была похоронена в дороге с большой пышностью. Эти два более поздних путешествия не имеют никакой географической ценности; но, поскольку император в каждом случае снова пересекал Желтую реку, очевидно, что он развлекался где-то на главных тартарских дорогах, как и в первом случае.

Можно добавить, что даосский автор Ли-цз в своей третьей главе повторяет историю о волшебнике, который, по его словам, был родом из "Крайней Западной страны". Он также объясняет, что именно слушая чудесные рассказы этого человека, император "пренебрег государственными делами и предался наслаждениям путешествий", тем самым на три столетия опередив язык Сз-ма Цьен в 90 г. до н. э. История об особом племени татар (названных теми же звуками, но не теми же иероглифами), которые омыли ноги императора кумысом, также рассказана Ли-цз. Определяется положение реки Редвотер, к которой комментаторы добавляют еще о реке Блэквотер. Любопытно, что, комментируя беседы императора Му с вождем *Сиванму*, Льех-цз упоминает традиционный уход на запад философа Лао-цза, своего собственного учителя.

И хотя авторство, дата и подлинность книги Ли-цзы, которая, во всяком случае, была хорошо известна китайским библиофилам задолго до нашей эры, вызывают большие сомнения, тот факт, что в ней упоминается и повторяется хотя бы часть путешествий императора Му за 600 лет до того, как была найдена древняя книга, описывающая эти путешествия, доказывает, что манипуляторы найденной древней книги не придумали всю эту историю после нашей эры. Это также доказывает, что во времена Ли-цзы (то есть сразу после Конфуция) эта история уже была известна (и, вероятно, книга путешествий тоже) - Конфуций сам упоминал

одно из племен, которое посетил император. Бамбуковые книги доводят историю до 299 года до н. э., а найдены они были вместе с путешествиями императора Му в 281 году н. э. Бамбуковые книги не только подтверждают часть истории о путешествиях императора Му, но их точность в датах, как показал профессор Шаванн, укрепляет доверие к истории самого Конфуция: ссылка на главу XXXII. о календаре объяснит, что имеется в виду под "точностью в датах". Наконец, у нас есть история Ш-ма Цьен, написанная в го до н.э., в которой цитируются "Анналы Чжоу" и "Анналы Цин", или то, что сохранилось от них после непрерывающихся войн между 400 и 200 гг. до н.э. и после уничтожения литературы в 213 г. до н.э.

С этим вопросом мы разобрались, осталось рассмотреть доводы профессора Шаванна в пользу того, что настоящим путешественником был герцог Мух из Цинь (650 г. до н. э.), а не император Мух из Чжоу (984 г. до н. э.):...

1. Он показывает, что правящие князья Цинь и Чао происходили от одних и тех же предков, были сопредельными государствами и, будучи сами в значительной степени татарами, управляли всеми татарами вдоль (нынешней) линии Великой стены: также то, что имена отдельных лошадей и другие особенности путешествий императора напоминают черты, столь же заметные в более поздней турецкой истории. Все это, несомненно, верно: сравните стр. 206.
2. Он показывает, что главным притязанием герцога Муха на славу были его успехи в борьбе с татарами Запада. Это также совершенно точно. 3. Он считает, что в 984 году до н. э. литературные возможности Китая не позволяли написать такой объемный труд, как "Путешествия".
4. Он также считает, что настоящие китайцы нашли в Цинь традиции, относящиеся к герцогу Му, а затем, во славу Китая, присвоили их императору Му и навязали ортодоксальной истории.

Можно многое сказать в пользу этой точки зрения, которая, кроме того, имеет множество других мелких деталей. Но на это можно ответить так: -

1. Сам Чжоу в глазах самого Китая был когда-то "варварским" племенем запада, как показал сам основатель династии Чжоу в 1122 году до н. э., обращаясь к своим соседям и союзникам, восьми другим государствам запада, и призывая их, как равных, помочь ему в завоевании Китая. Только в 771 году до н. э. первоначальный удел Чжоу (с 1122 года - западная половина императорского удела) был уступлен Циню, который в 984 году был мелким государством, все еще "адъюнкт-функцией" (см. с. 144), а не "государем". В 984 г. не было промежуточной суверенной "власти" между императором и татарами, с которыми, по сути, он был непосредственно вовлечен в войну независимо от Цинь. Он находился под татарским социальным влиянием в той же степени, что и Цинь: фактически, княжество Чжоу при династии Шан было своего рода первым изданием княжества Цинь при династии Чжоу. Как в 1122 году до н. э. Чжоу вытеснил Шан в качестве императорского дома, так и в 221 году до н. э. Цинь определенно заменил Чжоу.
2. Если герцог Мух отличился татарскими завоеваниями, то и император Мух до него тоже, и все авторитеты сходятся в этом вопросе.
3. Если в 984 году до н. э. давние литературные способности ортодоксального Китая были не в состоянии справиться с этой задачей, то как полуварварский Цинь, наименее литературное из всех государств (не только китайских, но и полукитайских), в котором

государственные записи вообще были введены только в 753 году до н. э., смог составить такую книгу; или, если не написать книгу, то надиктовать столь продолжительную и связную историю? Кроме того, во время своих путешествий император Му оставил несколько надписей, высеченных на камне.

4. Приведенные М. Шаванном примеры гробниц Юй и Шуня в Южном Китае, как параллельные случаи присвоения ортодоксальными китайцами полукитайских традиций, уже были использованы выше в совершенно другом смысле, как имеющие тенденцию показать, напротив, что эти два императора либо пришли с юга, либо имели предков на юге; (см. с. 138, 191).

5. Наконец, около трети "Путешествия" занимает описание кровосмесительной интриги с леди Ки и ее пышных ритуальных похорон. Почему герцог Мух должен беспокоиться об обрядах, причитающихся членам семьи Ки, к которой принадлежал император, но не принадлежал он сам? Почему воинственный герцог Мух (которому советник (бывший китаец, ставший с тех пор татарин) рекомендовал перенять простые татарские обычаи, а не возиться с одами и книгами, "как это делали китайцы") должен тратить свое время на пышность и ритуалы? (см. с. 180). Опять же, когда, как рассказывается в "Путешествиях", различные вассальные правители из ортодоксального Китая (вплоть до Шань-Тунга на крайнем востоке) прибыли, чтобы выразить почтение императору как своему сеньору, Но как можно предположить, что эти ортодоксальные графы и бароны придут выразить почтение полуварварскому графу (ведь он был именно таким), такому как герцог Му (как его посмертно называют), одному из равных им, человеку, который не принимал никакого участия в делах дурбара и которого, из-за его человеческих жертвоприношений, даже не сочли подходящим для того, чтобы стать чрезвычайным защитником Китая? Что мог знать полутатарский правитель Цинь обо всех этих утомительных изысках в пышности, трауре и музыке? И снова, место, откуда император отправился и куда вернулся, хотя и было частью его владений в 984 году до н. э. и обладало родовым храмом Чжоу, не входило в состав владений Цинь в 650 году до н. э. и никогда не обладало храмом Цинь: если не независимое, то в то время оно было костью раздора между Цинь и Цу, и отнюдь не безопасным местом для снаряжения прогулочных экспедиций. Наконец, если удивительно, что в "Чжоуских анналах" Сз-ма Цьена нет полных сведений об этом путешествии, то не менее удивительно, что "Цинские анналы" не упоминают о нем в 650 году до н. э., когда, по мнению М. Шаванна, оно имело место, в то время как они упоминают о нем под 984 годом до н. э., когда, по его мнению, оно не имело места? Все отчеты сходятся на том, что предок Цинь (названный по имени) был там с императором в качестве возницы; он был, как мы видели, в равной степени предком Чао, и в Чаоских анналах Сз-ма Цьен говорит именно то, что говорится в Циньских анналах.

Поэтому мы можем с благодарностью принять самые убедительные доказательства профессора Шаванна, поскольку они показывают, что "Путешествия императора Му" - это подлинная история путешествия не далее средней части долины Тарим; но что касается герцога Му из Цинь, то его следует исключить из рассмотрения, и мы должны приписать это путешествие, как это делают китайцы, императору Му. Наконец, существуют ли *доказанные* случаи столь радикальной фальсификации истории китайскими летописцами, как предлагает М. Шаванн? Я не знаю ни одного; а такие поверхностные фальсификации, какие есть, китайские критики всегда разоблачают, *coûte que coûte*, даже если фальсификатором является сам Конфуций.

ГЛАВА XXXVI

ДРЕВНЯЯ ЯПОНИЯ

Развитие Китая не только проясняется благодаря документам и событиям, вероятно, предшествовавшим строго историческому периоду, таким как предполагаемое путешествие императора на Дальний Запад, но и становится более понятным, когда мы рассматриваем его возможное косвенное влияние на Японию. Варварское царство У вообще не появляется в китайской истории, даже по имени, до 585 года до н. э. Затем выяснилось, что у него есть свои традиции и линия царей, восходящая к началу правления династии Чжоу (1122 год до н. э.) и даже дальше. В 585 году до н. э. новый царь Шоу-мэн, до этого неизвестный и неясный вассал Цзу, совершенно недоступный для понимания ортодоксального Китая, почувствовал себя достаточно сильным, как мы видели в главе VII, чтобы выделить свою собственную независимую линию. Необычно, что, когда японцы приступили к созданию номенклатуры (по китайским посмертным линиям) для своей вновь открытой истории в восьмом веке нашей эры, они должны были выбрать именно этот 585 год до н. э. для смерти своего предполагаемого первого микадо Дзимму (т. е. *Шен-ву*, "божественного военачальника"). Следующие три короля У, все из которых, как и он сам, носили бессмысленные варварские имена, были сыновьями Шоу-мэна, а четвертым сыном был культурный Ки-ча, который несколько раз посещал ортодоксальный Китай, как в качестве шпиона, так и для самосовершенствования. Затем следуют два сына последнего и первого, соответственно, из упомянутых трех братьев. Второй из этих царственных кузенов был убит в бою, а его сын Фу-чжаи поклялся страшно отомстить Цю, столицу которого он впоследствии взял и разграбил в 506 году до н. э. Теперь на сцене появляется его собственный вассал, Иие, и поначалу У одерживает верх в сражении. Между ними следуют кровопролитные войны, полные живописных и убедительных деталей, пока, наконец, царь Ииэ, в свою очередь, не получает в свое распоряжение царя У; но он, хотя и был варваром, был настроен великодушно и, соответственно, предложил Фу-ч'аю остров Чусан (так хорошо известный нам благодаря тому, что наши войска заняли его в 1840 году) и триста женатых семей, чтобы составить ему компанию. Но Фу-ч'ай был слишком горд, чтобы принять эту Эльбу, тем более что на его совести было то, что он действовал вопреки настоятельным советам своего верного министра (перебежчика Ц'у), которого он предал смерти за его откровенность. Этот советник, уходя из жизни, воскликнул: "Не забудьте вырвать мне глаза и прикрепить их к восточным воротам, чтобы я мог стать свидетелем вступления войск Ии!". Поэтому он покончил с собой, сначала скрыв свое лицо, потому что, как он сказал: "У меня нет лица, чтобы предложить его моему советнику, когда я встречу с ним на том свете; с другой стороны, если мертвые не имеют знания, то не имеет значения, что я делаю". После начала нашей христианской эры, когда прямая связь между Японией (по суше через Корею) и Китаем (также по морю через У) была впервые официально замечена историками, китайские летописцы записали, что часть личного окружения Фу-Чай-Ая бежала на кораблях на восток и основала государство в Японии. Но не следует забывать, что в то время (473 г. до н. э.) ортодоксальный Китай еще не слышал о Японии ни в каком виде, хотя, конечно, возможно, что морские государства У и Ие имели нездоровые связи со многими островами в Тихом океане.

Мы уже отважились на несколько замечаний по этому поводу в главе XXIII, но из незначительных исторических материалов - таких, например, как прогулочная экспедиция китайского императора в 984 году до н. э. в долину Тарим - можно сделать столько выводов, что будет полезно предположить истинные пропорции и скромное возможное влияние этой

"японской" миграции - если предположить, что скудные сведения о ней верны; а основа правды отнюдь не широка; тем более она не способна выдержать тяжелую надстройку.

Любой, кто посетит Японию, заметит, что в этой стране существует несколько различных типов мужчин: приземистые и вульгарные, овальнолицые и утонченные, а также множество вариаций этих двух типов; точно так же, как в Англии мы имеем норманнский, саксонский, ирландский и шотландский типы лица, со многими другими *нюансами*. Кроме того, из кухонных тайников и других доисторических останков, из присутствия даже сейчас в Японии бородатых айнов (слово, означающее на их языке "мужчины"), из многочисленных рассказов о войнах айнов с японцами в китайской и японской истории ясно, что в древней Японии существовали (как существуют и сейчас) нравы и, возможно, другие люди, сильно отличающиеся от нравов и внешности культурной и одаренной расы, рассматриваемой как однородное целое, которой мы сейчас так гордимся как нашими политическими союзниками. Но это не приближает нас к исторической разгадке, все этнологи упорно пытаются выяснить, откуда появилась та или иная раса. Конечно, все расы перемещаются и смешиваются, и, должно быть, всегда перемещались и смешивались, когда таким образом могли улучшить свои жизненные обстоятельства; но даже если в Японии происходило перемещение, как и в других местах, нет причин, по которым, если сравнительно нецивилизованные японцы вытеснили айнов, айны не должны были до этого вытеснить совсем нецивилизованных японцев; или, если другие расы пришли за моря, чтобы вытеснить уже имеющихся там людей, уже имеющиеся там туземцы не должны были позже изгнать этих новых пришельцев по морским путям.

Другими словами, пытаться объяснить гипотетические перемещения в доисторические времена совершенно бесполезно (если только мы не можем взять в руки определенные предметы или записать определенные факты - даже определенные традиции). Мы совершенно не знаем о ранних тевтонских, венгерских и кельтских движениях, хотя, благодаря исключительно китайским записям, мы вполне уверены, в определенных пределах, о ранних турецких движениях. Насколько же больше, в таком случае, мы должны быть невежественны в отношении японских движений? Если "люди" должны были откуда-то прийти, то откуда они пришли, и почему бы им не вернуться назад; или почему бы им не встретить других переселенцев, идущих туда, откуда они сами пришли? Если мы хотим принять единственные исторические записи или квазизаписи, которыми мы вообще располагаем, то есть китайские записи, то мы должны принять их такими, какими они являются на самом деле, и не добавлять и не искажать их; несовершенные вещи, которые существуют, обязательно лучше, чем воображаемые вещи, которые могли бы существовать вместо них. По нашим сведениям, спаслось не более нескольких сотен семей; и если правда, что они намеренно отправились в Японию, то вполне вероятно, что опытные моряки У (таких не было нигде в Китае) уже давно знали дорогу туда или в Квельперт и Цусиму, что практически означает и Корею, и Японию; ведь если они плыли на восток из Нинпо, то другого места для столкновения нет, даже если бы не было специального намерения. Все указывает на то, что Фу-ч'ай, хотя и был, возможно, варваром в 473 году до н. э., но имел ортодоксальную, хотя и отдаленную родословную, датируемую 1200 годом до н. э., и что правящий класс У сильно отличался от "варваров", которыми (как нам конкретно говорят) был окружен У; ситуация была похожа на ту, что была у египтян и финикийцев, как у Сесропа и Кадма, среди самых ранних варварских греков. Таким образом, это сводится к тому, что, подобно тому, как китайские колонии и авантюристы возникли под влиянием роста населения или под влиянием любопытства, тирании и амбиций, чтобы основать государства в Цю, Цин, Цинь, Цай, Лу, У, Юэ и других местах вокруг центрального ядра, Так что (будучи единственными обладателями этой волшебной *ВЛАСТИ*, "записей") другие партии время от

времени отправлялись либо из того же ортодоксального центра, либо из полуортодоксальных мест, окружающих этот центр, в еще более отдаленные места, такие как, например, Корея, Япония, Формоза, Аннам, Бирма, Тибет и Иин Нан. У оставшихся в живых друзей Фу-Ч'ая был очень живой стимул - страх мгновенной смерти, который побуждал их бурно перемещаться по морям; И, несомненно, поскольку они должны были быть совершенно безвредными после голодных скитаний в открытых лодках в течение нескольких недель, они были бы так же желанны для японского короля или мелкого вождя или вождей, которые приняли этих несчастных, как в наше время был принят честный моряк Уилл Адамс, когда он без друзей приплыл в Японию, и чья статуя теперь украшает большой японский город как статуя человека, который был, в скромном смысле, также "цивилизатором" Японии (600 г. н.э.).D.). Несомненно, многие слова из языка У, или китайские слова, как они тогда произносились в У, уже были привезены рыбаками; но здесь, наконец, была большая партия (возможно) книг и способов их толкования; по крайней мере, здесь была большая партия лучших представителей правящего класса У. Действительно, первые японские посланники, прибывшие в Китай, как могли, подчеркивали свое уское "происхождение"; во-первых, потому что это, вероятно, оплачивалось им как торговцам; во-вторых, потому что это неизбежно обеспечивало им респектабельный статус в Китае; и, в-третьих, потому что в первом веке нашей эры они постепенно начинали понимать мистическую силу китайской письменности, и поэтому, естественно, проявляли повышенный интерес ко всем записям, слухам, традициям и басням о себе, которые они приукрашивали и "подтверждали", когда это соответствовало их интересам. Кто из нас не начинает приводить в порядок свою родословную, когда его делают пэром королевства?

Что касается основной массы японской расы, смешанной или несмешанной, то, несомненно, в большинстве своем ее можно найти сейчас там, где она всегда была, или поблизости? Не более унижительно для ранней Японии дать ей династию китайских авантюристов или, возможно, только наследственных китайских советников и писцов, чем унижительно для государств Европы иметь династии, которые по своему происхождению, как правило, принадлежат почти к любому месту, кроме стран, которыми они сейчас управляют в качестве государей. Что касается древних вождей или царей Японии, то некоторые из их подлинных местных имен, возможно, сохранились в памяти людей; так это или нет, но даже без записей они были такими же "древними" вождями, как и самые известные вожди Египта, Вавилонии или Китая; и следует помнить, что египетские и вавилонские записи не существовали для нас для всех практических целей в течение многих тысяч лет, пока мы недавно не научились их читать: Иными словами, то, что когда-то вообще не было историей - нынешнее состояние доисторических рас Высокой Азии - внезапно становится историей, когда мы находим записи и умеем их читать.

Когда несколько веков спустя японцы начали основательно разбираться в китайских книгах, они решили создать свой собственный исторический костюм; они взяли те смутные традиции, которые у них были, и, в отсутствие каких-либо давно забытых подлинных записей или видимых останков, имеющих часть эффекта записей, просто прикрепили к своим героям, реальным или воображаемым, китайскую посмертную систему и подборку исторических фактов, записанных о китайцах. Даже император Му в Китае не был назван так до своей смерти. Если человек может получить похвальный титул через три года после смерти (таково было правило китайцев), почему бы не дать ему его через 300 лет после смерти? Король или вождь, известный до сих пор, точно или нет, честно или нет, как Х, наверняка существовал; то есть десятый прадед правящего принца, девятый, восьмой и так далее, должны были положительно существовать в какой-то отдаленный период прошлого. Назвав его Дзимму (китайский император уже был назван так посмертно), он не стал меньше

существовать, чем был до того, как его называли Дзимму, и его новый титул, таким образом, не делает его меньшим существом, чем он был раньше. И так далее со всеми другими японскими императорами, которым в восьмом веке нашей эры были даны аналогичные вымышленные имена. Возможно, именно так японцы рассуждали сами с собой, когда решали эту задачу. Ситуация любопытная и, возможно, уникальная в мире; но это не имеет большого значения (как предлагается в главе XXXI.), пока мы держим воображение отдельно от реальных доказательств.

ГЛАВА XXXVII

ЭТИКА

Мы предлагаем сказать несколько слов о своеобразных обычаях, которые были в ходу по всему Китаю или в некоторых его частях; конечно, некоторые из них можно отнести к "Обрядам Чжоу" и к тому, что в них прописано; но общие административные схемы, представляющие в общих чертах вещи такими, какими они должны быть или какими их хотела бы видеть федеральная и феодальная олигархия Чжоу, не дают нам такой жизненной картины древнего Китая, как конкретные рассказы об определенных событиях, которые действительно имели место. Возьмем, к примеру, особые формальности, связанные с покорной капитуляцией.

После крупного поражения в 699 году до н. э., когда Цю начала выходить из своих узких границ между реками Хань и Ян-цзы, побежденные цюйские генералы заковали себя в оковы или веревки, чтобы дожидаться царского благоволения. В 654 году, когда в руках Цю оказалось одно из небольших ортодоксальных государств (в составе ядра Хо Нань), барон предстал со связанными сзади руками и куском нефрита во рту, за ним следовала его свита в трауре, неся его гроб. Очевидно, что в это время Цю все еще был "варварским", так как царю пришлось спросить, что все это значит. Ему объяснили, что, когда основатель династии Чжоу завоевал Китай и изувечил последнего императора династии Шан, старший брат этого императора от неполноценной матери предстал перед основателем полуголым, со связанными за спиной руками, левой рукой вел барана (или козла), а правой нес осоку для обматывания жертвы; он был пожалован в герцоги Сун. В 537 году то же самое произошло с более поздним царем Цу в связи с другим мелким княжеством, и царю пришлось напомнить о прецеденте 654 года. Таким образом, должно быть, в Цю существовали какие-то записи в ранние времена. В 645 году до н. э., когда правитель Цинь взял в плен своего шурина, правителя Цинь, и всерьез задумался об аннексии Цинь вместе с обязанностью совершать цинские жертвоприношения, его родная сестра, босая, в трауре и с траурным поясом, успешно заступилась за своего мужа. В 597 году до н. э. правитель важного ортодоксального государства Чэн прошел через форму протаскивания с непокрытой верхней частью собственного тела барана или козла в присутствии царя Цю. В 511 году, когда правитель Лу был вынужден покинуть страну и броситься на щедрость Циня, чтобы спастись от опасных махинаций интригующих великих семейств Лу, шесть циньских государственных деятелей (которые в тот момент сами, будучи главами крупных частных кланов, постепенно подрывали права своего князя) послали за архиинтриганом и призвали его объяснить свое поведение. В это время Лу кокетничал между двумя своими могущественными соседями, Цинь и Цзи. Заговорщик должным образом предстал перед ареопагом цинских вельмож, босой и одетый в обычную одежду (*то есть* не из шелка, а из пеньки), чтобы объяснить им обстоятельства изгнания герцога: характерно для того времени, а также для откровенности истории, чтобы найти добавление, что ему удалось подкупить вельмож, чтобы они вынесли несправедливое решение. Когда цари Юэ и У поочередно оказывались в милости друг у друга, в 494 и 473 годах соответственно, их посланники, предлагая покорность, в каждом случае шли к

завоевателю "на коленях", с обнаженным бюстом: это коленопреклонение указывает на аннамские, сиамские и, возможно, японские формы, а не на китайские. Говорят, что слуги У во время обеда "ждали", стоя на коленях. Третий и последний император Август в 207 году подчинился завоевательной династии Хань, сидя в неукрашенной колеснице, запряженной белой лошадью (со знаками траура), с печатью на шее (образное выражение повешения или удушения себя), и предложил печати Сына Неба принцу Хань.

Кое-что уже было сказано о правилах престолонаследия в Цзу и Цин. Когда только что упомянутый герцог Сун умер в 1078 году до н. э., его сменил младший брат, поскольку его собственный сын умер; это соответствовало ритуальным законам династии Шан. Даже сам Царь-воин, основатель династии Чжоу, не был старшим сыном своего отца, (посмертно) Царя-гражданина; последний отложил старшего из двух сыновей; и следует помнить, что за несколько поколений до этого два царственных брата Чжоу добровольно ушли колонизировать страну У-Чжун, чтобы их младший брат, отец будущего Царя-гражданина, мог наследовать тогда крайне ограниченное вассальное государство Чжоу. Позже, в 729 году, герцог Сун на смертном одре завещал наследство своему младшему брату, а не собственному сыну, на основании правила "сын - отцу, младший - старшему брату" - "универсального правила", одобренного Менцием в более поздние времена. Младший брат в этом случае трижды отказывался от царской короны, но в конце концов согласился, и Конфуций в своей истории осуждает этот поступок, который, как считается, способствовал окончательному падению Сун. (Следует помнить, что предки Конфуция сами были из царского рода Сун). В 652 году младший брат по старшей супруге пожелал у смертного одра своего отца уступить свое право на престол Сун старшему брату по младшей жене; умирающий отец одобрил дух, но запретил жертвовать своим правом, и поэтому старший служил младшему в качестве советника. В 493 году герцог Сун, раздраженный тем, что его старший сын покинул страну, назначил наследником младшего сына, а после его смерти его жена подтвердила указом назначение своего покойного мужа; но младший брат решительно отказался, мотивируя это тем, что правило наследования является незыблемым и что он недостойн совершать жертвоприношения богам земли и зерна. Любопытно совпадение, что вопрос о статусе жен затрагивает нынешних правителей и Китая, и Японии. Хотя вдовствующая императрица была императрицей-матерью, она всегда уступала па старшей вдовствующей, у которой не было детей. А что касается матери микадо, умершей в октябре прошлого года, то она, похоже, никогда официально не считалась императрицей.

В 817 году до н. э. сам император порицается историей за то, что, "вопреки правилам", пожелал поставить правителем Лу второго сына в противовес старшему; он повторил этот поступок в 796 году, как уже объяснялось в главе XX, где приводилось еще несколько примеров, иллюстрирующих общее правило в Китае. В это время ослабевающая власть императоров все еще явно мерцала. В 608 году, благодаря вмешательству Цзи, сын наложницы получил престол Лу вместо сына законной жены; любопытно, что законная жена была принцессой Цзи. В результате этого нарушения "три могущественные семьи" Лу (сами являвшиеся потомками правящей семьи) стали беспокойными, и государство пришло в упадок. После смерти царя Цю в 516 году было предложено посадить на трон вместо малолетнего сына младшего брата царя от неполнородной матери на том основании, что мать малолетнего сына была жена, полученная царем от Цинь для брака со старшим сыном (который впоследствии присоединился к врагам царя), на которой царь впоследствии решил жениться сам. Даже при таком неправильном и запутанном семейном укладе предложенная преемственность не была одобрена советниками на том основании, что нерегулярная преемственность неизменно порождает проблемы в государстве. В 450 году до н. э. правитель Цзи вопреки советам настоял на наследовании младшего сына от любимой

наложницы, отдав предпочтение старшим сыновьям от старших матерей, включая первую и наиболее достойную супругу. Но тут снова вмешались влиятельные семьи; один из старших сыновей, бежавший в Лу, был тайно привезен в мешке, незаконный наследник был убит, а "влиятельная семья", занявшая ведущее положение в государственных делах, вскоре после этого, к ужасу Конфуция, путем интриг и новых убийств закрепила за собой трон Цзи. Таким образом, можно заметить, что все великие государства, кроме Цинь, имели свою долю проблем с престолонаследием.

На войне существовало несколько обычаев, достойных краткого упоминания. В 633 году до н. э. полководец Цу в целях поддержания дисциплины выпорол нескольких воинов, а "другим проткнул уши стрелами, согласно военному уставу". В 639 году этот же царь послал в подарок принцессам других государств, которые поздравили его с победой над Сун, "кучу левых ушей врага". Поскольку историки выражают свое отвращение к этому бестактному поступку, можно предположить, что он не был ортодоксальной практикой, во всяком случае, в такой конкретной форме. В 607 г. у Сун было захвачено 450 боевых колесниц и 250 солдат; последним отрезали левые уши; в этом случае победителями были войска ЧКНГ, действовавшие по приказу Цзу, и предполагается, что офицеры ЧКНГ отрезали уши по приказу Цзу. Несколько лет спустя два или три генерала Цю обсуждали, что делали древние, когда вызывались на битву; было решено, что лучшая "форма" - это броситься к окопам, отрезать врагу левое ухо, увезти его на своей колеснице и помчаться обратно в свой лагерь. Поскольку существует специальный китайский иероглиф или пиктограмма, обозначающая "уши, отрезанные в бою", получается, что в определенной степени даже ортодоксальные китайцы практиковали искусство снятия скальпов, которое, несомненно, было призвано обеспечить легкое доказательство претензий на награду, основанных на доблести; фактически, даже в современном официальном китайском языке обезглавленная голова называется "шагом головы", выражение, очевидно, восходящее к тому времени, когда за каждую снятую голову или группу голов давалась ступень в ранге.

Правители, будь то император или вассалы, при осуществлении своих суверенных полномочий обращались лицом к югу. Так, когда герцог Чоу после смерти своего брата Царя Воинств исполнял обязанности регента до совершеннолетия сына Царя Воинств, своего собственного племянника, он стоял лицом к югу; но он снова стал лицом к северу, когда вернулся к статусу подданного. В главе XX уже упоминалось, что в 640 г. до н. э. государство Лу сделало южные ворота столицы Лу Вратами Закона, поскольку именно через южные ворота исходили все повеления правителей. В 546 году советник Цю объяснил царю, что с тех пор, как цинское влияние стало преобладать в ортодоксальном государстве Чанг, это последнее перестало "смотреть на юг в сторону своего бывшего покровителя". Таким образом, хотя император обращен лицом к югу, к солнцу, а его подданные, в свою очередь, к северу в его честь, эти подданные обращены к своему другому покровителю, в каком бы направлении он ни лежал, полагая, что защита императора недостаточна. Очевидно, это тот же принцип, что и "поклон в сторону востока" и "поворот в сторону Мекки", причем обе эти формальности должны быть изменены в зависимости от места. В 315 году до н. э., когда Ен (Пекинская равнина) стал одним из шести независимых царств, узурпатор (которому царь Ена по глупости передал все полномочия) "повернулся на юг", чтобы совершить акты суверенитета от имени царя. В 700 г. до н. э. в ортодоксальном государстве Вэй мы слышим о "принцах слева и справа", что, как объясняется, означает "сыновья матерей, чье официальное место находится слева или справа от основного супруга". Раньше в Китае правая сторона была более почетной, чем левая, но теперь левая сторона превалирует над правой. Так, провинции Шань Тун и Шань Си также называются "Слева от гор" и "Справа от гор", поскольку император обращен лицом на юг. Несмотря на это, древняя фразеология

иногда сохраняется; например, "стоит справа от него" означает "лучше, чем он", а "слева от него" - "доказать, что он не прав или хуже". Все *ямэны* в Китае обращены на юг; есть редкие исключения, обычно связанные со строительными трудностями. Однажды в провинции Квей Чоу мандарин официально пригласил меня занять место справа от него, а не слева, потому что, как он объяснил, дверь его *ямына* выходит не на юг, а на *запад*; и, добавил он, для меня, как официального гостя, более почетно сидеть на севере, лицом на запад, чем на юге, лицом на запад. В Кантоне вице-король из вежливости садился на юг, лицом к северу, и заставлял своего переводчика сидеть на севере, лицом к югу; консул садился на восток, лицом к западу, а переводчик консула садился на запад, лицом к востоку. Но консул не мог рассчитывать занять северное место, отданное таким образом нижестоящему, по принципу *de minimis non curat lex*; не хотел вице-король утверждать свое "командование" гостем. В 436 году войска Ии, шедшие на север через Хо Нань, называли китайские поселения, лежащие к западу от них, "левыми" городами; но это, возможно, потому, что Ии шли с юга. В 221 году до н. э., когда Южный Китай до моря впервые стал частью императорских владений, территория императора была описана как простирающаяся на юг до "домов, обращенных к северу". Гонконг и Кантон находятся как раз на линии тропиков; но остров Хайнань, а также Тонкуин фактически находятся в тропиках. Действительно ли дома там обращены на север - чего я никогда не замечал - или это выражение просто символично, я не могу сказать; но идея заключается в том, что "до регионов, где, когда солнце находится на тропике, вы должны повернуться на север, чтобы увидеть его".

В Китае было принято не вступать в войну с врагом, находящимся в трауре, но это правило, похоже, соблюдалось не только в нарушении, но и в соблюдении. За два века до прихода к власти династии Чжоу император из династии Шан отличился тем, что в течение трех лет вообще не разговаривал, занимая траурную хижину рядом с могилой. Как мы уже видели, первые правители Лу (как чжоуской вотчины) изменили существующие обычаи и ввели там правило трехлетнего траура. В связи с похоронами Сун в 651 г. до н. э. объясняется, что тело лежало между двумя передними колоннами, а не, как при династии Чжоу, на вершине ступеней с западной стороны; следует помнить, что Сун представляла жертвоприношения исчезнувшей династии Шан. В том же году будущий Второй протектор (тогда он был беженцем среди татар) отказался выдвинуть претензии на цинское наследство против своих братьев, "потому что он не был в трауре во время бегства". В 642 году Сун и ее союзники начали войну с Цинь, которая в то время оплакивала Первого покровителя; по справедливой Немезиде татары пришли на помощь и спасли Цинь. В 627 году, после смерти Второго покровителя, Цинь объявил войну мелкому православному княжеству, принадлежавшему к тому же клану, что и Цинь и император, и входившему в систему вассалов Цинь, пока Цинь был в трауре. Это так разгневало нового правителя Циня, что он выкрасил свои белые траурные одежды в черный цвет, чтобы отомстить за оскорбление и в то же время не нарушить обряды: к тому же белый цвет был несчастлив в войне: победив Цинь, он затем продолжил оплакивать своего отца, и с тех пор черный цвет был принят в качестве национального цвета Циня на память. В 626 и 622 годах император посылал высших офицеров представлять его на похоронах в Лу и нести драгоценные камни, чтобы положить их в рот покойному, "чтобы показать, что у него (императора) не хватит духу оставить покойного без еды". В 581 году правитель Лу, находясь с визитом в Цине, был насильно задержан цинцами, чтобы придать большую значимость похоронам цинского правителя. Лу (как и мелкие ортодоксальные государства Вэй, Сун, Чанг и т. д. на юге) почти всегда находилась под соперническим политическим контролем Цинь, Цинь или Цзу; соответственно, этот фактор также должен быть принят во внимание при объяснении тоски Конфуция по старым добрым временам императорского господства. В 572 году Цинь напал на Чэн, хотя и принадлежащий к тому же клану, что и он сам, во время траура; но в 567 году

полуварварский Цу подал хороший пример ортодоксальному Цинь, отведя свои войска из уважения к более позднему официальному трауру, действовавшему в Чэн: в 564 году царь Цу вообще отвел свои войска домой из-за траура по его собственной покойной матери. В 560 году варвар Ву напал на Цю, когда в городе был траур по вышеупомянутому царю (тот самый, который первым завоевал для Цю Кантонскую область); но и здесь, по воле справедливой Немезиды, армия Ву была разбита на куски, а союзник Ву, Цинь, порицал ее за столь неподобающий поступок. В 544 году премьер-министр Цинь оплакивал свою Цю, подписавшую знаменитый договор о мирной конференции 546 года; этот изящный поступок объясняется как соответствующий обрядам. В 544 году Цю была в трауре, и в соответствии с условиями договора о мирной конференции, по которому цинские вассалы и вассалы Цю должны были выразить свое почтение Цю и Цин соответственно - Цин и Цзи, как великие державы, были освобождены, или, скорее, незаметно оставлены в покое - Цю оказал большое давление на Лу, чтобы обеспечить личное присутствие правителя Лу на похоронах Цю. Ортодоксальному князю совсем не понравилось это "подкапывание к варвару", но один из его советников посоветовал вести себя перед трупом так, как он вел бы себя с собственным вассалом: так и было сделано, и неискушенный Ц'у в тот момент ничуть не удивился, хотя позже царь обнаружил благочестивый обман. В 514 г. до н. э. У пожелал напасть на Цю, находясь в трауре, и добродетельный Ки-ча был немедленно послан У, чтобы сообщить Цину о *ситуации с фейхуз*. На похоронах в Лу в 509 году было объяснено, что новый герцог сможет взойти на трон только после окончания похорон; было добавлено, что "даже повеления Сына Неба не исполняются в Лу в этот критический период; *à fortiori* герцог не способен вести дела своих подданных". Но задолго до этого, когда Первый Протектор умер в 643 году, его тело шестьдесят семь дней пролежало в гробу без присмотра, в то время как пять его сыновей спорили о престолонаследии; фактически, черви были замечены выползающими из гроба. Эти болезненные подробности имеют большой исторический интерес, поскольку, когда (как упоминается на с. 209) его гробницу вскрыли почти 1000 лет спустя, пришлось послать собак, чтобы проверить воздух, настолько сильным было зловоние. В 492 году в Цинь находился непопулярный принц Вэй, который был заинтересован в том, чтобы посадить его на трон. В этот момент в Цине находился один негодяй, который бежал в Цинь из Лу, потому что в Лу Конфуций показался ему слишком сильным; этот человек предложил Цину, что было бы хорошим планом отправить семьдесят вэйских людей обратно в Вэй в траурных одеждах и с поясами, чтобы заставить вэйцев думать, что принц мертв, и таким образом получить возможность "застигнуть его врасплох" и поставить правителем. В 489 году, когда царь Цю умер на поле боя, три его брата, все из которых отклонили его предложение о троне, но один из которых, наконец, согласился, чтобы дать умирающему покой, решили скрыть смерть царя от армии, пока они посылали за его сыном от матери Ии, утверждая, что царь был не в себе, когда предложил незаконное наследование, и что обещание, данное ему, поэтому не имело силы. В 485 году Лу и У объединились в нападении на Цзи во время траура последнего - особенно позорная политическая комбинация: неудивительно, что за Конфуцием поспешно послали из государства Ч'КН, куда он ранее удалился в отвращении к коррупции в своей родной стране. В 481 году заговор, который готовился в Цзи, был отложен, потому что один из главных действующих лиц, будучи в трауре, не мог заниматься государственными делами любого рода. В 332 году до н. э. Цы отнял у Ена десять городов, успешно напав на него во время траура; один из странствующих дипломатов и интриганов, столь распространенных в Китае в тот период, настоял на том, чтобы города были восстановлены. Это произошло как раз в тот момент, когда философ Менций, который, похоже, также был большим политическим *дилетантом*, циркулировал туда-сюда между такими монархами, как короли Цы и Нгвэй, он же *Лян*, что полностью объясняется в до сих пор сохранившейся книге Менция.

Все вышеприведенные причудливые примеры, несмотря на их новизну в деталях, в принципе напоминают нам наши собственные "правила" международного права, которые всегда подлежат неожиданному "конструированию" в соответствии с потребностями войны и властью, которой обладает "конструктор". *Inter arma leges silent*. Как обычно в таких ритуальных вопросах, Ц'ин отличается полным отсутствием упоминаний.

ГЛАВА XXXVIII

ЖЕНЩИНЫ И МОРАЛЬ

Насколько можно судить по конкретным примерам, в которых упоминаются женщины, оказывается, что в древнекитайские времена их ограничение и уединение не было ни номинально, ни фактически столь строгим, как в более поздние времена, и, похоже, они были гораздо более дружелюбны к мужчинам, чем с тех пор, как более тысячи лет назад вошла в моду нелепая мода на поджимание ног. Обращаясь к своим полуварварским западным союзникам, которые готовились к походу на последнего императора Шан в 1122 году до н. э., Король-маршал заметил: "Древняя пословица гласит, что курица не воркует по утрам; когда она воркует, дом падает" - это намек на вмешательство любимой наложницы развратного императора в государственные дела; и мы уже видели в главе XX под заголовком "Закон", как один из императорских статуты, регулярно провозглашаемый или читаемый в вассальных королевствах, запрещал женщинам вмешиваться в государственные дела. Но, несмотря на это, жены и наложницы во всех государствах пользовались значительным влиянием, законным или нет, в том числе и в плане продвижения прав наследования и политических интересов своих детей. Убийство императора и бегство его преемника в 771 году до н. э. в своей основе было вызвано интригами женщин при дворе. Спустя несколько лет после этого события ортодоксальный правитель Вэй женится на прекрасной принцессе Цзи (ее красота вошла в историю и воспета в одах, которые сами по себе являются популярной формой истории), а затем, поскольку у нее не было детей, женится на принцессе Чэнь. Эта принцесса, к сожалению, потеряла свое потомство; но ее сестра также пользовалась благосклонностью принца, и ее сын после ее смерти был отдан на усыновление первой бездетной жене Цзи. Этот сын унаследовал трон Вэй, но в конце концов был убит младшим братом, рожденным от наложницы, которому на смену пришел еще один младший брат, чья королева также была одной из наложниц его отца. Таким образом, в самых ортодоксальных государствах (Вэй принадлежал к императорскому клану) обряды часто не имели большого значения на практике. - Эта книга, следует повторить, имеет дело с конкретными зафиксированными фактами, а не с цивилизацией, какой она должна была быть при обрядах Чжоу. - Так, даже в сравнительно современном Китае, 1500 лет спустя, третий император династии Танг женился на наложнице своего отца, и она в итоге стала править как императрица, что само по себе является возмущением "обрядами".

В 694 году до н. э. правитель Лу (также из императорского клана) женился на царевне Цзи, которая, как уже говорилось в главе XXXIV, не только вступила в кровосмесительную связь со своим братом из Цзи, но и подговорила его на убийство ее мужа. В связи с последующим визитом этой женщины в Цзи через два года приводится следующее правило: "Женщины, выйдя замуж, не должны вновь пересекать границу". То же правило цитируется в 655 году, когда принцесса из Лу, вышедшая замуж за мелкого вассала Лу в 670 году, пересекла границу Лу, чтобы навестить своего сына в Лу.

Второй Протектор, как мы знаем, во время своих странствий женился сначала на татарской, а затем на цинской жене, обе из которых проявили к нему бескорыстную привязанность и искреннее уважение к его правам на цинское наследство, однако правитель Цина

предоставил ему еще пять королевских девушек, одна из которых уже была замужем за предшественником и племянником Второго Протектора, маркизом Цина. Справедливо будет сказать, что он взял ее в жены только в знак протеста и под влиянием политической необходимости; в конце концов, он сделал ее своей главной супругой по желанию своего союзника, правителя Цинь. Позднее он, должно быть, женился и на дочери императора, так как после преемственности сына и внука на трон взошел еще один его сын по имени "Черная Задница", самый младший и тоже "сын матери Чоу". Таким образом, в те беспокойные времена честь императорских принцесс, очевидно, не имела большого значения при дворах великих вассалов. Готовность Цин склонить цинского правителя взять в жены жену своего племянника (принцессу Цин) подчеркивает полутатарскую цивилизацию Цин, если не Цин; ведь и у Хиун-ну (200 г. до н.э.), и у тюрков (500 г. н.э.) было твердое правило, что ханский преемник должен брать в жены всех женщин своего предшественника, за единственным исключением - родной матери. В 630 году царь Цу женился или взял в жены двух сестер ЧХНГ (из императорского клана). Правитель ЧХНГ дерзко обошелся с будущим Вторым покровителем во время его скитаний в 637 году и, чтобы избежать мести этого покровителя, был вынужден впоследствии перейти под защиту Цзу. "Такое пренебрежение обрядами со стороны царя Цу приведет к тому, что он не сможет получить протекцию", - говорилось в сообщении. Однако эти принцессы, хотя и принадлежали к императорскому клану *Ки* по браку с ним, на самом деле были дочерьми правителя ЧХНГ от двух разных жен - Ц'и и Ц'у: более того, до воцарения династии Хиа (в 2205 г. до н.э.), китайский выборный император женился на двух дочерях своего предшественника, чей собственный сын оказался недостойным преемником: и вообще, если не считать этого прецедента, правило о запрете жениться на двух сестрах, даже если оно существовало, похоже, применялось слабо (см. главу XXXIII.).

В связи с наследованием Чэн в 629 году упоминается, что "сыновья жены все умерли, Х, будучи мудрейшим из сыновей второстепенных жен или наложниц, имеет наибольшее право" (см. главу XXXVII.).

Большие политические осложнения возникли в связи с умной и красивой принцессой Чэн, которая имела различные *связи* с высокопоставленными лицами в государстве Чэн и других странах; в конце концов в 589 году она была увезена вероломным государственным деятелем Цзу в Цинь; косвенно это приключение привело к тому, что Цинь поручил ему миссию в У; к последующему вступлению У в конклав федеральных принцев; и к окончательному разграблению столицы Цзу царем У в 506 году: Легко прочесть между строк, что цари Цю считались необычайно произвольными и тираническими правителями; снова и снова мы видим, что их самые способные государственные деятели переходили на службу к державам, враждебным Цю. В 581 году правитель Чэн, насильно задержанный в Цине во время политического визита, был временно заменен в Чэне своим старшим братом, рожденным от неполноценной жены.

Был заключен брак между двумя государствами Сун и Лу, и императорские кланы Лу и Вэй должны были выполнить определенные обязанности на свадьбе, которая состоялась в 583 году; записано, что последние прислали "подручных" Объяснение, которое дается, немного запутано, но, кажется, оно проливает свет на вопрос о браке сестер. Похоже, что законная супруга и ее "левая и правая подручные" имели право на трех "двоюродных или младших сестер" из того же клана, что и они сами, "таким образом, в общей сложности девять девушек, что должно было расширить базу престолонаследия". Не удовлетворившись этим, Лу на следующий год отправил в Сун специального посланника, чтобы тот "прочитал лекцию" принцессе. Он объяснил, что "женщины дома находятся под властью своего отца;

замужние - под властью мужа". В этом году Цинь также послал подручных. Далее объясняется, что "служанки - дело пустяковое, и они упомянуты в деле принцессы Лу только потому, что ее брак сложился так неудачно". В следующем году подручных прислал Цинь, но, "будучи из другого клана, Цинь не был обряжен в это дело".

Точные функции этих паранимф, или младших учениц жен, а также правила их отбора, несомненно, достаточно четко описаны в "Обрядах Чжоу", но здесь мы имеем дело только с конкретными фактами, как они записаны.

В 526 г. до н. э., когда Цинь отдал принцессу в жены наследнику Цу, царь Цу решил оставить ее себе (см. с. 234). Всего за несколько лет до этого Цу выдал свою принцессу замуж за наследника одного из мелких ортодоксальных государств (императорский клан), и царствующий отец вступил с ней в неподобающие отношения, что в итоге привело к его убийству сыном; таким образом, Цу, как бы ни провинился, уже получил дурной пример от императорского клана.

После унижительного поражения от короля У в 494 году до н. э. король Ии ввел в своих владениях настоящую *Лекс-Юлию*, чтобы быстрее увеличить население и подготовиться к великой мести. Крепким мужчинам было запрещено жениться на старухах, а старикам - на крепких женщинах. Родителей наказывали, если девушки не выходили замуж к семнадцати годам, а юноши - к двадцати. Женщины-энкейнты должны были быть отданы под опеку государственных повитух. За каждого родившегося мальчика давали королевское вознаграждение в виде двух горшков вина и собаки, а за каждую родившуюся девочку - два горшка вина и свинью-сосульку; собака, как объясняют, означала внешний мир, а свинья - внутреннюю экономию. Тройняшек должны были сосать за государственный счет; близнецов, когда они достаточно вырастут, должны были выкармливать за государственный счет. Сын главной жены должен быть оплакан с отсутствием служебных обязанностей в течение трех лет; другие сыновья - в течение двух; и оба вида сыновей должны были быть похоронены одинаково с плачем и причитаниями. Сироты и сыновья больных или бедных вдов должны были получать официальную работу. Знатным сыновьям полагалась уборка квартир, их должны были хорошо кормить и красиво одевать. Ученые люди из других государств должны были быть официально приняты в храме предков. В связи с этим любопытным законом, совершенно некитайским по своей поразительной оригинальности, можно упомянуть, что он, по-видимому, постепенно привел к той распушенности нравов в древнем Ии, которая до сих пор известна в этих краях; ведь когда император Первого Августа объезжал свою новую империю в 212 году до н.э, он оставил надпись (сохранившуюся до сих пор) в старой столице Ии, осуждающую "свиноподобное прелюбодеяние" в этом регионе и, особенно, повторные браки вдов, уже имеющих детей. Всего несколько лет назад в этом регионе появились прокламации, осуждающие пагубный обычай принуждать вдов к повторному браку. Хотя считается, что Кван-цзы "изобрел" вавилонскую женщину для Цзи, ни в одной древней китайской истории ничего не говорится о распространенной проституции; не упоминается и о женском детоубийстве. В 502 году до н. э. революционер Лу, уже упоминавшийся в главе XXXVII, который был изгнан в Цинь благодаря дальновидным мерам Конфуция, перед тем как покинуть Лу, составил план убийства всех сыновей по женам из трех "могущественных семей", которые интриговали против герцогских прав, а на их место поставить сыновей наложниц - своих собственных; таким образом, принципы наследования распространялись не только на правящие семьи, но и на частные дома; хотя, собственно говоря, все эти три семьи происходили от предыдущих правящих герцогов. Как объясняется в главах XII и XXXIII, после пяти поколений из общего клана должна возникнуть новая "семья".

Несмотря на варварство У, факт его отдаленной принадлежности к императорскому клану (его первый правитель великодушно переселился из Чжоу до того, как Чжоу завоевал Китай в 1122 году) делал технически инцест для Лу, чтобы вступить в брак с У; таким образом, когда в 482 году до н.э. умерла принцесса из У (очевидно, навязанная Лу в политических целях), ее муж, правитель Лу, был обязан воздержаться от публичного погребения, как было объяснено в главе XXXIII. об именах.

ГЛАВА XXXIX

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ

Следует заметить, что даже в строго исторические времена после 842 года до н.э. ортодоксальный Китай, *mutatis mutandis*, как и ортодоксальная Греция, представлял собой небольшую территорию, окруженную бахромой малоизвестных регионов, таких как Македония, Малая Азия, Финикия, Египет и Италия; Не говоря уже о далеком Марселе и Геркулесовых столбах - местах, в лучшем случае малопосещаемых, за исключением мореплавателей, да и то лишь несколькими особо предприимчивыми мореплавателями или отчаянными авантюристами; хотя позднее греческое влияние и греческие колонии вскоре начали вытеснять финикийское и представлять окружающие страны в более правильном и определенном свете.

Что касается окрестностей древнего Китая и знаний о нем, которыми обладало ортодоксальное ядро, то все имеющиеся традиции указывают на знакомство с югом и востоком, а не с севером и западом. Люди, упорно стремящиеся вывести древнейших китайцев из Вавилонской башни через долину Тарим, охотно хватаются за малейшую традицию или то, что кажется им кажущейся традицией, в поддержку этих предвзятых взглядов; игнорируя очевидно справедливый аргумент, что, если мы вообще должны обращать внимание на простые традиции, мы должны по общей справедливости отдавать приоритет в ценности таким традициям, которые есть, а не тем, которых нет, а только тем, которые могли бы быть. Например, в Китае существовала традиция, согласно которой основатель династии Хиа (2205 г. до н. э.) был в некотором смысле связан с варварским королевством Иие, поскольку прапраправнук основателя империи Хиа столетие спустя подарил сына наложнице в этом отдаленном регионе. Самое раннее китайское упоминание о Японии - это то, что она находится к востоку от Ии, и что японцы приезжали и торговали с Ии. С другой стороны, если японские традиции, впервые зафиксированные в независимой письменности в VIII веке н. э., чего-то стоят, то японцы утверждают, что их предки присутствовали на дурбаре, который проводил вышеупомянутый прапраправнук основателя Хиа; кроме того, они твердо выводят свои правящие дома (как короля, так и принцев) из королевства У. В предыдущих главах мы видели, что и У, и Ии, древнейшие столицы которых находились в пределах 200 миль друг от друга, говорили на одном языке, и что оба они произошли (*т.е.* административная каста произошла) от двух отдельных китайских императорских династий. Основатель династии Хиа прославился прежде всего своими путешествиями и географией Китая, обычно называемой "Дань Ии" (его имя), - до сих пор существующей работой, подлинное происхождение которой может быть неясным, но которая дошла до нас в Книге (Истории). Эта география не только точна, но даже сейчас она проливает свет на первоначальное направление речных потоков, которые с тех пор изменились; в этом труде нет ни малейшей традиции или косвенного упоминания о том, что какие-либо китайцы когда-либо переселялись в Китай с запада.

Однако нет никаких оснований для предположения, поддерживаемого некоторыми европейскими авторами, что Девять треножников (часто упоминаемые выше) содержали на

своей поверхности "карты" империи; они просто содержали краткое изложение или коллекцию изображений, символизирующих различные народы, получавшие дань. С другой стороны, в "Дань Ии" нет ни малейших признаков знания о Китае к югу от реки Яриг-цз, к югу от ее устьев и к югу от ее соединения с озерами Ху Нань. О "провинции" Ян Чоу говорится туманно, что она простирается от реки Хвай "на юг до моря". Черная вода" - единственная упомянутая река, которая демонстрирует знание запада (т.е. западной половины современной провинции Кан Су), и эта "Черная вода" была пересечена в 984 г. до н.э. императором Му.

Существует также традиция предшественника Вия, императора Шуня, который, как упоминалось в последней главе, женился на двух дочерях императора Яо и похоронен в месте, расположенном к югу от озера Тун-тин, в современной провинции Ху Нань: несомненно, что в 219 году до н. э., когда император Первый Август был в турне, гора, на которой находится могила, была указана ему на расстоянии, если он не поднимался на нее. Опять же, дед Царя-воина, основавшего династию Чжоу в 1122 году до н.э., был, как уже неоднократно отмечалось, лишь младшим братом, а два его старших брата переселились в Джунгли и, двигаясь затем на восток, основали колонию в У (на полпути между Нанкином и Шанхаем). И У, и Иие в течение многих столетий после этого были чрезвычайно мелкими государствами протяженностью всего 50 или 60 миль, и для всех практических целей истории могут считаться одним и тем же регионом, то есть плоской, изрезанной каналами территорией, через которую проходит столь спорная железная дорога Шанхай - Ханьчжоу. После смерти Короля-Моряка, когда его брат герцог Чоу стал регентом вместо его сына, герцог вызвал подозрение других братьев и родственников относительно его мотивов и был вынужден на некоторое время удалиться в Цю, или, как его тогда называли, Страну Джунглей, на два года. Существует предание, что миссия из одного из южных государств Ии попала к герцогу Чоу, который, как предполагается, оборудовал для посланников повозку с прикрепленным к ней компасом, чтобы повозка двигалась строго на юг. Эта традиция, которая появляется только в одной из династических историй V века н. э., вообще не приводится в более ранней стандартной истории, и ни в коем случае не доказывается, что несомненно ранние китайские знания о грузном камне распространялись на изготовление компасов. Однако, как справедливо заметил Ренан в своем мастерском доказательстве истинности Евангелия, слабую традицию лучше принять во внимание, чем отсутствие таковой вообще. Кроме того, есть небольшое косвенное подтверждение этому, поскольку в 880 г. до н. э. или около того царь Цю передал одному из своих младших сыновей царство Ииех, носящее почти такое же двойное имя, как и то царство Юех, из которого посланники в 1080 г. до н. э. прибыли к герцогу Чжоу; в каждом случае первая часть двойного имени была Ииех, а вторая отличалась лишь незначительно. И снова, примерно в 820 г., некоторые из сыновей короля сослали себя в место, нечетко определенное как "где-то к югу от реки Хань", что вряд ли может означать что-то иное, чем "страна шанской или сиамской расы", которая жила тогда в Ииньнате и его окрестностях и некоторые из которых все еще известны под нечетким названием, использованным здесь в 820 г. до н.э. Нечеткость места обитания просто означает, что все к югу от Хань и Ян-цзы было *terra incognita* для самого Китая. Существует и другая традиция, не подтвержденная стандартной историей, согласно которой Царь-Мученик пожаловал в вассалы в Корею верного министра императора и династии, которую он только что вытеснил. И опять же, если дед или внучатые племянники и доверенные друзья императора могли найти дорогу в У, а позже в Японию, не говоря уже о Шаньтуне и Пекинской равнине, то вполне разумно позволить уважаемому приверженцу свергнутого монарха найти дорогу в Корею, тем более что центром административного притяжения Кореи тогда были Ляотун и Южная Маньчжурия - в крайнем случае, северная часть современной Кореи, а не Корейский полуостров.

В 649 году Первый Протектор начал хвастаться тем, что за 1500 лет до него сделал столько же, сколько любая из трех династий - Хиа, Шан и Чжоу; затем он определил область своей славы, которая ограничивается (в крайнем случае) западной частью Шан Си, южной частью Хо Нань, северной частью Пекинской равнины и заливом "Печэли". Второй Протектор, благополучно добравшись до трона предков после девятнадцати лет странствий в качестве претендента, сказал своему верному татарскому приспешнику и тестю: "Я совершил с тобой путешествие по всему миру (или всей империи)". На самом деле он был с татарами, конечно, в центральной, а возможно, и в северной части Шан Си; в Ц'и, что означает северную часть Шан Тунга и южную часть Чи Ли; далее через четыре небольших ортодоксальных государства Сун, Вэй, Ц'ао и ЧКНГ (что означает просто подъем по долине Желтой реки в Хо Нань), в Ц'у; и оттуда Ц'ин привез его, чтобы посадить на цинский трон. Император уже был неясной фигурой, стоящей ниже всякого политического внимания, и никакие другие части того, что мы сейчас называем Китаем, не были известны Протектору даже по имени. Как мы увидим в одной из последующих глав, Конфуций проделал ту же самую работу, за исключением того, что он никогда не посещал Цинь или Тартарскую землю. Первое упоминание об Иие относится к 670 году до н. э., когда новый царь Цю, убивший своего старшего брата и желавший загладить вину за это преступление и грубые завоевания своего отца, а также упрочить свое положение, показав себя в хорошем свете перед федеральным Китаем, сделал покорные авансы Лу и императору (эти две незначительные державы в то время лучше всего представляли старую ритуальную цивилизацию). Император ответил: "Продолжайте покорять варваров и Ии, но оставьте в покое государства Хиа (т.е. ортодоксальный Китай)". В 601 году Цю и У пришли к дружескому соглашению о взаимных границах, и Ииэ также было принято в конклав или *антанту*; но это был местный акт, не имевший никакого отношения к Китаю, который впервые слышит об Ииэ как о независимой или полунезависимой державе в 536 году, когда царь Цю с целым рядом покоренных ортодоксальных китайских князей в качестве своих союзников, а также с контингентом Ииэ, начинает войну с У. В более поздние времена есть свидетельства того, что о Китае в целом мало кто знал, а межгосударственные связи ограничивались в основном соседями. Например, когда в 589 г. до н. э. Цинь смело двинул армию на Цзи, считалось удивительным, что цинские колесницы действительно смотрят на море. В 560 году, когда цынский министр и философ Ен-цз находился в Цю в качестве посланника, а цынские придворные разыгрывали его (как уже рассказывалось в главе IX), он сказал: "Я слышал, что, когда попадаешь на юг от реки Хвай, апельсины становятся хорошими. Точно так же и мы, северяне, производим лишь жалкую побрякушку; подлинный товар достигает своего совершенства в Ц'у". Таким образом, даже в это время Ян-цзы рассматривался так же, как римляне в Империи рассматривали Дунай - как некий смутный барьер между *цивилизацией* и *варварами*. Ни столица Цзу, ни основная часть владений Цзу не находились к югу от этой великой реки; в действительности, столицы У и Ие также не были к югу от нее, поскольку одно из трех устьев (самое северное, как и сейчас) соответствовало ручью Сухуи и реке Усунг, проходящим через современный Шанхай; в то время как другое древнее устье впадало в море у современного Ханьчжоу. Мы уже приводили другие свидетельства, показывающие, что еще раньше Ян-цзы был неисследованным регионом, известным, и то лишь несовершенно и локально, одному лишь правительству Цзу. В 656 году до н. э. Первый Протектор призвал Цю к порядку, поскольку в 1003 году до н. э. император совершил поездку к Великой реке и не вернулся (см. главу XX-XV.). И снова, когда императорская власть рухнула в 771 году до н.э, Первый граф Чанг (родственник императора) посоветовался с императорским астрологом, где ему лучше основать свой новый удел: его идея заключалась в том, чтобы поселиться на юге, на границах Ян-цзы; но его отговорили от этого шага на том основании, что власть Цзу будет расти по мере упадка власти Чжоу, и поэтому Чанг будет тем легче стать жертвой Цзу в

будущем, если она сейчас переместится так далеко на юг. Астролог делает еще одно наблюдение, которое подтверждает мнение о том, что Цю и ортодоксальный Китай изначально принадлежали к одному и тому же доисторическому роду. Он говорит: "Когда далекий предок Цю оказал хорошую услугу императору (2400 г. до н. э.), его слава была велика, но его потомки никогда не стали такими процветающими, как представители рода Чжоу". В 597 году до н. э., когда граф Чанг действительно оказался во власти Цю, он сказал: "Если вы решите отправить меня на юг от Ян-цзы к Южному морю, я не буду иметь права возражать"; это означает, что "никакое изгнание, каким бы далеким оно ни было, не будет слишком суровым для моих заслуг". В 549 г., когда цинские генералы выступили в поход против Цю, они особенно старались найти хороших проводников-чакнгов, которые хорошо знали маршруты. Наконец, в 541 году цинский государственный деятель сделал следующие замечания принцу (впоследствии царю) Цю, который тогда находился с миссией в Цинь, чтобы проиллюстрировать своему гостю завоевания и дальние походы древних времен:...

"Император Шунь (женившийся на двух дочерях Яо и взявший в министры основателя династии Ся) был вынужден заключить в тюрьму принца Трех Мяо (в Ху Нань; дикари провинций Ху Нань и Квэй Чоу до сих пор называются *Мяо*); династии Хиа пришлось разбираться с распрями в (современных) Шаньтуне и Шэнь Си; династии Шан пришлось делать то же самое в (современном) Кианг Су; ранним монархам Чжоу - в (современных) Северном Кианг Су и Южном Шаньтуне: Но теперь, когда нет способных императоров, все вассалы враждуют между собой. У и П'у (предполагаемый Шанский или Сиамский регион, о котором шла речь выше) доставляют вам неприятности; но это не касается никого, кроме вас".

Из всего этого совершенно очевидно, хотя китайские историки и философы, кажется, никогда не замечали этого, что культурные или ортодоксальные китайцы, то есть группа тесно связанных между собой односложных и тонических племен, которые одни владели искусством письма и поэтому неизбежно первенствовали и постепенно цивилизовали остальных, занимали очень небольшую территорию даже ко времени смерти Конфуция в 479 году до н.э. и не знали ничего, кроме названий всех регионов, окружавших это ортодоксальное ядро, которое поэтому справедливо называлось "Центральным государством", как, впрочем, и сейчас называется Китай.

[Иллюстрация: КАРТА

1. Си-нгань-фу (и Хиен-ян напротив, на северном берегу реки Вэй), отмеченные кругами в ромбе, были столицами Китая, начиная с 220 года до н. э. и на протяжении более тысячи лет. Древняя столица династии Чжоу, оставленная в 771 году до н. э., отмечена крестом в круге и находится к западу от Си-нгана. В 771 году до н. э. император бежал на восток в свою "восточную столицу" (основанную за 300 лет до этой даты), которая стала единственной метрополией, названной *Лох* (от реки, на которой она стоит); она также отмечена крестом внутри круга и является практически современным Хо-нань-фу; в более поздние времена она была столицей всего Китая, попеременно с Си-нгань-фу.

2. Брод, где первый император Чжоу (122 г. до н. э.) назначил встречу со всеми своими вассалами, отмечен двумя пунктирными линиями через Желтую реку.

3. Две точки в полукруге отмечают место, где Цинь "вызвал" императора на дурбар в 632 году до н. э. После этого Цинь получил от императора уступку полосы между Желтой рекой и рекой Цинь (ничего общего с государством Цинь).

4. Существует вторая река Лох, отделяющая государство Цинь от государства Цинь.
Территория между этой рекой Лох и Желтой рекой попеременно принадлежала Цинь и Цинь.
5. Территория между более южной рекой Лох и Желтой рекой и рекой I была обрезанным императорским уделом после того, как Цин в 771 году до н. э. получил западную половину; Цин в 632 году получил оставшуюся северную половину; и после того, как Цу откусил мелких ортодоксальных вассалов к югу от широты 34°].

ГЛАВА XL

ГРОБНИЦЫ И ОСТАНКИ

Китайцы, за исключением Великой стены, всегда были хлипкими строителями, и, соответственно, осталось очень мало памятников, доказывающих древность их цивилизации. Уже упоминались гробницы императоров Шуня и Ии (2200 г. до н. э.). Гробница другого императора династии Хиа (1837 г. до н. э.) находится в двадцати милях к северу от Юн-нинга в Хо Нань, где Цинь в 627 г. до н. э. был уничтожен Цинь (см. с. 30). Гробница (дл. 115ø, шир. 33ø) царя Ц'у, умершего в 689 г. до н.э., была разграблена около 500 лет спустя, но оползни разбили предметы воров. Гробница Первого покровителя, расположенная в семи милях к югу от его столицы в Шаньтуне - город до сих пор обозначается на картах как Линь-цз - была осквернена в 312 г. н.э. Внутри был найден небольшой пруд с ртутью, а также оружие, ценности и кости тех, кто был похоронен вместе с ним. Дворец царя Ц'у 617 года до н.э., сына того, чью смерть в том году с уважением описал Конфуций, до сих пор является ямом или *проториумом* окружного магистрата в Кинг-Тоу-Фу, и, возможно, его еще можно увидеть с проходящих пароходов, которые курсируют над портом Ша-Шф. Существует сомнение в датировке гробницы этого царя (ум. 593 г.); некоторые помещают ее рядом с дворцом, другие - на 100 миль севернее, около современного города Сян-ян. Возможно, что после разграбления столицы У в 506 году тела прежних царей были сразу же перевезены в новую временную столицу (далеко на севере), которой было дано старое название. Например, можно с уверенностью сказать, что король, умерший в 545 году, был похоронен совсем недалеко от столицы (Кинг-Тоу-Фу). Гробница Ки-ча, с надписью Конфуция на ней древним иероглифом, все еще видна в десяти милях к западу от Кианг-инь (где находятся современные форты, ниже Нанкина) и в двадцати милях к востоку от Чанг-чоу; вероятно, новая "британская" железная дорога проходит совсем близко от этого места, как и пароходы: в течение последних 400 лет памяти Ки-ча ежегодно приносят жертвы: поскольку Конфуций никогда не посещал У, надпись, если она подлинная, должна была быть отправлена туда. Гробницу племянника Ки-ча, короля У, до сих пор можно увидеть за одними из ворот Сучжоу; вернее, там находится храм, построенный на этом месте, поскольку сама гробница была осквернена и разграблена войсками Юэ, когда они разграбили столицу в 482 году. Изначально там находился тройной медный гроб, небольшой пруд, несколько водоплавающих птиц из золота (вероятно, символизирующих спорт), оружие, драгоценности и т.д.; но ничего не говорится о том, что в жертву приносились люди. Говорят (2000 лет назад), что для перевозки земли и строительных материалов для этой гробницы использовались слоны. В 506 году мстительный офицер Цу, бежавший в У и подстрекавший царя У сделать все возможное, чтобы уничтожить Цу, действительно вскрыл царскую могилу в столице или рядом с ней и выпорол труп мертвого царя, который так сильно обидел его и его семью.

В 501 году оригинальный лук и скипетр, подаренные королем-воином своему брату, герцогу Чжоу, основателю государства Лу, были украдены с места хранения, но, к счастью, были найдены в следующем году. Кстати, это утверждение имеет большое значение, ведь когда

царь Цю, о котором говорилось выше, предъявлял свои требования императору, одной из его претензий было то, что у него не было реликвий основателя, таких как подарки, которые он сделал Цю, Лу, Ену, Цину и другим привилегированным государствам не более высокого статуса, чем его собственное. Выше приведены лишь несколько примеров из многих, которые показывают, как из века в век китайцы видели своими глазами вещи, которые сейчас, в далеком прошлом, кажутся нам неопределенными и невероятными. Как обычно, Цинь не дает нам ничего о древности; еще одно доказательство того, что, пока она не задумала завоевать Китай, она была совершенно неизвестна (внутренне) ортодоксальному Китаю. Дом, храм, могила и парк самого Конфуция образуют абсолютно непрерывную связь с прошлым. В непосредственной близости находятся останки и реликвии герцога Чжоу, и не следует забывать, что герцог Чжоу и его ритуальная система были образцами для Конфуция: как утверждал Конфуций, "я лишь передатчик древности". Современные люди, и особенно иностранцы, забыли или ничего не знают о герцоге Чжоу; однако его останки и храмы были для Конфуция таким же предметом видимой истории, как для нас - земли Конфуция. Каждое последующее поколение китайцев упоминает о существующих древностях или о современных объектах, которые с тех пор стали древностями, со спокойной уверенностью тех, кто действительно владеет ими и не сомневается в своем владении. Сами они указывают на пробелы - для этого не требуется наш скептицизм; ведь когда какой-нибудь историк или менее формальный писатель переступает границы истины или вероятности, критики тут же находятся, и они всегда откровенно говорят, чему они верят. Одним словом, китайские документы, будь то железо, камень, дерево, шелк, бумага, здания или могилы, и их традиции - единственные свидетельства, которыми мы располагаем: Китайские критики были единственными критиками этих доказательств; и они - единственный свет, с помощью которого мы, иностранцы, можем стать критиками. Большой недостаток китайской критики - неспособность выработать общие принципы и критиковать конструктивно, а также аналитически. Их история - это правила, передающиеся из уст в уста, дневниковая система, подобная огромному музею подлинных, но неклассифицированных и не имеющих билета предметов. Но у нас нет никаких веских причин сомневаться в подлинности традиций или документов дальше той точки скептицизма, до которой доходят сомнения коренных китайцев, поскольку следует помнить, что ни один иностранец не обладает и десятой частью той массы китайской образованности, которую легко усваивает профессиональный литератор. Все, что мы можем сделать, - это перегруппироваться и извлечь принципы.

ГЛАВА XLІ

ТАРТАРЫ

Важно подчеркнуть очень тесные отношения, существовавшие между китайцами и татарами с самых ранних времен. Все, что нам известно наверняка, это то, что они были к северу и западу от старших династий, и особенно занимали верхнюю часть реки Вэй, в нижней части которой находится старая метрополия Си-нган-Фу; это означает, что они были именно там, где мы находим их во времена Конфуция, и где мы находим их сейчас, за исключением того, что они были оттеснены немного дальше назад, и что китайские колонисты присвоили себе большинство оазисов. Умерший в 1231 году предок Чжоу, *то есть* отец основателей У и прадед основателя династии Чжоу (1122), вынужден был оставить набегавшим татарам свои владения на реке Верхний Кинг (северный приток Вэй, который течет почти параллельно ей и соединяется с ней у Си-нгань-фу), и был вынужден перебраться на юг к реке Верхний Вэй. В течение почти 1000 лет до этого его предки, которые первоначально были вынуждены бежать к татарам, чтобы избежать неправильного правления третьего императора Хиа, жили среди них и, продолжая китайское искусство земледелия, частично стали татарами; так как в 1231

году до н.э., как говорят, переселенцы отказались от татарских манер и серьезно посвятили себя строительству и земледелию; из этого обязательно следует, что татарские манеры должны были в течение некоторого времени быть определенно приняты семьей Чоу. Внук переселенца, отец основателя Чоу, вел различные небольшие войны с племенем, называемым Собачьими Тартарами. Спустя более 1000 лет после первого бегства в Тартаром мы видим, что император Мух, правнук основателя рода Чжоу, не только имел стычки с татарами, но и совершал среди них походы в долину Нижнего Тарима, Турфан, Харашар и, возможно, даже до Урумчи и Куче, но точно не дальше. Двести лет спустя, опять же, правящий император был разбит татарами в (современной) провинции Центральный Шань Си, и потомку в шестом поколении Цин Джеху, который провел колесницу императора Муха в Тартар, удалось спасти жизнь императора; но этот род Чао, который был, таким образом (ср. р. 206) одного и того же происхождения с семьей Цинь, впоследствии нашла свой счет в полном отказе от императорских интересов и в служении поднимающемуся княжеству Цинь (Шань Си), где она стала одной из "шести семей", три из которых в 403 г. до н. э. были в конечном итоге признаны императором в качестве независимых правителей. Как мы уже неоднократно говорили, в 772 году до н. э. император Чжоу из-за женских интриг вступил в неприятности с татарами и был убит: его преемник был вынужден перенести метрополию на восток, в (современный) Хо-нань-фу, отказавшись от западной части своей вотчины - полутатарской половины - в пользу Цинь. Таким образом, Цинь в 771 году до н. э. стал для императоров Чжоу тем же, чем Чжоу до 1200 года до н. э. был для императоров Шан.

Теперь мы переходим к строго историческим временам, и нам не составит труда показать, что даже в те времена - *а тем более* в не строго исторические времена - различные племена татар по-прежнему практически владели всем северным берегом Желтой реки, на всем пути от Пустыни до моря. В самом деле, в 494 году до нашей эры, когда царь У послал в Лу кость великана для дальнейшего объяснения, Конфуций сказал, что "длинные тартары" (которые часто воевали с Лу в седьмом веке до нашей эры) распространялись на юго-восток в (современный) Кян Су, почти до устья реки Ян-цзы: он также говорит, что, если бы не энергия Первого защитника и его государственного советника, философа Кван-цзы из Цзы, ортодоксальный Китай наверняка стал бы тартаризированным. Именно Конфуций, благодаря своей образованности, смог распознать маньчжурскую стрелу, найденную в теле перелетного гуся. В VIII и VII веках до н. э. татары совершали неоднократные и упорные нападения на Ень (Пекинская равнина), Цзи (побережье Чи Ли и север Шань Тун), Вэй (юг Чи Ли и север Хо Нань), Сун (крайний восток Хо Нань), Цао (центр Хо Нань) и территорию императора (запад Хо Нань). Эта ситуация объясняет нам, почему в Китае возникла система протекторов, конкурировавшая с ослабевающей императорской властью. Цин и Цинь, будучи сами наполовину татарами, всегда были в состоянии справиться с татарскими племенами в непосредственной близости от себя и даже присоединить их; но ортодоксальный Китай постоянно становился жертвой более восточных татарских нападений; поэтому императоры, которым угрожали Цу на юге, а также в некоторой степени Цинь и Цинь на севере и западе, не только не могли больше защищать своих ортодоксальных вассалов, лежащих к востоку от татарских нападений, но даже не могли защитить себя.

Именно Цзи оттеснил монголо-маньчжурские племена и спас Ен в 662 году; именно правитель Цзи возглавил коалицию князей против других групп татар и вернул на трон своих предков правителя Вэй, изгнанного татарами из своей страны в 658 году; Именно Первый Протектор, правитель Цзи, сумел умиротворить более западных татар, которые, как мы видим, настойчиво угрожали императору в 648 году; к его помощи татары пришли в 642 году, когда коалиция ортодоксальных китайских князей бесстыдно воспользовалась смертью

Первого Протектора, чтобы напасть на Цзи во время траура. Тогда Второй Протектор, все еще находясь в статусе беженца среди своих татарских родственников, отправился в Цай, намереваясь заменить философа Кван-цза в качестве советника Первого Протектора; но вскоре после того, как он достиг Цая, Первый Протектор умер, и только с помощью хитрости его друзьям удалось спасти будущего Второго Протектора из рук его Цайской Делайлы и его *д'элис де Капуэ*. Его главным советником и одновременно шурином с точки зрения татар был прямой потомок человека Чао, спасшего императора в 800 году до н. э. Он отправился через ортодоксальные государства в свою страну. Эти мелкие ортодоксальные государства, такие как Вэй, Чэн и Цао, которые тогда не увидели возможности извлечь политическую выгоду из визита претендента, впоследствии поплатились за свою подлость и грубость по отношению к нему. Сунг был вежлив, поскольку в то время и Сунг, и Ц'у нацеливались на протекторство. Гостеприимство Цю было блефом и добродушием: король был слишком силен, чтобы бояться, и слишком неискушен, чтобы интриговать по китайской моде. Как раз в это время из Тсина пришло известие, что все братья Претендента ушли в отставку или умерли, и что теперь настал его шанс, Претендент поспешил в Цинь, восстановил свой трон и был провозглашен Протектором Китая именно в тот критический момент, когда срочно требовалась сильная рука, чтобы сдерживать особые амбиции Тсина, Тсина и Тсу. Ц'у был слишком варварским, Сун - слишком педантичным; один только Цинь имел непревзойденный опыт борьбы с татарами и восточными варварами, а также с южными варварами (Ц'у). Вероятно, только тот факт, что правящая семья Цинь носила то же родовое имя, что и император, решил, что Цинь во всем будет ортодоксальным китайцем, а не татарин. Однако татарская семья, на которой Второй Протектор женился в сравнительно молодом возрасте, также принадлежала к императорскому роду, то есть была ортодоксального китайского происхождения, но (как и императорская семья Чоу в свое время) переняла татарские обычаи. В таком же положении находилось множество из тысячи или более мелких китайских княжеств, подчиненных не непосредственно императору, а более крупным вассалам в качестве *mesne lords*; то есть они были китайского происхождения, но сочли, что им выгоднее перенять варварские обычаи. Это было то же самое, как если бы Сципион поселился в Карфагене и стал карфагенянином: С'сар - в Галлии и перенять галльские обычаи; и так далее с другими римскими авантюристами, которые должны были найти удобную *обитель* в Персии, Малой Азии, Сирии, Египте или даже в Британии и Германии.

Главное, на чем следует заострить внимание, заключается в следующем. Китайское ядро было очень маленьким, и только грубо отбросив некомпетентных императоров и суетливый ритуал, оно смогло освободиться от татарского рабства. То, что это не преувеличенное мнение, дополнительно ясно из того факта, что татары даже со времен Конфуция правили Северным Китаем больше и дольше, чем китайцы; монголы (1260-1368) были первыми татарами, которые правили всем Китаем и номинально всей Западной Азией; Маньчжуры (1643-1908) - первые татары, которые фактически правили всем Китаем, всей Маньчжурией и всей Монголией; они даже присоединили к себе часть Туркестана, Тибет, Непаул и другие страны, над которыми пекинское имперско-монгольское влияние всегда было очень тeneвым.

ГЛАВА XLII

МУЗЫКА

В этих картинах древней китайской жизни, которые мы пытаемся представить, идея состоит в том, чтобы повторить со всех точек зрения основные характеристики этой жизни, чтобы странный и незнакомый предмет, очень слабо запечатленный в пестрых анналах древности,

получил свежие лучи света со всех возможных сторон и таким образом предстал более четко как единое целое.

Возьмем, к примеру, музыку, которая всегда играла в китайском церемониале важную роль, которую нам сейчас нелегко понять. Одной из главных достопримечательностей современной конфуцианской резиденции является музыкальная комната, содержащая образцы всех древних музыкальных инструментов, на которых, по случаю, все еще играют в хоре; фотография их была опубликована отцом Тшепе (см. стр. 128).) Согласно описанию, данному этим европейским гостем, музыка здесь самая диссонирующая и режущая слух: но это не обязательно решает вопрос; ведь даже части "Кольца" Вагнера - бессмысленный звон для тех, кто слышит музыку впервые, и кто не в состоянии прочитать партитуру или следовать "классическому" стилю. Как мы уже говорили, древние императоры на своих банкетах, устраиваемых для вассалов и прочих, всегда имели музыкальное сопровождение.

В 626 году до н. э., когда правитель Цинь получил миссию от "татарского царя" (вероятно, местного царя или вождя), он был поражен проницательностью посланника, отправленного к нему. Этот посланник все еще говорил на цинском языке или диалекте, но его родители, которые были цинского происхождения, переняли татарские манеры. Посланник был также автором, и его сочинение, состоящее из двух частей, сохранилось по крайней мере до II века до н. э.: его относят к "Разным писателям". Предметом беседы было превосходство простого татарского управления по сравнению с запутанным ритуалом "Оды", "Книги", "Обрядов" и "Музыки" ортодоксального Китая. Зачатки даосизма Лао-цзы, как и у других "разных" авторов, словно проглядывают из слов этого татарина. Хитрый правитель Цинь, чтобы заполучить этого умного посланника себе на службу, послал в подарок татарскому царю две группы женщин-музыкантов, чтобы сделать его менее мужественным; 140 лет спустя хитрый правитель Цинь сделал то же самое, чтобы не дать герцогу Лу стать слишком сильным; и непосредственным следствием этого стало то, что Конфуций с отвращением покинул своего непостоянного хозяина. Ки-ча, принца У, во время пребывания в Лу развлекали образцами музыки из разных государств. Когда он дошел до музыки цзинь, то сказал: "Ха! Ха! Слова китайские! Когда цзинь станет совсем китайским, у него будет большое будущее". Это замечание говорит о том, что язык или диалект Цинь отличается от цинского, а также от более ортодоксального китайского. В 546 году до н.э., когда миссию из Цю в Цинь сопровождал высокопоставленный офицер из оспариваемого ортодоксального государства Цай, лежащего между этими двумя великими державами, обсуждалась теория музыки как вспомогательного средства управления. По мнению Конфуция, высказанному столетие спустя, музыка лучше всего отражает нравы нации, а власть в старые добрые времена проявлялась в обрядах и церемониях в той же степени, что и в законах и постановлениях. До этого, в 582 году, было обнаружено, что у Цю есть свой собственный музыкальный стиль; а в 579 году, когда цинского посланника принимали в государственном учреждении, среди прочих музыкальных инструментов там были подвешенные колокольчики.

Таким образом, и Ц'ин, и Ц'у в этот период все еще находились на стадии обучения. Прежде чем высмеивать идею о том, что музыка может каким-либо образом заменить проповедь или повеление, мы должны задуматься о том, какой благоговейный вклад вносит музыка в наши собственные религиозные службы, не говоря уже о "говорящем" эффекте наших западных ноктюрнов, симфоний и оперной музыки в целом.

В 562 году до н. э., когда государственному деятелю Цину (чья слава в этой связи дошла до наших дней) удалось установить постоянное соглашение с татарами, основанное на совместных торговых правах и разумных взаимных уступках, принципе заинтересовать татар в земледелии, промышленности и так далее; в качестве награды за выдающиеся заслуги ему

подарили определенную музыку, что означало политическое право на исполнение в его присутствии определенных музыкальных произведений. Эта уступка перестает казаться нам смешной или даже странной, если мы подумаем, какой честью было бы для, скажем, герцога Веллингтона или Нельсона, если бы право играть "Боже, храни короля" за ужином было предоставлено его семейной группе музыкантов. За четыре века до этого, когда император Мух совершал свои походы среди татар, он всегда приказывал, чтобы в определенных случаях (всегда указываемых в повествовании) его музыканты исполняли один конкретный музыкальный номер (названный). В Цинь, а возможно, и в других местах, музыкальные мастера, похоже, совмещали прорицание и философию со своими функциями; так, в 558 году музыкальному мастеру этого государства был задан вопрос об искусстве хорошего управления, на что он ответил: "Доброта и справедливость" - две особые антипатии, кстати, даоса Лао-цзы, который жил примерно в это время в качестве хранителя архива в метрополии. В 555 году этот же человек или другой музыкальный пророк в Цине успокаивал своих соотечественников, опасавшихся вторжения цзу, следующими словами: "Я только что дирижировал песней, состоящей из северного и южного воздуха, и последний звучит так, как будто юг будет побежден". Но музыка имела и более легкое применение: в главе VI мы видели, как в 549 г. два цинских генерала, проезжая через Чэн для нападения на Цю, отдыхали в удобной повозке, играя на банджо. Музыка использовалась как при богослужении, так и при дворе; в 527 году правитель Лу в знак уважения к одному из своих покойных министров отказался от игры на музыкальных инструментах, которая в противном случае была бы неотъемлемой частью жертвоприношения или поклонения, которое он совершал в данный момент. Даже в современном Китае музыка запрещена во время торжественных периодов траура, а чиновники часто подвергаются унижениям за посещение театральных представлений во время торжественных постов. В 212 году до нашей эры, когда император Первого Августа, подобно Саулу или Вельшазару, начал грустить от созерцания своего одинокого и нелюбимого величия, он был внезапно поражен падением метеоритного камня, на котором была выбита надпись, похожая на предупреждение. Он тут же приказал своим ученым людям сочинить музыку, повествующую об "истинных людях" и бессмертных, чтобы изгнать дурное предзнаменование; следует отметить, что даосские наклонности этого императора, видимо, привели к тому, что слово "истинный человек" век за веком дошло до нас в значении "даосский жрец" или "вдохновленный даосами человек".

ГЛАВА XLIII

БОГАТСТВО, СПОРТ И Т.Д.

Путешественник в современном Китае все еще может удивляться полному отсутствию каких-либо признаков богатства или роскоши, за исключением самых крупных городов. Изысканная одежда, драгоценности, наложницы, богатая еда, афродизиаки, опиум, земля, скот - все это представляет собой "богатство" в понимании китайского богача. Говорят, что в 655 году Цин заплатил пять бараньих шкур Цзу, чтобы получить услуги желанного советника. Через несколько лет после этого, когда будущий Второй протектор заключал свои условия с царем Ц'у, он сказал: "Что я могу сделать для вас взамен? Вы и так обладаете всеми рабами, музыкантами, сокровищами, шелками, перьями, слоновой костью и кожей, которые только можете пожелать". В 606 году в качестве подарка к новогоднему ужину от Цю к Чэну была прислана великолепная черепаха; в современном Китае такая форма вежливости вообще не прошла бы, поскольку черепаха приобрела дурную репутацию как термин оскорбления, сродни испанскому использованию или злоупотреблению словом "чеснок": однако я сам однажды, находясь в глубине страны, вдали от моря, испытал любопытный комплимент в виде живого краба длиной два дюйма (присланного мне как большая честь) в небольшой

банке. Конечно, стулья были неизвестны, и даже самые высокие сидели или приседали на циновках; не обязательно на земле, но расстеленных на диванах. Таким образом, слово пережило предмет, как и у нас ("покрывала" за ужином "предоставляются", но их никогда не видно; поэтому в Китае хозяин - это "восточная циновка", а гость - "западная циновка"). В 626 году, когда правитель Цинь обсуждал политику с татарским посланником, о котором говорилось выше, он позволил ему в качестве особой милости сесть рядом со своей циновкой (на кушетку). Эти кушетки, вероятно, напоминали современный диван, софу, *к'анг* или диван, которые видели и на которых сидели все посетители Китая. Чай в те времена был совершенно неизвестен и не упоминается ранее седьмого века нашей эры; но, возможно, вино подавалось, как и чай сейчас, на низком столике между двумя сиденьями. "Тартарские диваны" (возможно, турецкие) часто упоминаются, даже на поле боя, причем в сравнительно недавние времена. В 300 г. до н. э. Ц'у подарил выдающемуся принцу-отступнику из дома Ц'и "слоновую кушетку", под которой, вероятно, подразумевается кушетка, инкрустированная слоновой костью, в современном известном аннамском стиле.

В 589 году до н. э., когда цинские войска достигли столицы Цзи и моря (о чем уже рассказывалось в главах VI и XXXIX под заголовками "Армия" и "Географические знания"), Тси попытался купить мир, предложив победителю государственные сокровища в виде драгоценной утвари. В 551 году богатый человек из Цю был признан наглым и показушным, потому что у него было сорок лошадей. В 545 году посланник из Чэна, действуя в соответствии с соглашением о мирной конференции, которое так часто описывалось ранее и упоминалось, приносит в дар Цю меха и шелка; а в 537 году Цинь говорит о том, что такие предметы часто преподносятся Цю. В 494 г., когда царь Ии получил большое поражение от царя У, его первой отчаянной мыслью было убить своих жен и детей, сжечь свои ценности и искать смерти во главе своих войск; но неизбежный хитрый китайский советник был под рукой, и царь в конце концов последовал совету своего наставника и успешно подкупил усюкого генерала (перебежчика из Цю) подарками женщин и ценностей. Когда этот проницательный китайский советник царя Юэ своими мудрыми советами обеспечил окончательное поражение У, он упаковал свои портативные ценности, жемчуг и нефрит, собрал свою семью и клиентов и уехал за море, чтобы никогда не возвращаться. На самом деле он поселился в Цай, где сколотил огромное состояние на торговле рыбой и в итоге стал традиционным китайским Крезом, имя которого так же хорошо известно современным китайцам через конфуцианских историков, как имя Креза - современным европейцам через Геродота. В период между двумя поражениями Ииэ от У и У от Ииэ он несколько лет служил шпионом в У, и тот факт, что он добрался до Шаньтуна по морю, в принципе подтверждает историю о том, что семья его современника, короля У, таким же образом бежала в Японию. Место, где он высадился, было, вероятно, тем же, где высадился знаменитый паломник Фа Хиен после своего индийского паломничества в 415 году н. э., то есть в немецком порту Цин-тао.

О золоте в ранние времена мы слышим мало, но в 237 году до н. э., когда Цинь напрягал все силы, чтобы завоевать Китай, (будущему) императору Первого Августа посоветовали "подкупить министров всех государств, находящихся в союзе против Цинь, не дороже 300 000 фунтов золота". И все же в 643 году до н. э., после смерти Первого покровителя, ортодоксальное государство Чэн (лежащее между Цинь и Цинь на севере и Цю на юге) было подкуплено каким-то "металлом" - вероятно, золотом или серебром - чтобы отказаться от Цинь. В 538 году знаменитый чэнский государственный деятель Цз-Ч'ан сообщает своим коллегам из Цинь, что цинские офицеры "не думают ни о чем, кроме денег". Что это были за деньги, сомнительно, но следует помнить, что примерно в это время "могущественной семье" Лу удалось подкупить цинских министров, или "шесть великих семей", управлявших

тогда Цинем, чтобы они отказали в правосудии беглому герцогу Лу. Говорят, что в 513 году до н. э. могущественный царь У, сделавший своей столицей (современный Сучжоу), обладал железными и золотыми рудниками, и утверждается, что даже сам Китай не мог изготовить лучшего оружия. Говорят, что крупные "наличные" были отчеканены императором, правившим с 540 по 520 год до н. э.; а в 450 году до н. э. царь Цу, как сообщается, "закрыв свое хранилище трех денег". Поскольку чеканилась только медь, сейчас нелегко сказать, что представляли собой две другие "деньги". В 318 году до н. э. Ен дал взятку в размере "ста золотых" одному из известных политических дипломатов или интриганов, которые в то время составляли лиги с Цинь или против него; неизвестно точно, сколько это было в то время и в том месте; но столетие или два спустя при династии Цинь это означало двадцать четыре унции; при династии Хань, завоевателях Цинь, это было лишь вдвое меньше. Повара, по-видимому, занимали официальные посты значительного достоинства. "Мясоеды" в конфуцианские времена обозначали "чиновников" или "богачей". Так, когда надменного царя У внезапно отозвали домой после высокопарного дурбара с Цинь, Лу и другими ортодоксальными государствами, чтобы разобраться со своим грозным врагом Юэ, он сильно побледнел. Путем смелого "блефа" ему все-таки удалось набрать большинство политических очков и с честью выйти из неудобного угла, но китайские шпионы не спускали с него глаз и доложили бдительному врагу, что "мясоеды обычно не бывают чернолицыми", то есть у короля У, очевидно, на уме были какие-то совсем недавние плохие новости, ведь "сытые обычно не выглядят изможденными".

Шелк был известен повсеместно. Когда Второй Протектор (будущий) уединялся со своей возлюбленной в Цзи, служанка его госпожи случайно подслушала важные разговоры, сидя на своем посту в тутовом дереве; предполагается, что она собирала листья для шелковичных червей. И снова в 519 году, столетие спустя, на границе Цзу-Ву (провинция Северный Ань-Хвэй) произошел спор о владении некоторыми тутовыми деревьями. Хлопок (*Gossypium*) был неизвестен в Китае, и бедные слои населения носили одежду из пеньковых материалов; хлопковое дерево (*Bombux*) было известно на юге, но тогда (как и сейчас) из его соцветий нельзя было сплести ткань. В Китае никогда не было принято носить мечи, пока в 409 году до н. э. Цинь не ввел эту практику; но она, вероятно, никогда не распространялась на ортодоксальный Китай, по крайней мере, в том, что касается гражданских лиц. Три династии - Хиа, Шан и Чжоу - использовали нефритовые или малахитовые кольца, таблички, скипетры и т. д. в качестве знаков официального ранга.

Что касается спорта, то охота и особенно стрельба из лука, по-видимому, были самыми популярными занятиями. В 660 г. говорится, что принц Вэй (ортодоксальный) увлекался боями с цаплями. В 539 г. упоминается, что четырехконные колесницы использовались в большой охоте на цзу к югу от современного Те-ань в северной провинции Ху-Пе, где тогда были в основном джунгли: эти охоты использовались как своего рода подготовка к войне, а также для спорта. Знаменитые "каменные барабаны", обнаруженные в седьмом веке нашей эры недалеко от старой столицы Чжоу, описывают военные охоты активного императора, о которых говорится в главе ХLI. Как и следовало ожидать, в Ене (Пекинская равнина) было много лошадей, которых до сих пор монголы толпами привозят в Пекин: в 539 году об Ене сказано следующее: "Она никогда не была сильной державой, несмотря на множество лошадей". В 534 г. подробно описывается большая охота в Лу; здесь также использовались колесницы, а их стволы были установлены в противоположные ряды, концы которых сходились вверху, образуя "ворота вала", на которых, кроме того, развевался флаг. Вход в китайские официальные *ямьни* до сих пор называется "воротами с древком"; на самом деле, первоначально "я" было флагом, а "ямьнь" означает просто "ворота с флагом". В Средние века о лагерях турецких ханов всегда говорили как об их "я-тусе": "Отсюда 1500 миль на

северо-запад до ханского я". Петушиные бои были распространенным видом спорта в Цзи и Лу. В 517 году до н. э. два видных чиновника Лу поссорились из-за того, что один надел на свою птицу металлические шпоры, а другой рассыпал горчицу в перьях своего боевого петуха: из-за двусмысленности или двойного значения одной из использованных пиктограмм нет полной уверенности в том, что "горчица в крыльях" не может означать "металлический шлем на голове". Поднятие тяжестей было (как и сейчас) любимым упражнением; в 307 году царевич Тси умер от последствий напряжения, полученного при попытке поднять тяжелый металлический треножник. В Ц'и играли в мяч, в том числе в разновидность футбола. Однако, как правило, следует опасаться, что богатые китайские классы в древние (как и в современные) времена находили свой главный отдых в пирах, литературных поединках и женском обществе. Любопытно, что об азартных играх ничего не говорится. Женщины изображены за ткацкими станками или занятыми на шелковом производстве; но удивительно, как мало говорится о домашней жизни, о том, как строились дома, как проходили часы досуга. В современном Китае большая часть мужского сельского населения встает с рассветом или до него и занимается полевыми или садовыми работами до наступления вечера; нет искусственного освещения, достаточного для рукоделия или частных занятий; даже утешения в виде табака и чая - не говоря уже об опиуме, а теперь и газетах - были неизвестны в конфуцианские времена. Поэтому можно предположить, что жизнь была еще более скромной, чем сейчас, за исключением того, что у женщин, по крайней мере, были ноги, по которым они могли ходить. Со страниц Лао-цзы и Менция мы получаем некоторые представления о чрезмерных налогах и народных страданиях, о принудительном труде и бандх прессы, о бездушной роскоши богачей; Книга од также рассказывает нам о жалкой печали людей под руками их хозяев. Во всех странах народные привычки меняются медленно; ни в одной из них это не происходит так быстро, как в Китае. Поэтому сравнение с сегодняшней жизнью заставляет нас сделать вывод, что жизнь в те времена была достаточно жалкой, и поэтому не стоит удивляться тому, что несчастные люди с готовностью продавали свои услуги первому честолюбивому авантюристу, который мог защитить их и кормить изо дня в день.

ГЛАВА XLIV

CONFUCIUS

До сих пор Конфуций казался многим из нас, жителей Запада, чопорным, непонятным человеком, претендующим на бессмертие на сентиментальных пустяках, не имеющих очевидной практической цели; но из приведенных выше небольших набросков нравов того времени, в котором он жил, станет ясно, что он был практичным человеком с определенной целью, и что его голая история и его отрывистые моральные учения были лучшим, что он мог сделать с жалким материалом и перед лицом неизбывной коррупции и тирании. Было объяснено, как царь-воин, завоевавший Китай для семьи Чжоу в 1122 году, примерно через дюжину лет отдал старшего брата последнего императора династии Шан в страну Сун, где он управлял большей частью того, что осталось от ближайшего *окружения* покойной династии, и продолжал жертвоприношения. Именно это имел в виду Конфуций, когда сказал: "В К'и не сохранилось достаточных указаний на то, какими были институты династии Хиа; но я изучил в Сун то, что сохранилось от институтов династии Шан. На практике я придерживаюсь институтов династии Чжоу, как я изучал их у себя в Лу". К'и было очень мелким государством в ранге маркиза, расположенным рядом с Лу, которому, правда, оно подчинялось; но как Сун, как представители династии Шан, имел привилегию совершать определенные императорские жертвоприношения, так и К'и, как представители династии Хя (конфискованной Чжоу в 1122 году), имел равное право на отличие. Предки Конфуция были

уроженцами Сун и отпрысками царствовавшего там герцогского рода; фактически, в 893 году его предок должен был наследовать сунский престол: в 710 году до н. э. последний из этих предков, занимавший высокий чиновничий пост в Сун, был убит вместе со своим княжеским господином; и через несколько поколений после этого прадед Конфуция, чтобы избежать светской злобы могущественного рода, убившего его предка, решил переселиться в Лу. Иными словами, он просто пересек современный Большой канал (тогда реку Сз, которая брала начало в Лу) и перебрался за несколько дней пути на северо-восток, в ближайшее цивилизованное государство. Отец Конфуция - не мифический персонаж, а крепкий, простой солдат, чьи подвиги при трех сменявших друг друга князьях упоминаются в истории Лу совершенно случайно и регулярно. Еще будучи ребенком, Конфуций проявил любопытное увлечение игрой с жертвенными предметами и церемониями, подобно тому, как английские дети в яслях иногда играют в "пастора и пономаря" и "устраивают пиры". Когда он вырос до зрелого возраста, один из высокопоставленных чиновников Лу предсказал его будущее величие не только из-за его серьезного характера, но и потому, что он происходил из династии Шан, и потому, что интриги, происходившие в Сун, лишили его прав на престол и там. Два сына этого сановника, о которых часто упоминают различные современные авторы и один из которых впоследствии отправился вместе с Конфуцием к Лао-цзы при императорском дворе, стали изучать обряды под руководством человека, о котором так хорошо отзывался их отец. Единственное официальное назначение в Лу, которое Конфуцию удалось получить в этот период, - должность управляющего в одной из "могущественных семей", занимавшихся в то время столь популярной во всем Китае задачей подрыва герцогской власти; это назначение было чем-то вроде управления, в обязанности которого входило подсчитывать меры зерна и проверять головы скота. Один из двух сыновей вышеупомянутого государственного деятеля, предвидевший выдающиеся способности Конфуция, через некоторое время после этого обратился к правителю Лу с просьбой разрешить ему вместе с Конфуцием посетить императорскую столицу; как полагает историк 100 года до н. э. Ш-ма Цьен, именно по этому случаю произошла знаменитая беседа философа с Лао-цзы. В этой связи необходимо сделать два-три замечания. Во-первых, почти обо всех вассальных государствах известно, что они либо наносили визиты в метрополию, либо желали ее посетить; кроме того, королевские герцоги и королевские историки либо по просьбе вассалов, либо по указанию императора принимали участие в консультировании вассальных государств. Во-вторых, поскольку Конфуций тогда не занимал высоких должностей, его визит, будучи частным делом, не считался достойным упоминания в анналах Лу, и поэтому почти само собой разумеется, что сопровождавший его молодой человек, имевший официальный статус по рождению, считался главной персоной. В-третьих, в конфуцианских историях нет ни одного случая, чтобы простой хранитель архива или простой философ упоминался в связи с его важностью в этом качестве. Такие люди, как Цз-ч'ан, Шу-хиан, Ки-ча и другие выдающиеся "ритуалисты" того времени, упоминаются не столько из-за их абстрактных учений, сколько из-за того, что они были способными государственными деятелями, способными остановить растущую волну революционных мнений. Даже сам Конфуций фигурирует в современных анналах только как способный администратор и дипломат; о его "школе" нет никаких особых упоминаний, и, *a fortiori*, он сам не упоминает "школу" Лао-цзы, даже если у Лао-цзы она была; ведь он не одобрял республиканский и демократический способ толкования древнего *дао* Лао-цзы. Наконец, ни Конфуций, ни Лао-цзы, как бы ни была велика их местная слава, все же не были универсально "великими"; следовательно, они были такими же объектами поклонения героев, как и Шекспир в период расцвета его деятельности; а о живом Шекспире мы почти ничего не знаем. В это время Лу находился в затруднительном положении, окруженный соперничающими великими державами Цинь, Цзи и Цю, все три из которых абсолютно

игнорировали императора, за исключением тех случаев, когда им удавалось использовать его и его ритуальный престиж в качестве кошачьей лапы в своих собственных эгоистических интересах. Когда Конфуцию было тридцать лет (522 г. до н. э.), правитель Цинь в сопровождении своего министра, философа Ен-цзы, нанес визит в Лу и обсудил с Конфуцием вопрос: "Как Цинь, начиная с такого маленького и неясного начала, достигла своего нынешнего положения?". Кроме того, правитель Цинь и его приспешник Ен-цз оба воспользовались возможностью изучить обряды в Лу. Этот факт, по-видимому, подтверждает (более позднее) утверждение, что Конфуций сам изучал обряды в метрополии, а также объясняет признание самого Конфуция, что он мало что понимал в институтах династии Хя, существовавших в К'и - государстве, лежащем к востоку от Цзи. В 520 году последний посланник, отправленный из Лу в метрополию Чжоу, сообщил по возвращении, что императорская семья находится в состоянии вражды и анархии: если, как утверждается, это действительно был последний посланник из Лу, то Конфуций и его друг должны были посетить Лао-цзы до того, как первый достиг тридцатилетнего возраста. Цинь и Лу находились в революционном состоянии, и в каждом из них шла борьба с "влиятельными семьями"; она началась и в Цзи, и в принципе, похоже, была сродни нашей английской борьбе короля Джона и его баронов (как защитников народных прав) против жадности сборщика налогов. Чтобы избежать домашних неприятностей, Конфуций в возрасте тридцати пяти лет отправился в Цинь, чтобы, по возможности, служить своему другу маркизу, который за несколько лет до этого советовался с ним по поводу возвышения Цинь. Возможно, именно там он нашел возможность изучить музыку династии Хиа в маленьком государстве К'и, расположенном всего в одном дне пути к востоку от столицы Ц'и, на северо-восточной границе Лу; и именно там, должно быть, он составил свое мнение о сохранившихся обрядах Хиа. Его советы правящему князю Цзи были настолько высоко оценены, что было предложено наделить его поместьем. Интересно отметить, что ревнивый Ен-цз (которым Конфуций восхищался как собеседником) протестовал против этого пожалования, мотивируя это тем, что "люди его взглядов - софисты-риторики, опьяненные изобилием собственного многословия; некомпетентны в управлении народом; тратят время и деньги на дорогие похороны. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее впустую, пытаюсь докопаться до сути этих бессмысленных исследований". Из этого видно, что Лао-цзы был далеко не одинок в своем презрении к консервативным и ритуальным взглядам Конфуция, хотя вполне возможно, что Ен-цзы все же уважал его как человека и политика. Наконец, Конфуций, обнаружив, что все министры Цзи настроены против него, а маркиз признал себя слишком старым, чтобы вести за него сражения, покинул страну и вернулся на родину. Его собственный герцог умер в изгнании в 510 году до н. э., власть осталась в руках влиятельной частной семьи; и по крайней мере десять лет Конфуций не занимал никаких должностей в своей родной стране, а проводил время за редактированием "Оды", "Книги", "Обрядов Чжоу" и "Музыки"; некоторые даже считают, что он не только редактировал, но и сочинял "Книгу истории" или заново собирал те части старой книги, которые соответствовали его дидактическим целям. Тем временем частные семейные интриги продолжались как никогда активно, пока, наконец, в 501 году, когда Конфуцию было пятьдесят лет, самый грозный агитатор из них, сочтя свое положение несостоятельным, не сбежал в Цай; кажется даже, что Конфуций предоставил или думал предоставить свои услуги в распоряжение одного из этих мятежных подданных. Возможно, именно с учетом таких случайностей правящий герцог наконец дал Конфуцию должность губернатора одного из городов, где его управление было настолько восхитительным, что вскоре он перешел на более высокие посты и стал главным судьей или министром юстиции. Взгляды Конфуция на закон хорошо известны. Он категорически не одобрял публикацию закона в ортодоксальном государстве Чэн, о чем говорится в главе XX, считая, что судья должен всегда "объявлять" закон и заставлять

наказание соответствовать преступлению, а не давать людям возможность проверить, насколько они могут напрячься, следуя буквальным положениям закона. Он также сказал: "Я, как и другие, управляю законом; я применяю его к каждому случаю; нужно убить одного, чтобы не пришлось убивать других". Древние понимали профилактику лучше, чем мы сейчас; в настоящее время мы можем надеяться лишь на то, чтобы не наказывать несправедливо. Древние стремились спасти жизнь заключенному; сейчас мы можем лишь изо всех сил доказывать его вину. Однако лучше отпустить виновного на свободу, чем убить невинного".

Старый друг Конфуция, правитель Цзи, был еще жив (он царствовал пятьдесят восемь лет, одно из самых долгих правлений в истории Китая), и только что пережил серьезное унижение от рук варварского короля У, за наследника которого он был вынужден отдать одну из своих дочерей в жены. Китайский протекторат прозябал в неведении из-за отсутствия достойного государя, и одно время казалось, что суровое и эффективное управление Конфуция обеспечит Лу желанный приз. Поэтому маркиз Цзи разработал коварный план убийства и господина, и человека, и с этой целью отправил посланника с предложением о дружеской конференции. Именно по этому случаю Конфуций произнес свое знаменитое изречение (цитируемое, однако, со слов "слышавшего") о том, что "те, кто ведет дипломатические переговоры, всегда должны иметь военную поддержку". Соответственно, пара генералов сопровождала партию к месту свидания, и можно предположить, что генералы имели с собой отряд солдат, даже если незаменимые простые люди не заслуживают упоминания в китайской истории. В соответствии с практикой, был сооружен алтарь или даи; было предложено вино, и обычные обряды были выполнены до конца, как вдруг цзиский офицер стремительно вышел вперед и сказал: "Теперь я предлагаю представить иностранных музыкантов", - и группа музыкантов тут же вышла на арену с оружием, развевающимися перьями и шумными криками. Конфуций сразу же раскусил этот зловеющий маневр и, поспешно взойдя на помост (за исключением последней ступеньки из уважения), высказался в самых откровенных выражениях. Правитель Цзи так устыдился своего положения, что тут же отослал танцоров прочь. Но, несмотря на это, была немедленно введена вторая группа конных танцоров. Конфуций был так разгневан, что потребовал их немедленной казни по закону (предположительно, общеимперскому), "предусматривающему смертную казнь для тех, кто возбуждает вражду между князьями". Головы и ноги вскоре покрыли землю, а Конфуций так хорошо разыграл свои другие карты, что впоследствии добился заключения официального договора, фактически передав Лу некоторые территории, которые в течение нескольких лет незаконно удерживались Цзи. С другой стороны, Лу должен был пообещать помочь Цзи 22 500 человек в случае, если Цзи вступит в какую-либо "чужую" войну - вероятно, имелось в виду У. Через два или три года после этого волнующего события в Лу началась гражданская война, поскольку Конфуций настоял на том, чтобы "бароны" разобрали свои частные крепости.

В возрасте пятидесяти шести лет Конфуций оставил пост министра юстиции и занял должность первого советника: первым его делом было предание смерти вельможи, сеявшего беспорядки в государстве. Именно в эти годы верховного правления в стране был восстановлен полный порядок; исчезли воры; "молочные свиньи и ягнята продавались по честным ценам"; по всей стране царил всеобщее довольство и ликование. Все это заставляло соседний народ Цзи все больше и больше беспокоиться, вплоть до опасения аннексии со стороны Лу. Поэтому хитрый старый маркиз, опять же по наущению того, кто спланировал покушение в 500 году до н. э., сделал выбор из восьмидесяти самых красивых женщин, которых только мог произвести Цзи, а также тридцати четырехконных колесниц самого великолепного описания. Царствующий маркиз Лу, а также его друг из

"могущественной семьи", против которого Конфуций когда-то подумывал взять оружие (который, правда, выступал в качестве посредника), оба попали в ловушку: общественный долг и жертвоприношения были проигнорированы; в результате Конфуций сразу же бросил свои должности и с отвращением покинул страну. Первым делом он отправился в Вэй (императорский клан), столица которого тогда стояла на Желтой реке, в крайней северо-восточной части современной провинции Хо Нань; через эту столицу тогда протекала река: столица одного из древнейших императоров, предшествовавших династии Хиа, почти 2000 лет назад находилась в непосредственной близости, как и последняя столица династии Шан, дальним потомком которой, как мы видели, был Конфуций. После нескольких месяцев пребывания там его стали подозревать и клеветать, поэтому он решил двигаться дальше, хотя правитель Вэй щедро назначил ему жалованье (зерном), соответствующее его высокому положению. Он отправился на восток в город Сун (на крайнем юге современной провинции Чи Ли): здесь он имел несчастье быть принятым за опасного человека, который бежал из Лу в Цай в 501 году, вследствие чего он вернулся и остался в Вэй со своим другом К'у-пех-юхом, который, как упоминалось в главе XXVIII, Здесь, как знатного путешественника, его попросила (практически приказала) одна из жен правителя нанести ей визит; и хотя неохотный визит был нанесен со всеми приличиями и сдержанностью, тот факт, что эта женщина в то время подозревалась в кровосмешении со своим собственным братом, бескомпромиссные туземные критики считают, что на характере Конфуция осталось небольшое пятно. Хуже того, правящий принц вывез свою жену на прогулку с евнухом, сидящим в той же карете, приказав мудрецу следовать за ним в карете низшего класса. Это было слишком для Конфуция, и тогда он возобновил свой первоначальный путь через Сун, откуда повернул назад, и направился в небольшое государство Цао (императорский клан; до сих пор называется Цао-ту, крайний юго-запад современной провинции Шаньтун). В наши дни ему пришлось бы пересечь Желтую реку, но, разумеется, здесь об этом не говорится, поскольку Конфуций уже оставил ее позади в столице Вэй: фактически он находился на правом берегу с тех пор, как покинул свою страну. Это было в 495 году до н. э. После недолгого пребывания в Цао философ направился на юг, к столице Сун (современный Квей-тэ-фу на крайнем востоке Хо Нань). По какой-то причине военный министр хотел убить его - возможно, из-за того, что архиинтриган, которого Конфуций изгнал из Лу в 501 году и который укрылся сначала в Цай, а затем в Сун, оклеветал его там. После этого Конфуций направился на запад, через различные верховья реки Хвай, в Чэн (императорский клан), государство, которым на протяжении нескольких поколений так замечательно управлял Цз-цзянь: в самом деле, один человек у городских ворот заметил, "как похож на Цз-цзяня" этот незнакомец. Некоторые утверждают, что Цзы-цзан тогда только что умер, но более верное мнение - что он уже был мертв двадцать семь лет: в любом случае любопытно, что Конфуция, который был очень высоким человеком, дважды принимали за других людей. Затем Конфуций вернулся на юго-восток, в ортодоксальное государство Чэнь (современный Чэнь-чжоу-фу в Восточном Хо Нане). Это было одно из древнейших княжеств в Китае, возникшее еще до династии Ся (2205 г. до н. э.), и царь-воин Чжоу, завоевав империю в 1122 г. до н. э., усердно искал наиболее подходящего потомка, чтобы перенять древнюю плату своего далекого предка и продолжить жертвоприношения.

Конфуций пробыл в Чэне более трех лет, и за это время варварский царь У захватил несколько соседних городов, а Цинь и Цу поочередно опустошали окрестности, пытаясь добиться преобладающего влияния. Именно здесь, недалеко от дворца принца упала хищная птица, пронзенная странной стрелой: по дереву, из которого была сделана стрела, и по особой каменной колочке, использованной для ее наконечника, Конфуций смог объяснить, что птица, должно быть, прилетела из (современной) Маньчжурии. (Этот ежегодный перелет дроф и гусей в степи и обратно можно наблюдать любой зимой в наши

дни). Затем он повернул на север и снова прибыл в Сун, где побывал в 496 году: здесь его арестовали, но отпустили под торжественное обещание, что он не пойдет в Вэй, государство которого в тот момент обдумывало целесообразность нападения на тот самый сунский город. Конфуций сознательно нарушил данное им слово, сославшись на то, что "обещания, данные с помощью насилия, недействительны и не признаются богами". (Эти слова, которые, в конце концов, являются хорошим английским законом, были процитированы раздраженным Чан Чф-туном, когда Россия "вымогала" Ливадийский договор у Чжунгоу). Прибыв в Вэй, он посоветовал своему старому другу, вэйскому князю, напасть на сунский город, который тот только что покинул. Но герцог счел за лучшее иметь Желтую реку между собой и соперничающими государствами Цю и Цинь (это конкретное упоминание Желтой реки как находящейся к западу от города в доль. 114° 30' в.д.). Последнее государство, Цинь, в то время удерживало большую часть левого берега. Конфуций даже подумывал принять приглашение циньского мятежника отправиться к нему на помощь: это было как раз в тот момент, когда "шесть семей" постепенно разрушали некогда могущественное северное ортодоксальное государство. Он также сомневался, не лучше ли ему, раз уж вэйский князь не хочет его нанимать, отправиться на запад в Цинь, чтобы там служить одной из враждующих шести семей: на самом деле он дошел до Желтой реки (еще одно доказательство того, что она должна была протекать по западной стороне Вэй-хуэй-фу в Хо Нань), но, услышав неблагоприятные новости из циньской столицы (на юге Шань Си), повернул обратно в Вэй. Поскольку вэйский принц обошелся с ним несколько бесцеремонно во время беседы, он решил еще раз вернуться на юг, в древнее государство Чэнь. Здесь (492 г.) он услышал новости о разрушении огнем некоторых храмов предков Лу и о смерти министра "могущественной семьи", чье позорное поведение с поющими девушками заставило его с отвращением покинуть Лу. Этот министр был своего рода наследственным *мэром дворца*, что, по-видимому, было принято во многих государствах, и его последними словами, обращенными к сыну, были: "Когда сменишь меня, пошли за Конфуцием: мое управление не удалось: Я поступил неправильно, уволив его". У сына не хватило смелости попросить самого Конфуция, но он послал за одним из учеников философа, и с друзьями Конфуция было решено, что этот ученик, вступив в должность, должен послать за самим Конфуцием, который очень хотел снова работать в Лу. Тем временем Конфуций решил посетить ортодоксальное государство Цай (императорский клан), лежащее к югу от Чэна: Столица этого государства первоначально была городом в верховьях реки Хвай, в самом центре современной провинции Хо Нань; но под влиянием войн Цинь и Тсу оно дважды переносило свой главный город на восток, и в результате вторжения Тсу оно теперь (491) находится на главной реке Хвай в современной провинции Ань Вэй и в данный момент находится под политическим влиянием У; неясно, однако, посетил ли Конфуций старую или новую столицу. Пробыв здесь год, Конфуций отправился дальше на запад, в некий город Ц'у (недалеко от Нань-ян-фу в Хо Нань), проезжая по пути мимо места, где родился Лао-цзы. Вскоре он вернулся в Цай, где пробыл три года. Следует отметить, что с 700 г. до н. э. Цюй проводил целенаправленную политику по присоединению или оттеснению как можно большего числа ортодоксальных государств, так что несомненно высокая литературная продукция Цюя в поздние годы легко объяснима: другими словами, северное население Цюя теперь уже было ортодоксальным китайцем. Кроме того, не следует забывать, что еще до завоевания Чжоу один из ранних правителей Цю был писателем и был наставником отца основателя Чжоу: то есть, возможно, Цю всегда был таким же литературным, как и Китай.

Тем временем Цю и полуварварское У оспаривали владение Чэнем, и царь Цю пытался заручиться услугами Конфуция, который благоразумно перебрался в безопасное место в открытой местности, лежащей между Чэнем и Цаем. Министры этих двух ортодоксальных государств, опасаясь последствий для своего народа, если Конфуций (как он, похоже, и

думал) решил принять предложение Цю, с полицейскими силами окружили конфуцианскую партию; Им удалось спастись от голодной смерти, только послав весть королю, который сразу же отправил отряд освободить мудреца. Он хотел пожаловать Конфуцию вотчину, но его министры посоветовали ему, что такое решение опасно, поскольку династия Чжоу завоевала империю, начав с мелкой вотчины, и что само великое царство Цю достигло своего нынешнего величия, начав с еще более мелкой вотчины. Поэтому мудрец решил вернуться в Вэй (489 г.), где несколько его учеников получили официальные посты, а сам Конфуций, похоже, выступал в роли неофициального советника, особенно в вопросах спорного престолонаследия. Вся эта конкуренция за услуги Конфуция или, по крайней мере, ревность к нему доказывает, что его репутация администратора (не обязательно философа) была уже широко распространена. В следующем году царь У явился в столицу Лу, и одному из бывших учеников Конфуция, занимавшему там должность (тому самому, который отправился вперед в 492 году), как раз удалось умерить требования варваров, которые, однако, приняли лишь сравнительно безобидную "духовную" форму ортодоксальных жертвоприношений.

[Иллюстрация: Карта

1. Пунктирная линия показывает нынешний Большой канал; часть между реками Ян-цз и Хвай была проложена королем У. Часть к северу от Хвай - это, главным образом, русло реки Сз, текущей из столицы Лу в Хвай.
2. Старый амбушюр Хвай, идущий от озера Хунг-Цех к морю, больше не существует; он рассеивается в каналах и солончаках.
3. С 1852 года Желтая река течет на север, как показано на других картах. В течение нескольких столетий до 1851 года она текла так, как показано длинной линией с точками, и занимала ныне исчезнувшее русло Хвай.
4. Крестиками отмечены заглавные буквы. Ts'ai (две отмеченные) и Hii (одна отмеченная) часто сдвигали столицы].

В 484 году Конфуций все еще находился в Вэй, поскольку в этом году он, как утверждается, отказался обсуждать там вопрос, связанный с ведением войны. В 484 или 483 году ученик, посланный Конфуцием в Лу, как уже говорилось, в 492 году совершил экспедицию против Цзи: это был позорный период, когда ортодоксальная Лу, в обязательном союзе с варварским У, вела двойную и вероломную игру в условиях стресса, и на повестке дня стоял вопрос об отзыве Конфуция для спасения родной страны. Услышав об этом и несмотря на большие взятки, предложенные ему правителем Вэй, Конфуций с готовностью отправился в Лу, куда благополучно прибыл после четырнадцати лет скитаний. Часто утверждается, что всего он посетил более сорока государств; но следует помнить, что каждая из важных стран, которые он посетил, имела в свою очередь ряд собственных сателлитов, как, например, чрезвычайно древнее "государство маркизов" Ки, или К'и, подчиненное Лу, которое, хотя и обладало большим духовным авторитетом, не имело никакого веса в мирской политике. Интересно отметить, что путешествия Конфуция почти полностью совпадают с путешествиями Второго Протектора 150 годами ранее (см. главу XXXIX); оба они игнорировали императора, оба посетили Ц'и, Ц'ао, Сун и Чэн на пути к границам Ц'у; но Конфуций не смог продвинуться намного дальше на запад, чтобы достичь столицы Ц'у; он также не смог добраться до Цинь, не говоря уже о еще более отдаленном Ц'ин. Иными словами, ограниченный центр ортодоксального Китая оставался на протяжении многих веков неизменным, а окружающие его обширные области в V веке до н. э. все еще оставались полуварварскими. И вот Конфуций, видя, что императорская власть уменьшилась

почти до нуля, что Оды и Книги, Обряды и Музыка больше не имеют прежнего влияния, занялся систематическим поиском документов, переделкой Книги (Истории) и попыткой установить точный ритуал или управление предшествующих династий. "Отныне обряды могли быть поняты и переданы", - из чего можно сделать вывод, что до этого времени они были практически монополией княжеской касты. Он не углублялся в мифический период дальше двух императоров, предшествовавших династии Хиа, и не опускал Книгу дальше, чем до времени герцога Му Циньского, что практически означает время первых Протекторов. Он действительно сделал для обрядов и истории то, за что упрекал Цз-чэня в отношении закона: он популяризировал его. Он также упорно пытался овладеть "Переменами", к которым он добавил свои собственные непонятные черты - очень немногим более понятные, чем оригинальные тексты. Что касается од, которых насчитывалось 3000, то он использовал нож для обрезки гораздо более энергично, и девять десятых из них были отброшены как непригодные для целей хороших дидактических уроков или консервативных прецедентов. Если мы заменим, как мы вправе это сделать, расплывчатое слово "религия" на столь же расплывчатое слово "обряды" (которые на самом деле были единственной древнекитайской религией); если мы заменим пустые христианские церкви наших дней и слишком скупые амбиции соперничающих европейских держав на пренебрегаемое дао идеалов Чжоу и на дикое соперничество великих китайских вассалов, мы получим почти точно такую же ситуацию в современной Европе. Если мы можем представить себе великого Папу или великого философа, воспользовавшегося поворотом в сознании европейцев, чтобы вернуть простые идеалы христианства, то мы легко можем представить себе этого европейского Конфуция, которого в будущие времена будут повсеместно приветствовать как спасителя бедственного положения, которое в Европе сейчас, как и 2000 лет назад в Китае, влечет за собой столько страданий и несчастий для людей. Короче говоря, Конфуций был в некотором роде китайским Пием X., выступавшим против модернизма.

Единственным оригинальным произведением Конфуция были "Весны и осени", которые практически являются продолжением (с необходимыми вводными годами) древней Книги, отредактированной или, как считают некоторые, составленной им самим. Он вел свою историю с 722 по 481 год до н. э. и умер в 479 году. Его ученик Цо К'иу-мин, который был официальным историком при дворе Лу, аннотировал и изложил лысые анналы Конфуция, сведя повествование с 481 по 468 год; и восхитительная работа Цо является главной, но далеко не единственной основой для того, что мы хотим сказать в настоящей книге очерков.

ГЛАВА XLV

КОНФУЦИЙ И ЛАО-ЦЗЫ

Помимо того, что почитание правителей было стержнем религиозной системы Чжоу, или, что тогда было одно и то же, административной системы, официальные историографы, которые были простыми слугами исполнительной власти, должны были быть осторожны, чтобы не оскорбить исполнительную власть в те капризные дни; тем более частный автор и такой отставной чиновник, как Конфуций, должен был тщательно следить за условностями. Так, например, два историка были преданы смерти цареубийцей в Цзи за то, что записали убийство им царевича, царствовавшего в Цзи; а Цзи находился всего лишь по соседству с Лу. Таким образом, главная особенность его работы заключается в том, что он скорее намекает, чем критикует, скорее предлагает, чем осуждает, скорее скрывает, чем разоблачает, когда речь идет о сословной чести или божественном праве; точно так же, как у нас церковь предпочитает замалчивать, чем публиковать какой-либо неудачный внутренний эпизод, который может дискредитировать ее. Он был настолько потрясен убийством правителя Цзи узурпировавшей его семьей в 481 году, что даже в своем почтенном возрасте

безуспешно советовал немедленно начать войну против Цзи. Возможно, его мотив был сомнительным, поскольку в следующем году мы видим, как его ученик, занимавший в то время должность, отправляется в составе миссии к тому же узурпатору, чтобы попытаться добиться уступки территории, которую он неправомерно удерживал. Этот ученик был одним из тех друзей, которые помогали в заключении соглашения в Вэй в 492 году. Недостатки Конфуция - ведь он был всего лишь человеком и никогда не претендовал на гениальность - никак не влияют на истинность его трудов, поскольку они были обнаружены почти с самого начала и никогда не скрывались. В качестве примера можно привести миссию Лу к Цю в 634 году; Конфуций скрывает тот факт, что истинным мотивом была не вежливость к варвару Цю, а желание отомстить ортодоксальному Цю. Опять же, в 632 году, когда *фанатичный* император был "послан" Вторым Протектором, чтобы председательствовать на дурбаре; Конфуций предпочитает сказать: "Его Величество отправился осматривать свои вотчины к северу от реки", избегая тем самым даже назвать точное место, не говоря уже об описании обстоятельств. В 693 г. он наказывает императора за неподобающий поступок, записывая его как "короля", а не как "Небесного короля". С другой стороны, в 598 году даже варварский царь Цю был "мудрецом", потому что, покорив ортодоксальное государство Чэнь, он великодушно отказался от своего завоевания. В 529 году печально известного правителя ортодоксального государства Цай записали как "торжественно похороненного"; но правило гласило, что "торжественные похороны" не положены (1) варварам, (2) правителям, потерявшим корону, (3) убийцам. Итак, этот правитель был убийцей, но убило его варварское государство (Ц'у), и это оскорбление цивилизации должно быть наказано превращением двух черных в одного белого, то есть православными похоронами убитого убийцы. Опять же, в 522 году высокопоставленный офицер был "убит разбойниками"; объясняется, что на самом деле никаких разбойников не было, а простое убийство офицера простым человеком требует предположения о разбое. Это похоже на юридическую фикцию сумасшествия в современном китайском праве, чтобы объяснить чудовищное преступление отцеубийства и тем самым спасти город от уничтожения. Еще раз, на мирной конференции 546 года, Цюй, несомненно, "блефом" лишил Цинь ее законного первенства; но, поскольку Цинь - ортодоксальное государство, Конфуций делает Цинь дипломатическим победителем. Мы уже видели, что однажды он намеренно нарушил данное им слово, подло напал на людей, которые его пощадили, и из раболепия посетил женщину благородного звания, которая была "не лучше, чем должна была быть". Есть и еще одна небольшая женская неосторожность, записанная против него. Когда в 482 году умерла наложница правителя Лу, принцесса У (императорское родовое имя), Конфуций покорно отправился оплакивать "кровосмесительную" женщину; но, увидев сразу после этого, что могущественная семья, стоявшая у руля, не смиростивилась, он несколько бесславно снял траур в спешке. Все эти и множество других подобных мелких примеров робости могут показаться нам на расстоянии пустяками и паскудством, как и многие образцовые личные качества и добродушные поступки мудреца; но если мы учтем трудности перевода чужих понятий на чужой язык и естественное отсутствие сочувствия при попытке проникнуть в чужие чувства, мы можем признать, что эти мелкие детали, относящиеся к делу, ни в коем случае не должны разрушать основные черты великой картины. Немногие герои выглядят характерно, если только они не одеты в свою родную одежду и окружение; и, как сказал Карлайл, голая палата лордов выглядела бы гораздо менее достойно, чем голая негритянская конференция.

Как философ Конфуций в свое время едва ли мог похвастаться репутацией Цз-чжана из Чэна, который во многих отношениях, похоже, был его образцом и наставником. Гораздо больше говорят о философии Цз-ч'ана, о его тщательном определении ритуальной системы, о его юридической проницательности, о его отеческой заботе о благе народа; но, как и его современники и друзья Цзи, Цин, Чэн, Сун, Вэй, и даже У и Юэ, он работал для

непосредственного блага своего государства в тяжелые времена; тогда как Конфуций от первого до последнего был нацелен на восстановление религии (т.е, Именно поэтому после насильственного объединения империи императором Первым Августом в 221 г. до н. э., последовавшего затем его падения и возвышения династии Хань в 202 г. до н. э., этот последний дом, наконец, решил почитать, и все последующие дома продолжали почитать память Конфуция, потому что его система, после того как система Лао-цзы была подвергнута справедливому испытанию, была, наконец, признана наиболее подходящей для мира и постоянства.

Лао-цзы не только не упоминается в "Веснах и Осенях" Конфуция, как их расширили его современники и поздние комментаторы, но и ни о ком из великих писателей и философов, предшествовавших и современных Конфуцию, не говорится, кроме как строго в их качестве администраторов. Так, цзиский философ Кван-цз времен Первого покровителя, 650 г. до н. э.; цзиский философ Ен-цз времен Конфуция; и другие, упомянутые в предыдущих главах, в частности в главе XV. (из которых каждое ортодоксальное государство, имеющее политическое значение, может похвастаться хотя бы одним); основывали свою репутацию на том, чего они добились для государства, а не на том, чему они учили в абстрактном виде; Их экономические и исторические книги, дошедшие до нас в более или менее полном и достоверном виде, ценятся за выражение определенных теорий, с помощью которых они пришли к практическим результатам, а не за проповедь советов совершенства. Мы видели, что Ен-цзы выражал довольно сильное презрение к (для него) устаревшим формалистическим идеалам Конфуция, хотя сам Конфуций был высокого мнения о Ен-цзы. Лао-цзы впервые упоминается авторами различных "школ", возникших в результате падения Цинь в 452 году до н. э. и ее разделения на три отдельных царства, признанных таковыми императором-марионеткой в 403 году до н. э. Дипломатическая активность вскоре после этого стала совершенно необыкновенной, а каждый из семи царских дворов превратился в центр революционной мысли; то есть каждый литературный авантюрист имел свои собственные взгляды на то, какая интерпретация древней литературы лучше всего подходит для этого времени: это был модернизм с местью. Существует множество свидетельств влияния Лао-цзы на эпоху, хотя сам Лао-цзы умер уже сто лет назад, в 403 году. О Лао-цзе говорят и пишут в четвертом веке до нашей эры. Но поскольку до времен Конфуция государственное общение ограничивалось торговцами, воинами и чиновниками из княжеских каст, а книги были громоздкими предметами, хранившимися только в столицах и крупных центрах, есть все основания предполагать, что философия преподавалась почти исключительно из уст в уста, и вскоре после его смерти должно было произойти нечто, удешевившее и облегчившее распространение литературы. Вероятно, этим чем-то было постепенное внедрение практики письма на шелковых рулонах и на шелковой "бумаге", которая, как известно, была в моде задолго до открытия макулатуры в 100 г. н.э. Сам Конфуций, очевидно, пользовался старомодными бамбуковыми листками, перевязанными шнурами, как пачка билетов; ведь нам рассказывают, что он так усердно пытался понять "Перемены", что "истерзал три комплекта кожаных лент"; из главы XXXV. следует, что бамбуковые книги, зарытые в 299 году до н. э., которые были обнаружены почти 600 лет спустя, состояли из листов, перевязанных таким образом.

Передвижения Конфуция в течение четырнадцати лет изгнания прописаны очень четко, и, кажется, нет сомнений, что его визит ко двору императора состоялся, когда он был молодым человеком; во-первых, потому что Лао-цзы иронично называет его юношей, а во-вторых, потому что он отправился к Лао-цзы с сыном того государственного деятеля, который на смертном одре предсказал будущее отличие Конфуция; и не было никакой миссии Лу к императорскому двору после 520 года. Во II веке до н. э. не только дюжина государственных

деятелей, как утверждается, изучала труды Лао-цзы, но и сама императрица, как говорят, владела его книгой, а ее копия, как утверждают, древнего характера, хранилась среди других копий той же книги в императорской библиотеке. Два вопроса, которые не пытаются решить китайские историки и литераторы пятого, четвертого, третьего и второго веков до нашей эры, таковы: Почему жизнь Лао-цзы не дошла до нас раньше 100 года до н.э.? Почему это житие так скудно и почему автор его ссылается на "другие истории", существующие о нем? Почему книга, которую Лао-цзы написал по просьбе друга, не упоминается ни одним писателем до 100 г. до н.э.?

Поскольку ни один из этих многочисленных даосов или учеников Лао-цзы не выражает ни малейшего сомнения в существовании Лао-цзы или в подлинности его традиционного учения, очевидно, что скудость жизни Лао-цзы, рассказанная историком, скорее гарантирует истинность его слов, чем наоборот, поскольку он знает правду; в противном случае он непременно приукрасил бы. Суть учения Лао-цзы - его демократизм, защита народных прав, ссылка на царей и правительства как на необходимое зло, неодобрение роскоши и накопления богатств, энтузиазм по поводу простой жизни, отсутствия каст, равенства возможностей, социализма и неформальности; все это, хотя и взято из той же "Оды", "Книги, перемен и обрядов", в принципе противоречит доктрине Конфуция "назад к обрядам". Поэтому ни у Конфуция, редактировавшего "Оды", "Книгу" и т. д., ни у его почитателей не могло быть никаких побуждений упоминать Лао-цзы ни в своем оригинальном произведении "Весны и осени", ни в других сочинениях (написанных его учениками), передающих подлинные слова и настроения Конфуция. Кроме того, в течение всей жизни Лао-цзы императорский двор (где он служил канцеляристом) полностью игнорировался всеми "державами" как политическая сила; единственные лица, упоминаемые в дошедшей до нас истории Чжоу, - это историографы, чародеи, ритуальные клерки, герцогские посланники, то направляемые императором к вассалам, то консультируемые вассалами по вопросам этикета. Лао-цзы, будучи неизвестным клерком в неизвестном уделе и не занимая никакого политического поста, имел не больше прав на упоминание в истории, чем любой другой слуга или "безобидный труженик". То, что его доктрины были хорошо известны, не удивительно, ведь у Цз-чжана, его современника, и коллег этого великого человека из других государств тоже были свои доктрины, которые широко обсуждались, и, как мы видели, даже Цз-чжан был сурово обвинен в неслыханной новизне изложения законов в письменном виде как Конфуцием из Лу, так и Шу-хианом из Цинь (императорские клановые государства). Поэтому разумно предположить, что традиционная история правдива, а именно, что доктрины Лао-цзы вообще никогда не преподавались в школе, и что у него не было последователей или поклонников, кроме вассальных посланников, которые приезжали по духовным делам в метрополию. Мы уже видели, как эти люди развлекали друг друга за вином, цитируя оды и другие древние произведения; обращаясь в императорскую библиотеку, чтобы уточнить свои собственные даты, они, естественно, встречали старого затворника Лао-цзы и из его уст узнавали, что он думает о грядущем крахе, ожидаемом всеми. Говорят, что он с отвращением покинул ортодоксальный Китай и отправился на Запад - что ж, если он отправился на Запад, то должен был пройти через Цинь. На пограничном перевале (точно неизвестно, на императорской границе или на границе Цинь) знакомый или дежурный корреспондент предложил ему изложить свои мысли в письменном виде, что он и сделал. Книги были крайне редки, и их копии передавались медленно. Это было около 500 года до н. э. Между этим временем и 200 годом до н. э., когда впервые сообщается, что копию его книги держал в руках определенный человек, великие покровительствующие державы, а затем семь царей, вели кровопролитную войну, которая закончилась почти полным уничтожением всей империи "Оды, обряды и книги" в 213 году до н. э. Помните, однако, что под литературной

империей практически подразумевались части современных провинций Хо Нань и Шань Тун. "Перемены" не были уничтожены, а поскольку сам император Первого августа, его незаконнорожденный отец, несколько его государственных деятелей и его гости - странствующие дипломаты - были либо даосами, либо пропитаны даосскими доктринами (их единственной целью было уничтожение старого ритуала и феодальных тронов), есть основания предполагать, что книга Лао-цзы тоже сбежала, причем сбежала намеренно. Мы абсолютно ничего не знаем об этом; если предположить, что традиция о существовании книги верна, мы не знаем, что стало с первой копией, и сколько копий было сделано с нее в течение последующих 300 лет. Серьезные китайские историки не предпринимали никаких попыток создать историю. Конечно, неудовлетворительно не знать всей точной правды; но, если уж на то пошло, существование, личность и авторство ученика и комментатора Конфуция Цо К'иу-мина, официального историка Лу, столь же неясны; не говоря уже об истории самых ранних даосских критиков, которые действительно упоминают Лао-цзы и цитируют слова (если не упоминают) его книги. Когда мы читаем мастерское исследование Ренана о происхождении наших собственных Евангелий, и когда мы думаем, что даже происхождение пьес Шекспира и индивидуальность его личности открыты для вечных дискуссий, мы можем небезосновательно оставить китайских критиков и китайских историков судить о ценности их собственных национальных свидетельств, и принять в общих чертах то, что они говорят нам о фактах, как бы несовершенны они ни были в деталях, не добавляя гипотетических фактов и не поднимая новых собственных критических трудностей. Никакая иностранная критика не имеет и не может иметь большого значения, если оригинальные китайские истории и оригинальные китайские философы не были тщательно изучены иностранным критиком в оригинальном китайском тексте.

ГЛАВА XLVI

ОРАКУЛЫ И ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЯ

Обращение к оракулам, по-видимому, было повсеместной практикой, и существует множество исторических ссылок, сделанных государственными деятелями ортодоксальных княжеств, на предполагаемые толкования, приложенные к той или иной комбинации мистических знаков или диаграмм из "Перемен", вместе с аргументами относительно их конкретного значения или предзнаменования в определенных обстоятельствах. Несомненно, китайцы тех времен, как и наши собственные искатели религиозных "аналогий" и тайн, с совершенной добросовестностью рассматривали комбинации диаграмм, которые нам кажутся сущей бессмыслицей; не приходится сомневаться и в индивидуальном рвении Конфуция, хотя тот факт, что он считал, что для полного понимания потребуется не менее пятидесяти лет обучения, указывает на молчаливое признание, что он совершенно не понял большую часть тайны. Предполагается, что "Изменения" были разработаны отцом Царя-воина, когда (около 1160 г. до н. э.) он находился в тюрьме под тираническими подозрениями последнего императора Шан; мы уже видели, что правитель Цю был его воспитателем, в то время, когда Цю еще не был вассалом Чжоу. Как и "Оды", "Книга" и "Обряды", "Перемены" были литературой Чжоу, хотя, возможно, неписанные традиции более ранних династий могли внести свой вклад в эту литературу; что, действительно, кажется очень вероятным, поскольку Цю уже мог учить Чжоу.

Другой формой предсказания было изучение отметин на карапаксе черепахи; так, Царь-Мученик в 146 году проконсультировался с такими отметками и нашел их неблагоприятными - это было до того, как напал на последнего императора Шан; и только по настоятельной

просьбе его главного приспешника (впоследствии вассального царя и основателя Цзи) он был убежден, что нужно продолжать. Возможно, он заимствовал восточные идеи и у этого основателя Цзи. Позже младший брат Боевого короля, герцог Чжоу, обратился к оракулу вместе с тем же советником Цзи: это было сделано перед тремя родовыми алтарями их отца, деда и прадеда, чтобы узнать, выздоровеет ли император (*т.е.* Боевой король) от болезни. В 1109 году сын и преемник Боевого короля послал одного из своих дядей или ближайших родственников осмотреть место на месте современного Хо-нань-фу, чтобы перенести туда столицу, и, когда прорицания оказались благоприятными, Девять треножников были перенесены на это место, и впоследствии оно стало называться "Восточной метрополией" (первоначальная или западная столица не переносилась более 300 лет после этого). В то же время было предсказано, что будет еще тридцать царствований, в общей сложности 700 лет: таков был "указ Неба". С другой стороны, когда герцог Чоу умер во время бури, молодому императору посоветовали не обращаться к оракулам, чтобы узнать, что означает эта буря, поскольку добродетели его дяди были настолько очевидны, что само Небо с помощью бури спонтанно объявило об этом факте.

Астрология была еще одной формой прорицания. В 780 году до н. э. императорский астролог (кстати, один из тех двух человек, которых ошибочная традиция спустя 1000 лет спутала с Лао-цзы) предсказал, что на руинах императорской власти возвысятся Цзи, Цинь, Цу и Цинь; в 773 году тот же астролог повторил это пророчество императорскому принцу, который был недавно конфискован своим родственником-императором в государстве ЧКНГ. В 705 году императорский астролог, проезжая через ортодоксальное государство ЧКН, предсказал по диаграммам, что отпрыск дома ЧКН получит трон Цзи (что и произошло на самом деле, когда *мэр дворца*, к ужасу Конфуция, убил последнего законного герцога в 481 году до н.э.); это конкретное пророчество было сделано в 481 году до н.э.); это конкретное пророчество вдвойне интересно, потому что диаграммы из "Перемен", подробно приведенные в истории Конфуция, в точности соответствуют диаграммам "Книги перемен" в том виде, в котором мы имеем ее сейчас, поскольку Конфуций манипулировал ею, - доказательство того, что никаких изменений, по крайней мере, в этой части текста не произошло.

Правитель Цинь в 762 году, через девять лет после получения западной половины императорских владений Чжоу и признания себя первоклассным вассалом, обратился к оракулу с вопросом о том, куда ему перенести свою столицу. В 677 году оракулы снова решили, что царствующий правитель должен перенести свою столицу в (современный) Фэн-сян-фу в Западном Шэнь-си; оракулы добавили: "И позже ты будешь поливать своих коней в Желтой реке"; что и произошло после завоеваний и аннексий 643 года до н. э., как уже говорилось. В 374 году до н. э. императорский астролог (второй человек, которого традиция, спустя 300 лет, ошибочно спутала с Лао-цзы), посетивший ныне царский двор Цинь, сказал: "После 500 лет разлуки Цинь воссоединяется с нашим императорским домом; еще через 77 лет появится властный монарх". Семь лет спустя "дождь из металла" (вероятно, какое-то природное явление, не совсем понятное в то время) был признан хорошим предзнаменованием в связи с новой столицей, теперь расположенной на южном берегу реки Вэй. После того как Цинь завоевал Китай, известны и другие многочисленные случаи прорицаний, предзнаменований и т. д., которые, как предполагается, имели политическое значение.

В 645 году правитель соседнего государства Цинь обращается к оракулам, чтобы выяснить, кто будет наиболее подходящим военным возницею. За несколько лет до этого придворный прорицатель предсказал будущий успех мелкого нгвейского субкняжества Цинь, которое в 403 году до н. э. фактически стало отдельным вассальным царством. В 575 году Цинь не

осмелился принять вызов Цю на битву, поскольку в тот день был *dies nefas*, то есть последний день луны. Тем временем шпионы армии Цю заметили, что цинские вожди консультируются с оракулами перед табличками своих предков в полевом шатре. В 535 году цинская администрация обратилась к своему астрологу с вопросом: "Сохранится ли государство Чин?". Ответ гласил: "Когда оно закрепит за собой Цинь, оно погибнет". Как уже объяснялось, в 481 году до н. э. отпрыск дома Чэнь действительно получил Цзи, и уже в следующем году Чэнь был присоединен к Цю. В 510 году цинский астролог предсказал уничтожение У Ие в течение сорока лет, а также преобладание частной семьи Лу, столь тесно связанной с бедами Конфуция. Даже в те времена не было недостатка в здравомыслящих людях, которые высмеивали науку астрологии: например, Шу Хян из Циня - человек, который так резко осуждал письменные законы Цз-чжана, и человек, который обсуждал с циньским посланником, философом Ен-цзом, ничтожность их соответствующих князей - сказал однажды, когда "ход небес на северо-запад" должен был указать на успех Циня: "Ход небес, как и наш успех, зависит от качеств князя, а не от расположения звезд".

Сам Цз-Ч'ан из Чэна отвергал прорицательские предупреждения и говорил, что предпочитает делать все, что в его силах, а предзнаменования оставлять на произвол судьбы. Однажды у южных ворот столицы Чэн наблюдали, как две змеи (одна из города, другая извне) сражались; победила та, что была изнутри. И точно! Изгнанный герцог через шесть лет после этого вернулся к своим. Итак, в государстве Лу дети пели: "Когда дрозды прилетят и сошьют гнезда, правитель отправится в место на границе Цинь; когда дрозды поселятся здесь, герцог будет за границей" - в намеке на будущее изгнание правящего принца могущественной семьей, о которой шла речь выше. И снова (480 г. до н. э.), в государстве Сун, чье земное положение, как предполагалось, "вторгнется" из-за тогдашнего особого небесного положения планеты Марс: правящему князю было предложено "переложить" угрожающее бедствие на своих министров, народ или урожай - князь отказался воспользоваться этим решением. "Это действительно слова мудреца, - сказал астролог.

Теперь мы переходим к полувцивилизованному государству Цю, которое, похоже, имело своих оракулов, причем лучших из них, по крайней мере после 560 г. до н. э. Тогда царю объяснили, что "древние императоры иногда советовались с оракулами в течение пяти лет, прежде чем принять решение об экспедиции или назначить ее дату; они довольствовались терпеливым ожиданием постановлений Неба". В 537 году царь Цю, имея в своей власти принца У, послал к нему ироничный вопрос, не обращался ли он должным образом к оракулам. "Да, - ответил принц, - у каждого правителя есть своя черепаха, и с помощью наших оракулов легко показать, как пагубно вы повлияете на меня, если мне будет причинен какой-либо вред". Такое спокойствие спасло ему жизнь. В 528 году узурпатор Цзю предложил человеку, который когда-то помогал ему, назвать любую должность, которую он пожелает. Тот выбрал должность прорицателя, которая, судя по всему, являлась должностью первого ранга. Отец этого царя тайно договорился с наложницей, несмотря на правило Цзю (или, возможно, в соответствии с ним), что один из младших сыновей должен стать наследником, "принести жертву на расстоянии богам вообще и спросить у них, кто из пяти сыновей должен принести жертву духам земли"; затем он закопал нефритовый символ правления в храме предков и приказал пяти сыновьям войти туда после соответствующего очищения; три сына, случайно коснувшиеся этого места, царствовали один за другим. В 489 году царь Цю, занятый в то время оказанием помощи ортодоксальному государству Чэнь против нападений У, спросил императорского астролога (который, должно быть, был там с визитом): "Что означает этот ореол, похожий на птичьи крылья, по обе стороны от солнца?" Астролог ответил: "Он предвещает беду, но вы можете передать его своим генералам". Тогда генералы

предложили сами обратиться к богам и даже принести в жертву своих, если потребуется; но король отказался (на том же основании, что и упомянутый выше герцог Сунг), потому что "мои генералы - это мои собственные конечности". Тогда было предложено перенести бедствие на Желтую реку. "Нет, Желтая река никогда не обманывала меня: с тех пор как мы получили свой удел, мы никогда в полнолуние не приносили жертвы за реками Хань и Ян-цзы". Конфуций одобрил этот ответ. Следует помнить, что как раз в это время Конфуций слонялся по Чжуну и кокетничал с Цю, так что, возможно, это одобрение было как-то связано с его собственными перспективами.

Записывая эти случаи пророчеств и предзнаменований (которые можно было бы умножить в десять раз), мы хотим показать, как один основной набор идей пронизывает все это. Мы не должны быть слишком готовы высмеивать их или намекать на то, что "это произойдет после события". Наши собственные Писания полны подобных пророчеств, и то, что хорошо для нас, хорошо и для китайцев. Если можно предсказать небесные движения, то почему бы не предсказать соответствующие земные движения, когда каждый уголок земли находится на меридиане чего-либо? В период становления науки это скорее вопрос веры, чем истины; и даже истина, если мы настойчиво ожидаем ее, была грубо угадана такими великими мыслителями, как Цз-Ч'ан и Шу-Хианг.

ГЛАВА XLVII

ПРАВИТЕЛИ И ЛЮДИ

Характерной чертой этого времени был удивительно личный характер войн и очевидное полное безразличие к скромным народным интересам; *Quidquid delirant reges, plectuntur Achivi*; на этом акцентирует внимание демократический философ Лао-цз, который, однако, в своей книге (подлинной или нет) достаточно мудр, чтобы никогда не называть ни людей, ни места; вероятно, это благоразумие спасло его от огня в 213 году до н.э.

В 684 году до н. э. правитель Цай (императорский клан) очень грубо обошелся с сестрой своей жены, которая была замужем за мелким принцем (императорский клан), находившимся неподалеку; сестра просто проезжала мимо как путешественница; в результате этот мелкий принц, ее муж, побудил Цу начать войну с Цай, чей правящий принц был захвачен и умер в плену. В 657 году у правителя Тсаи была сестра, вышедшая замуж в Тсаи. Первый покровитель, оскорбленный каким-то игривым непослушанием, отправил ее обратно, но не развелся с ней. Ее брат был так разгневан, что нашел ей другого мужа. На это Цай объявил войну и захватил брата, который, однако, благодаря заступничеству других принцев-вассалов, был возвращен в свое царство. В 509 и 506 годах до н. э. Цай побуждает Цинь начать войну с Цю, а также помогает У в ее военных действиях против Цю, поскольку цюйский министр задержал правителя Цай за отказ расстаться с красивой шубой. Это напоминает кражу Ясоном Золотого руна и подобные греческие разборки. В 675 году до н. э. император в третий раз вынужден был покинуть свою столицу, а непосредственной причиной неприятностей стала его попытка захватить рисовое поле вассала для включения его в собственный парк - китайский вариант спора о винограднике Набота. Ничто не может лучше доказать мелочность древнего государства-горизонта; ни одна занятая активной деятельностью великая держава не могла найти время для таких пустяков.

Когда на трон вззошел Второй Протектор, ортодоксальным государствам Вэй, Цао и Чэн (все из императорского клана), скупно обращавшимся с ним как со странником, пришлось дорого заплатить за свою подлость. В 632 году, когда Протектор закрепился на цинском троне, правитель Цао был немедленно схвачен, а часть его территории была передана Сунгу (где к страннику относились хорошо). В том же году Цинь пожелал помочь Сун и попросил права

прохода через государство Вэй, в чем ему было вежливо отказано; тогда циньская армия переправилась через Желтую реку на юг Вэй: в наказание за этот отказ, а также за предыдущее грубое обращение, Вэй также пришлось отдать часть своей территории благосклонному Сун. В 630 году Цинь побудил Цинь присоединиться к нападению на Чэн, разумеется, чтобы отомстить за аналогичную грубость; однако дипломатия Чэн преуспела в побуждении Цинь отказаться от Цинь в кратчайшие сроки: это был один из немногих случаев, когда Цинь вмешался или собирался вмешаться в дела "ортодоксов". В 592 году Цинь отправил в Цинь посланника-горбуна; случилось так, что в это же время Лу отправил хромого, а Вэй - третьего, слепого на один глаз. Тогда правитель Цинь назначил офицера, изуродованного каким-то другим способом, исполнять обязанности хозяина этой жалкой троицы. Циньский посланник поклялся: "Если я не отомщу за это Цзи, пусть Бог Желтой реки примет это к сведению!". Достигнув своей страны, он попытался склонить правителя к войне с Цинь, но принц сказал: "Ваша личная неприязнь вряд ли является достаточным основанием для беспокойства всей страны", и он отказался.

Принцип божественности, подстерегающей царя, был заложен довольно рано, но свидетельств царского абсолютизма в Цю, конечно, больше, чем в ортодоксальном Китае, где ответственность правителей перед Небом и народом (символизирующим также Небо) была общепринятой аксиомой. Например, в 522 году до н. э. один офицер, зная, что царь Цю посылает за ним, чтобы убить его, сказал своему брату: "Как прикажет царь, один из нас двоих должен уйти, но ты сможешь отомстить за меня позже". Когда следующий царь Цю был беглецом и у подданного возник вопрос, не убить ли его за то, что его отец лишил жизни брата, ему возразили: "Нет! Если царь убьет одного из своих офицеров, кто сможет отомстить за него? Его приказы исходят с небес. Непростительно таким образом пресекать жертвоприношение предков целого дома".

В еще более древние времена, когда последнего императора династии Шан предупредили о росте народных настроений в пользу восходящей державы Чжоу, он сказал: "Разве я не уполномочен Небом? Что они могут мне сделать?" Когда Царь-Мученик добился своего, он обмазал бога земли кровью жертв и возвестил Небу о преступлениях мертвого тирана. Во время войны 589 года между Цинь и Цзи, правитель Цзи, который поменялся местами со своим возницей, чтобы избежать обнаружения, был горячо преследуем; но его колесница зацепилась за дерево. Увидев это, циньский капитан распростерся перед колесницей и сказал: "Приказ моего княжеского господина - помогать государствам Лу и Вэй" (то есть не нападать на вашу персону). Тем временем переодетый возница приказал переодетому царю принести воды, и царь таким образом избежал даже унижительной милости от своего великодушного победителя. Когда в 548 году был убит никчемный цзиский правитель, философ Ень-цзы сказал: "Когда правитель умирает или изгоняется ради богов земли и ее урожаев, все умирают или изгоняются вместе с ним; но если он умирает или изгоняется по личным причинам, то с ним умирают только его личные друзья". Поэтому он довольствовался тем, что причитал и клал голову на царское тело. Тот же циньский капитан, который был так нежен с циньским князем в 589 году, четырнадцать лет спустя имел возможность взять в плен правителя Чанг в бою; но он сказал: "Зло приходит к тому, кто прикасается к коронованной голове! Я уже однажды совершил святотатство против правителя Цзи; сохраните меня от совершения этого преступления во второй раз!" И он стремительно повернул назад. Во время той же битвы на телохранителей царя Цю напал циньский генералиссимус, который, увидев царя в центре охраны, вышел из колесницы, снял шлем и в ужасе бежал, "таково было его уважение к царственной особе". В Китае существовало ритуальное правило для знатных людей не снимать официальный головной убор до смерти; например, в 481 году, когда один из учеников Конфуция был убит на войне, его последним патриотическим поступком было

завязывание шляпы потуже. Хотя правители должны были нести обязанности перед богами в целом, однако власть богов была ограничена. Так, когда в 541 г. Цз-Ч'ан из Чханга был отправлен посланником в Цинь, больной циньский правитель спросил его: "Как можно вызвать двух богов, которые, по их словам, виновны в моем недуге?". Цз-чан ответил: "Эти боги не могут причинить вам вреда; мы приносим им жертвы в связи с природными явлениями, такими как засуха, наводнение или другое бедствие; так же как в случае со снегом, градом, дождем или ветром мы приносим жертвы богам солнца, луны, планет и созвездий. Ваша болезнь - результат пьянства, переедания, женщин, страстного гнева, чрезмерных удовольствий". Шу Хян одобрил такой взгляд на ситуацию, основанный на здравом смысле.

ДРЕВНЕКИТАЙСКОЕ ПРАВО

ПРИЛОЖЕНИЕ I

Весной 536 года до н. э. один из ведущих государственных деятелей Китайского федерального союза Цз-Ч'ан решил опубликовать для всеобщего сведения Уголовный закон, который до сих пор просто "объявлялся" различными правителями и их чиновниками в зависимости от обстоятельств каждого случая. В это время различные премьеры и министры свободно посещали друг друга, как правило, в свите правящего принца, который принимал или наносил визит какому-нибудь другому вассальному принцу. Сам император, лишенный теперь своей власти, был лишь *primus inter pares* среди этих принцев. Шу Хян, один из министров соседнего двора Цинь, обратился со следующим примечательным письмом к вышеупомянутому коллеге, который ввел это юридическое новшество. Оно опубликовано in *exteso* в собственной истории времен Конфуция, дополненной одним из его учеников:...

"Поначалу я считал вас проводником, но теперь этому пришел конец. В прежние времена наши монархи решали дела особым указом и не имели готовых законов, опасаясь, что народ начнет спорить. Однако и в этом случае невозможно было подавить злодеяния; поэтому они использовали правосудие как профилактику, администрацию для приведения дел в порядок, внешние формальности для обеспечения уважения, добрую волю как неизменный принцип и доброту в фактическом обращении. Они назначали определенные чины и вознаграждения, чтобы побудить своих офицеров следовать намеченному курсу, и устанавливали определенные суровые наказания и штрафы, чтобы внушить этим офицерам страх перед произволом, опасаясь, что в противном случае они могут не выполнить свой долг. Таким образом, наставления давались при любой лояльности; страх внушался личным примером; наставления передавались по мере необходимости; работа на службе сопровождалась благородством; общение с нижестоящими отличалось почтительным поведением; исполнительная рука применялась твердо; решения исполнялись с мужественностью. Однако, несмотря на все это, никогда не было слишком легко добиться мудрых и святых (вассальных) принцев, умных и разборчивых министров, верных и надежных чиновников или добрых и ласковых наставников. Однако в этих условиях удавалось настроить народ, и Китай, по крайней мере, был избавлен от революции и несчастий.

"Но когда люди сами познают писанный закон, они перестанут бояться своих начальников и, более того, приобретут дух соперничества. Не имея книги, на которую можно сослаться, они будут использовать все способы, чтобы уклониться от буквы закона. Этого делать не стоит. Только во времена анархического правления основатели династий Хиа и Шан (2200 и 1760 гг. до н. э.) сочли необходимым издать (для своих офицеров) сборники законов, которые до сих пор носят их имена; и также только в анархические времена (1000 г. до н. э.) один император нашей нынешней династии счел необходимым издать (для своих офицеров) так называемые Девять Законов. Другими словами, появление письменного права во всех трех случаях

означало упадок государственного управления. Вы, сэр, являетесь главным министром штата *CHÊNG* (часть современного Хо Нана); несколько лет назад вы приняли несколько новых правил о разделе земли ; затем вы поставили систему налогообложения на новую основу; и теперь вы приступаете к воплощению трех специальных сборников, только что упомянутых, в новом народном кодексе, который вы отлили в металлических знаках. Если вы делаете это с целью умиротворить народ, то, конечно же, это не покажется вам легким делом? В "Книге од" говорится: "Царь *Вэн* (виртуальный основатель в 2200 г. до н. э. царствовавшей тогда династии Чжоу) взял добродетель в качестве своего проводника и таким образом постепенно умиротворил четыре четверти мира". Там же говорится: "Методы царя *У* (сына виртуального основателя) обеспечили доверие всех остальных стран". Где же были писанные законы в те времена? Когда в людях проснется дух соперничества, они перестанут следовать принципам приличия и будут придерживаться только буквы; они будут торговаться по каждому крошечному пункту, доступному острию ножа или кончику шила. Мы станем свидетелями потока судебных разбирательств; взяточничество и коррупция будут процветать. Как вы думаете, продержится ли такое состояние *Ченга* всю вашу жизнь? Я слышал, что говорят: "Когда страна близка к краху, в ней происходит множество противоречивых административных изменений". Применимо ли это к нынешним условиям?"

Ответ был таков:...

"Что касается того, что мой distinguished друг изволил сказать, то боюсь, что мои скромные возможности недостаточно велики, чтобы принять на себя интересы потомства; мои действия были предприняты в интересах государства, каким я его нашел и каким мне приходится им управлять. Поэтому, хотя я и не могу принять повеления тура, я буду стараться не забывать о вашей доброте, предлагая советы".

Хотя до нас не дошли точные слова вышеупомянутого Кодекса в Брассе, они (как и Двенадцать таблиц Рима, появившиеся на восемьдесят лет позже по отношению к римской юриспруденции) являются основой китайского уголовного права в том виде, в котором оно существует до сих пор, изменяясь, разумеется, от династии к династии. В это время Конфуций был еще совсем юным; но позже, будучи министром третьего вассального государства, Лу, он также выразил свое неодобрение письменному кодексу, хотя и уважал его автора, которого знал лично. Письмо Шу Хиана интересно тем, что показывает уровень философии, здравого смысла и международной вежливости, которого достигли государственные деятели Китая 2400 лет назад.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

В 539 году до н. э. цзиньский государственный деятель и философ Ен-цз был отправлен с миссией в Цинь, чтобы договориться о политическом браке. В этот период премьером Циня был Хань К'и, которого также называли Хань Суань-цз, и он отправил министра Шу Хяна с комплиментарным посланием к циньскому посланнику, приняв предложение о подходящей жене. В это время дипломатические отношения китайских государств были особенно интересны, поскольку, помимо того, что во всех великих государствах правили интеллектуальные премьеры, большинство из них были личными друзьями, знакомыми или корреспондентами Конфуция, который оставил о каждом из них свое суждение. После того как официальные переговоры о браке были закончены, Шу Хян заказал прохладительные напитки, и они с Ен-цз сели за приятную тихую беседу в одиночестве.

Шу Хианг. Как дела у Цзи?

Ен-цз. Это плохие времена. Я не знаю, что можно сказать о Цзи, кроме того, что она, похоже, попадает в руки семьи Ч'КН. Князь пренебрегает своими людьми, и поэтому они обращаются за защитой к семье Ч'КН. В прежние времена в Ц'и было три меры зерна, каждая из которых была в четыре раза больше другой - и т. д. четыре пинты, шестнадцать пинт, шестьдесят четыре пинты и, наконец, большая мера, содержащая в десять раз больше последней, или 640 пинт (или литров); но три меры семьи Ч'КН были увеличены на одну единицу, так что три последовательные пятерки, умноженные на десять, дают 800 пинт, и их план состоит в том, чтобы давать зерно в долг своей личной мерой в 800 пинт, а затем брать плату в княжеской мере. Древесина с гор продается на рынке так же дешево, как и на горах; рыба, соль, моллюски и петушки продаются на рынке так же дешево, как и на берегу. С другой стороны, две трети продуктов народного труда достаются князю, а на пропитание производителей остается лишь одна треть. Запасы князя гниют, в то время как наши старики умирают от голода. Ложные ноги на рынке дешевле обуви (из-за большого количества людей, наказанных ампутацией ступни); народ мучается чувством несправедливости и жаждет прихода (семьи СН'ЁН), которую он любит как родителя и к которой он стремится, как вода бежит вниз по склону. При таких обстоятельствах, даже если бы они не хотели завоевать народ, как они могли бы избежать этого? Последний оставшийся в живых представитель той ветви рода Ч'КН, которая ведет свое происхождение от предыдущих династий, все еще оставил свой дух на земле Цзи, хотя представители рода номинально являются подданными Цзи.

Шу Хуанг. Да. И даже наш правящий дом Цинь переживает упадок. Армии больше не оснащены, а наши государственные деятели не готовы к войне. Некому вести колесницы, а у наших батальонов нет грамотных командиров. Простой народ совершенно истощен, в то время как расточительность дворца беспредельна. На дорогах лежат голодные люди, а деньги растрачиваются на женских фавориток. Повеления принца воспринимаются народом так, словно он жаждет вырваться из лап разбойника. Представители восьми ведущих семей, которые так долго и верно служили государству, низведены до самых незначительных должностей. Правительство управляется в определенных частных интересах, и народу не к кому апеллировать. Правитель не проявляет никаких признаков исправления и старается утопить свои заботы в чрезмерной снисходительности. Когда еще правящий дом достигал таких низких глубин, как сегодня? Предупреждающий оракул, начертанный на треножнике, гласит: "Как бы рано ты ни приступил к ревностному труду, твои потомки могут оказаться ленивыми". А уж если человек не исправится, то катастрофа неминуема!

Ен-цз. Что вы предлагаете делать?

Шу Хуанг. Правящий дом Цинь почти иссяк. Я слышал, что, когда правящий дом близок к падению, члены его семьи отпадают первыми, как ветви и листья поваленного дерева, а сам правитель, подобно стволу, следует их примеру. Возьмем, к примеру, мой собственный род, в котором раньше было одиннадцать семейных или клановых имен. Мой клан - Sheepstongue (ср. английское Sheepshanks), и он единственный, который теперь остался; а у меня самого нет сына, который мог бы стать моим наследником. Правящий дом произволен и капризен, так что, даже если мне посчастливится умереть в своей постели, мне некому будет совершить за меня *сакру*.

В 513 г. до н. э. два генерала государства Цинь с оружием в руках вошли в резервацию Лухун (современная провинция Хо Нань), куда в 638 г. до н. э. было приведено племя татар, чтобы поселиться по соглашению между двумя китайскими державами, чьи территории (Цинь и Цинь) находились вместе с татарами, татарское племя с таким названием было переселено по соглашению между двумя китайскими державами, чьи территории (Цинь и

Цинь) граничили с татарами; "и затем они обратились к государству Цинь за четырьмя фунтами железа, чтобы отлить треножник для наказания, на котором можно было бы написать книгу законов, составленную Фань Сюань-цзюм (министром)". Конфуций сказал: "Я не знаю, что делать."

"Похоже, что Цинь вот-вот погибнет, поскольку он ошибся в своих расчетах. Государство Цинь должно управлять своим народом, сохраняя древние законы и постановления, полученные их предком, который был впервые конфискован здесь (в 1120 году до н.э.), когда государственные чиновники соблюдали бы то же самое в своей степени. Таким образом, народ знал бы, как уважать своих начальников, а правящие классы были бы в состоянии сохранить свои владения. Правильный баланс между высшими классами и простолюдинами - это то, что мы называем "порядком". Правящий князь Уэнь (принявший протекторат Китая в 632 году до н. э.) по этой причине создал официальный орган сановников и организовал ежегодный весенний пересмотр законов своих предков в качестве представителя федерального князя. Теперь Цинь отказывается от этой системы и делает треножник, который отныне будет управлять поступками народа. Как теперь они смогут уважать своих начальников (имея перед собой книгу)? Как начальство сможет сохранить свои владения? Если начальство и простолюдины путают степени, как может существовать государство? Кроме того, наказания Сюань-цзю относятся к весенней ревизии (621 г. до н. э.), когда в государстве Цинь происходили смятение и перемены; как они могут принять это за подходящий прецедент?"

ПРИЛОЖЕНИЕ III

Около двадцати пяти веков назад - точнее, в 546 году до нашей эры - китайские державы провели "Гаагскую конференцию" с целью сокращения вооружений. Вот как рассказывает об этом ученик Конфуция, Цо К'иу-мин, в "Цо Чване", или расширенной версии "Весны и осени" Конфуция (для удобства названия древних государств заменены на названия соответствующих им современных провинций):-...

"Один государственный деятель Хо Нань, будучи в дружеских отношениях со своими коллегами из Шан Си и Ху Пи, задумал сделать себе имя, предложив прекратить вооружения. Сначала он отправился в Шань-Си и побеседовал там с премьером; премьер посоветовался со своими коллегами в министерстве Шань-Си, и один из них сказал: "Война губительна для народа и является страшной тратой богатства; она - проклятие малых держав. Хотя эта затея ни к чему не приведет, мы должны согласиться на конференцию; в противном случае Ху Пи, чтобы добиться расположения держав, согласится на нее первым, и таким образом мы потеряем то господствующее положение, которое занимаем сейчас". Шань Си согласился.

"Затем (повествование продолжается) посетили Ху Пэ, и он тоже согласился. Затем Шань Тунг (теперь это сфера Германии). Шань Тунгу эта идея не понравилась; но один из министров Шань Тунга сказал: "Шань Си и Ху Пэ согласились, и нам это не поможет. Кроме того, в мире скажут, что если бы не наш отказ, то вооружения были бы прекращены, и таким образом наш собственный народ проголосует против нас. Что с того? И Шань Тунг согласился. Затем уведомили Шэнь Си. Шэнь Си тоже согласился. Тогда все четыре великие державы уведомили малые государства, и большой дурбар (четырнадцати государств) был проведен на малом дворе в Хо Нане".

Любопытно, что представитель императора (чье политическое положение не отличалось от положения пап в Европе с 1870 года) вообще не появился на конференции, хотя все великие державы сохраняли фикцию, предоставляя первенство императору и его нунциям, и даже

принимали от него инвеституру и подношения императорскому двору - когда это было им выгодно.

Эта знаменитая мирная конференция завершила семьдесят два года почти непрерывной войны между Цинь и Цинь (Шан Си и Шен Си), не считая вспомогательной войны между Цинь и Цу (Ху Пэ).